

Астрид Линдгрэн

Калле Блюмквист-сыщик

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

— Кровь! Никакого сомнения! — воскликнул он, внимательно разглядывая в лупу красное пятнышко, потом перебросил трубку из одного угла рта в другой и вздохнул.

Разумеется, это кровь. Что же еще может появиться, когда порежешь палец? Красное пятнышко могло бы быть неопровержимым доказательством того, что сэр Генри, решив избавиться от своей жены, совершил одно из самых страшных преступлений, с которым когда-либо приходилось сталкиваться сыщику. Но, к сожалению, это совсем не так. Просто сыщик сам нечаянно порезался, когда чинил карандаш, — такова горькая правда.

Так что сэр Генри тут совершенно ни при чем. Тем более что этого противного сэра Генри вообще не существует в природе. Эх, до чего же обидно! Есть же счастливчики — рождаются в лондонских трущобах или в гангстерских кварталах Чикаго, где стрельба и убийства в порядке вещей. А он... Калле неохотно оторвал взгляд от пятнышка и посмотрел в окно.

Большая улица спокойно и безмятежно дремала на летнем солнце. Цвели каштаны. Не было видно ни одного живого существа, кроме булочникова кота, который сидел на краю тротуара и облизывал лапки. Даже наметанный глаз самого искусного сыщика не мог бы обнаружить ничего, что указывало бы на какое-нибудь преступление. Гиблое дело быть сыщиком в этом городишке! Когда он вырастет, то при первой же возможности отправится в лондонские трущобы. А может быть, все-таки предпочесть Чикаго? Отец хочет, чтобы Калле начал помогать в лавке.

В лавке! Он? Ну нет! Ведь им тогда будет не житье, а малина, всем этим бандитам и убийцам в Лондоне и Чикаго. Они же совсем распоясаются без присмотра! А Калле в это время будет стоять в лавке, сворачивать кульки и отвешивать мыло и дрожжи... Нет уж, он не собирается стать каким-то торгошом. Сыщик или никто! Пусть отец выбирает. Шерлок Холме, Асбьорн Краг, лорд Питер Вимсей, Эркюль Пуаро, Калите Блюмквист! Он щелкнул языком. И он, Калле Блюмквист, намерен превзойти их всех!

— Кровь, никакого сомнения, — пробормотал он с довольным видом.

На лестнице раздался грохот. Через секунду дверь распахнулась, и появился запыхавшийся, разгоряченный Андерс. Калле критически оглядел его и сделал кое-какие наблюдения.

— Ты бежал, — сказал он тоном, не терпящим возражений.

— Ясно, бежал. А ты думал, меня на носилках принесут, что ли? раздраженно ответил Андерс.

Калле незаметно спрятал трубку. Не то чтобы он боялся, что Андерс застанет его курящим украдкой. Просто в трубке не было табаку. Но вообще трубка сыщику необходима, когда он размышляет. Даже если в данный момент табак кончился.

— Может, пойдём погуляем? — спросил Андерс и плюхнулся на кровать Калле.

Калле кивнул. Разумеется, он пойдет! Что бы там ни было, а он обязан хоть один раз обойти улицы — вдругтам появилось что-нибудь подозрительное? Конечно, существуют полицейские. Но он прочел уже достаточно книг, чтобы знать, чего эти полицейские стоят. Они не распознают убийцу, даже столкнувшись с ним нос к носу. Калле положил увеличительное стекло в ящик письменного стола, и они с Андерсом понеслись вниз по лестнице, сотрясая дом до самого основания.

— Калле, не забудь вечером полить клубнику! Это мама выглянула из кухонной двери. Калле успокаивающе помахал рукой. Да польет он клубнику! Только попозже. Когда

убедится, что по городу не шныряют темные личности с преступными намерениями. К сожалению, мало вероятно, чтобы такие типы появились, но лучше быть начеку! А то получится, как в фильме «Дело Бакстона». Уж, казалось бы, куда тише и безмятежнее городок, и вдруг — бац! — выстрел среди ночи, а потом — раз! — одно за другим четыре убийства. Негодяи на то и рассчитывают, что никому не придет в голову подозревать что-либо в таком маленьком городке в такой чудесный летний день. Да только они не знают Калле Блюмквиста!

В нижнем этаже находилась лавка. На вывеске стояло: «Бакалейная торговля Виктора Блюмквиста».

— Попроси у отца леденчиков, — предложил Андерс.

Калите и самому пришла в голову эта здоровая идея. Он просунул нос в дверь. Там за прилавком стоял Виктор Блюмквист собственной персоной. Это и был папа.

— Пап, я возьму немножко вон тех, полосатеньких!

Виктор Блюмквист бросил нежный взгляд на свое белобрысое чадо и что-то добродушно промычал. Это означало разрешение. Калле запустил руку в ящик с леденцами и быстро ретировался к Андерсу, который ждал его на качелях под грушевым деревом. Но Андерс не выказал ни малейшего интереса к «тем, полосатеньким». С глупым выражением лица он уставился на какой-то предмет в саду булочника. Этим предметом была булочникова дочка Ева-Лотта. Она сидела на качелях, в красном клетчатом платье, качалась и уплетала булочку. И, кроме того, она напевала, так как была разносторонне одаренной особой.

Жила-была девчонка,
Звалась Жозефина,
Жозефина-фина-фина,
Жозе-жозе-жозе-фина...

Чистый, приятный голосок отчетливо доносился до Андерса и Калле. Калле рассеянно протянул Андерсу леденцы, безнадежно глядя на Еву-Лотту. Андерс так же рассеянно взял один, не менее безнадежно глядя на Еву-Лотту. Калле вздохнул. Он безумно любил Еву-Лотту. Андерс тоже. Калле твердо решил жениться на Еве-Лотте, как только скопит достаточно денег на обзаведение хозяйством. Андерс тоже. Но Калле не сомневался, что она предпочтет именно его, Калле. Сыщик, на чьем счету что-то около четырнадцати расследованных преступлений, — это, пожалуй, будет похлеще, чем машинист! А машинистом собирался стать Андерс.

Ева-Лотта качалась и пела, словно и не подозревала, что за ней наблюдают.

— Ева-Лотта! — позвал Калле.

Всего-то у ней было

Что швейная машина,

Ма-шина-шина-шина-шина,

Ма-ма-ма-ма-шина-шина...невозмутимо продолжала Ева-Лотта.

— Ева-Лотта! — крикнули вместе Калле и Андерс.

— Ах, это вы! — сказала Ева-Лотта, очень удивившись.

Она слезла с качелей и милостиво подошла к забору, отделявшему ее сад от сада Калле. В заборе не хватало одной доски — Калле ее сам вынул. Это было очень удобно — позволяло беспрепятственно беседовать, а также лазить в сад к булочнику, не утруждая себя обходными путями. Андерс втайне страдал от того, что Калле живет рядом с Евой-Лоттой. Все-таки как-то несправедливо. Сам он жил далеко, совсем на другой улице, где он, родители и маленькие братишки и сестренки ютились в одной комнате с кухней над папиной сапожной мастерской.

— Ева-Лотта, пойдешь с нами в город? — спросил Калле. Ева-Лотта с наслаждением проглотила последний кусок булки.

— Почему бы нет?

Она стряхнула крошки с платья. И они пошли. Была суббота. Хромой Фредрик был уже навеселе и стоял, как обычно, около дубильни, окруженный слушателями. Калле, Андерс и Ева-Лотта тоже подошли послушать, как Фредрик рассказывает о подвигах, которые он совершил на строительстве железной дороги в Норрланде.

Слушая, Калле внимательно смотрел по сторонам. Он ни на минуту не забывал своего долга. Ничего подозрительного? Увы, ничего! Но ведь известно, что не всегда можно доверять даже самой невинной внешности. Уж лучше быть начеку! Вон, например, плетется по улице мужчина с мешком на спине...

— А вдруг, — зашептал Калле, толкая Андерса в бок, — а вдруг у него полный мешок краденого серебра?

— А вдруг нет? — отозвался Андерс нетерпеливо; ему хотелось послушать Хромого Фредрика. — А вдруг ты совсем рехнешься в один прекрасный день со своими детективными идеями?

Ева-Лотта засмеялась. Калле промолчал. Он уже привык к тому, что его не понимают. Вскоре, как и следовало ожидать, подошел полицейский и забрал Хромого Фредрика. Субботние вечера Фредрик обычно проводил в кутузке.

— Наконец-то! — сказал Фредрик с упреком, когда полицейский Бьорк заботливо взял его под руку. — Стой тут и жди вас целый час! Никак вы у себя порядка не наведете.

Полицейский Бьорк улыбнулся, сверкнув красивыми белыми зубами.

— Пошли, пошли, — сказал он.

Толпа слушателей рассеялась. Калле, Андерс и Ева-Лотта уходили неохотно. Они бы с удовольствием послушали Фредрика еще.

— До чего каштаны красивые! — Ева-Лотта залюбовалась деревьями, выстроившимися вдоль Большой улицы.

— Да, неплохо, когда они цветут, — согласился Андерс. — Словно свечки горят.

Тишина и покой царили в горадке. Казалось, можно было ощутить, как наступает воскресенье. Тут и там в садах виднелись накрытые столы. Люди уже умылись после рабочего дня, оделясь по-праздничному и теперь ужинали. Они болтали и смеялись, явно наслаждаясь отдыхом среди осыпанных цветами фруктовых деревьев. Андерс, Калле и Ева-Лотта бросали долгие взгляды в каждый сад, мимо которого проходили. Вдруг какая-нибудь добрая душа угостит их чем-нибудь? Нет, что-то не похоже...

— Чем бы это заняться? — вздохнула Ева-Лотта.

В этот самый момент издали донесся пронзительный свисток паровоза.

— Семичасовой идет, — заметят Андерс.

— Я придумал, — сказал Калле. — Спрячемся за сиренью в саду у Евы-Лотты, привяжем к веревочке сверток и бросим его на улицу. Кто-нибудь подойдет, увидит сверток, захочет его взять, а мы ка-а-ак дернем за веревку! Интересно посмотреть, какое у него лицо будет.

— Что ж, как будто подходящее занятие для субботнего вечера, — заключил Андерс.

Ева-Лотта ничего не сказала. Но она одобритительно кивнула.

Сверток изготовили быстро, все необходимое для этого имелось в «Бакалейной торговле Виктора Блумквиста».

— Можно подумать, что в нем что-нибудь особенное, — заметила удовлетворенно Ева-Лотта.

— А теперь посмотрим, кто клюнет на эту удочку. — сказал Андерс.

Сверток лежал на тротуаре и выглядел очень заманчиво. С первого взгляда было не так-то просто обнаружить, что он привязан к веревке, исчезающей за кустами сирени в саду булочника.

Внимательный прохожий мог, конечно, уловить хихиканье и шепот за кустами. Однако фру Петронелла Аппельгрэн, владелица самого большого в городе колбасного магазина, которая сейчас как раз проходила по улице, была не настолько внимательна, чтобы услышать или увидеть что-нибудь подозрительное. Но сверток она увидела. Наклонившись не без

труда, она протянула за ним руку.

— Дергай! — прошептал Андерс.

И Калле дернул. Сверток мгновенно исчез за кустами. Теперь даже фру Аппельгрэн не могла не услышать приглушенного смеха. Она разразилась целым потоком слов. Ребята расслышали не все, но до них несколько раз донеслись слова «исправительный дом». Петронелла Аппельгрэн явно считала его самым подходящим местом для этих детей.

За кустами воцарилась тишина. Фру Аппельгрэн выпустила последний залп и, ворча, отправилась дальше.

— Здорово! — сказала Ева-Лотта. — Интересно, кто следующий. Надеюсь, такой же злющий.

Но город словно вымер. Никто не появлялся, и компания за кустами совсем было собралась отказаться от своей затеи.

— Стойте! Там кто-то идет, — быстро зашептал Андерс.

Кто-то действительно шел. Он только что вышел из-за угла и быстрыми шагами направлялся к калитке булочника. Это был высокий человек без шляпы, в сером костюме и с большим чемоданом в руке.

— Приготовиться! — скомандовал шепотом Андерс, когда человек остановился перед свертком.

И Калле приготовился. Но напрасно. Мужчина тихо свистнул и в следующую секунду наступил на сверток.

2

— Так как же тебя зовут, прелестная сеньора? — спросил мужчина немного погодя Еву-Лотту, когда она вместе со своими телохранителями выползла из-за кустов.

— Ева-Лотта Лисандер, — ответила она, ничуть не смутившись.

— Я так и думал, — сказал мужчина. — Знаешь, ведь мы старые знакомые. Я тебя видел, когда ты была еще совсем маленькой. Ты тогда лежала в люльке, пускала слюни и целыми днями кричала и безобразничала.

Ева-Лотта нахмурилась. Она не могла себе представить, что когда-нибудь была такой маленькой.

— Сколько же тебе сейчас лет? — спросил мужчина.

— Тринадцать, — ответила Ева-Лотта.

— Тринадцать лет, и уже двое кавалеров. Один блондин, другой брюнет. Ты, по-видимому, любишь разнообразие, — сказал он, ехидно улыбаясь.

Ева-Лотта снова нахмурилась. Она не собиралась стоять здесь и выслушивать насмешки от человека, которого не знает.

— А вы кто? — спросила она и подумала, что кто бы он ни был, а в детстве тоже небось пускал слюни.

— Кто я? Я дядя Эйнар, двоюродный брат твоей мамы, прелестная сеньора. Он дернул Еву-Лотту за светлый локон. — Кстати, как зовут твоих кавалеров?

Ева-Лотта представила Андерса и Калле. Черная и белая головы вежливо склонились перед дядей Эйнаром.

— Славные ребята, — сказал дядя Эйнар одобрительно. — Но не выходи за них замуж. Выходи лучше за меня. — Он разразился гогочущим смехом. — Я построю тебе дворец, и ты там будешь бегать и играть с утра до вечера.

— Вы для меня слишком старый, — дерзко возразила Ева-Лотта.

Андерс и Калле чувствовали себя лишними. Что это еще за долговязое несчастье свалилось на их головы?

«Посмотрим приметы», — сказал себе Калле. Он взял за правило запоминать приметы всех встречавшихся ему незнакомых людей. Разве можно заранее поручиться, что все они окажутся порядочными?

«Итак: волосы русые, зачесаны назад, глаза карие, брови срослись, нос прямой, немного выступающие вперед зубы, крупный подбородок, серый костюм, коричневые ботинки, шляпы нет, коричневый чемодан, называет себя дядей Эйнар. Как будто все. Да, вот еще: маленький красный шрам на правой щеке».

Калле постарался запомнить все детали. «Очень ехидный», — добавил он про себя.

— Послушай, пигалица, мама дома? — спросил дядя Эйнар.

— Да, вон она.

Ева-Лотта показала на женщину, идущую через сад. Когда женщина подошла, стало видно, что у нее такие же светлые волосы и веселые голубые глаза, как у Евы-Лотты.

— Имею ли я честь быть узанным? — Дядя Эйнар поклонился.

— Господи боже мой, это ты, Эйнар? Ты же тысячу лет пропадал! Откуда ты свалился?

Глаза фру Лисандер стали совсем круглыми от изумления.

— С луны, — ответил дядя Эйнар. — Чтобы встряхнуть вас немного в вашей глуши!

— И вовсе он не с луны, — сказала Ева-Лотта насупившись. — Он семичасовым приехал.

— Такой же шутник, как и раньше, — заметила фру Лисандер. — Но почему ты не написал, что думаешь приехать?

— Ну нет, деточка! «Никогда не пиши о том, что ты можешь сообщить лично», — вот мой девиз. Ты же знаешь, какой я: что мне вдруг в голову взбредет, то и делаю. Так и на этот раз, я подумал, что было бы неплохо взять себе небольшой отпуск, и тут вдруг вспомнил, что у меня есть очаровательнейшая кузина, которая живет в очаровательнейшем городке. Ну, как, примешь меня?

Фру Лисандер наскоро соображала. Не очень-то легко принимать гостей вот так вот, с бухты-барахты. Да ладно, пусть живет в мансарде.

— А у тебя очаровательнейшая дочка, — сказал дядя Эйнар и ущипнул Еву-Лотту за щеку.

— Ой, не надо! — вскрикнула Ева-Лотта. — Больно ведь!

— А я как раз и хотел, чтоб было больно, — ответил дядя Эйнар.

— Конечно, мы тебе рады, — сказала фру Лисандер. — Ты надолго в отпуск?

— Видишь ли, я еще не знаю. Откровенно говоря, я собираюсь бросить свою теперешнюю работу. Думаю, уж не поехать ли за границу. У нас в стране человеку некуда податься, все топчется на месте.

— И вовсе нет, — горячо возразила Ева-Лотта. Наша страна — самая лучшая в мире!

Склонив голову набок, дядя Эйнар посмотрел на Еву-Лотту.

— Как ты выросла, Ева-Лотточка! — сказал он.

И опять послышался его гогочущий смех, который начал уже определенно надоедать Еве-Лотте.

— Чемодан тебе мальчики отнесут, — предложила фру Лисандер.

— Нет, нет, я сам.

Ночью Калле проснулся оттого, что его в лоб ужалил комар. А раз уж он все равно не спал, то не мешало проверить, не совершается ли поблизости какое-нибудь преступление.

Сначала Калле выглянул в окно на Большую улицу. Тихо, ни души... Тогда он посмотрел из-за шторы в другое окно, обращенное в сад булочника. Окруженный цветущими яблонями, стоял темный дом. Все спали, только в мансарде горел свет. На шторе четко обозначилась тень мужчины.

«А, дядя Эйнар! Фу, как он по-дурацки себя вел!» — подумал Калле.

Тень двигалась взад и вперед, взад и вперед без передышки. Определенно этот дядя Эйнар — беспокойная натура!

«И чего он там мечется?» — подумал Калле и тут же юркнул в свою уютную постель.

Уже в восемь часов утра в понедельник он услышал у себя под окном разбойничий посвист Андерса — условный сигнал троих друзей.

Калле мгновенно оделся. Впереди был новый чудесный день. Каникулы! Ни уроков, ни

домашних заданий, только и дела, что поливать клубнику да следить, не появились ли по соседству преступники. Ни то, ни другое не было особенно затруднительным.

Погода стояла чудесная. Калле выпил стакан молока, съел бутерброд и ринулся к двери. Мама не успела изложить и половины всех тех увещаний и предупреждений, которые собиралась преподнести ему вместе с завтраком.

Теперь оставалось только вызвать Еву-Лотту. Калле и Андерс почему-то считали не совсем удобным просто пойти и позвать ее. Строго говоря, дружить с девчонками вообще не полагалось. Но что делать? С ней все куда интереснее. Ева-Лотта не из тех, кто отстает, когда затевается что-нибудь увлекательное. В храбрости и ловкости она не уступит любому мальчишке. Когда перестраивали водонапорную башню, Ева-Лотта забралась по лесам так же высоко, как Андерс и Калле... А когда полицейский Бьорк увидел их и посоветовал сию же минуту убираться оттуда, Ева-Лотта совершенно спокойно уселась на самом конце доски, где у любого закружилась бы голова, и, смеясь, крикнула:

— Поднимитесь сюда и заберите нас!

Она никак не ожидала, что полицейский Бьорк поймает ее на слове! Но он был лучшим гимнастом в добровольном спортивном обществе города, и залезть на леса к Еве-Лотте было для него делом нескольких секунд.

— Попроси папу, чтоб он достал тебе трапецию, — сказал он. — Если ты свалишься с трапеции, будет хоть какая-то надежда, что ты не свернешь себе шею!

Потом он крепко обхватил Еву-Лотту за талию и спустился с нею вниз. Андерс и Калле уже сами слезли, причем с удивительной скоростью.

С того раза ребята стали уважать полицейского Бьорка. И Еву-Лотту они тоже уважали, не говоря уж о том, что оба хотели жениться на ней.

— Шутка ли — так ответить полицейскому! Это не всякая девчонка смогла бы, да и не всякий мальчишка! — заметил тогда Андерс.

Или взять тот темный осенний вечер, когда они устроили «концерт» этому зловредному бухгалтеру, который так мучает свою собаку. Они воткнули в замазку его окна иголку с ниткой, и Ева-Лотта водила по нитке канифолью до тех пор, пока невыносимое дребезжание стекла окончательно не вывело бухгалтера из себя. Он выскочил из дому и чуть не схватил Еву-Лотту. Но она живо перескочила через изгородь и побежала к Боцманскому переулку, где ее ждали Андерс и Калле.

Нет, на Еву-Лотту можно положиться, в этом Калле и Андерс не сомневались.

Андерс снова засвистел по-разбойничьи в надежде, что Ева-Лотта услышит. Она услышала и вышла. Но в двух шагах за нею шел дядя Эйнар.

— Можно маленькому послушному мальчику тоже поиграть с вами? — спросил он.

Андерс и Калле посмотрели на него немного смущенно.

— Например, в «Братьев-разбойников», — заржал дядя Эйнар. — Я буду разбойником.

— фу! — сказала Ева-Лотта.

— Или давайте пойдем посмотрим развалины замка, — предложил дядя Эйнар. Они, наверное, еще сохранились?

Разумеется, сохранились. Развалины были величайшей городской достопримечательностью. Все туристы прежде всего ходили смотреть развалины, а уже потом потолочную роспись в церкви. Хотя в город, конечно, приезжало не так уж много туристов. Развалины находились на холме и свысока смотрели на городок. Когда-то, в давно минувшие времена, некий вельможа построил здесь замок, а затем рядом постепенно вырос городок. Он продолжал жить и процветать, а от старинного замка остались теперь только красивые руины.

Калле, Андерс и Ева-Лотта ничего не имели против прогулки к замку. Это было одно из их излюбленных убежищ. В мрачных залах хорошо было играть в прятки, но еще интереснее защищать крепость от штурмующего врага.

Дядя Эйнар быстро шел вверх по извилистой тропинке. Калле, Андерс и Ева-Лотта вприпрыжку попевали за ним. Время от времени они украдкой переглядывались и

многозначительно подмигивали друг другу.

— Я бы ему дал ведро и лопатку, пусть сидит себе где-нибудь да играет сам, — прошептал Андерс.

— Так он и согласился! — возразил Калле. — Нет уж, если взрослым приспичит играть с детьми, их ничто не удержит, так и запомни.

— Им обязательно подай какое-нибудь развлечение, вот в чем дело, определила Ева-Лотта. — Но он как-никак мамин двоюродный брат, так что придется с ним поиграть, а то еще раскапризничается. Ева-Лотта довольно прыснула.

— А вдруг у него длинный отпуск? Это ж с ума сойдешь! — сказал Андерс.

— Ничего, он должен скоро за границу уехать, — утешила его Ева-Лотта. — Ты же слышал, он сам сказал, что в этой стране ему не жизнь.

— По мне пусть едет, я не заплачу, — заметил Калле.

Вокруг развалин цвели густые заросли шиповника. Гудели шмели. В жарком воздухе дрожало марево, но в замке было прохладно. Дядя Эйнар огляделся с довольным видом.

— Жалко, что нельзя пройти в подземелье, — сказал Андерс.

— Почему нельзя? — поинтересовался дядя Эйнар.

— Там теперь толстенная дверь, и она заперта, — объяснил Калле. — Внизу, должно быть, много всяких переходов и закоулков и очень сыро, вот они и не хотят, чтобы кто-нибудь туда ходил. А ключ, кажется, у бургомистра.

— Там уже сколько людей падали и ноги себе ломали, — добавил Андерс. — А один ребенок чуть не заблудился. С тех пор туда никого и не пускают. А жалко: как было бы здорово!

— Вам правда хочется туда пойти? — спросил дядя Эйнар. — А то я, пожалуй, могу вам это устроить.

— Ой, а как? — удивилась Ева-Лотта.

— А вот так, — ответил дядя Эйнар.

Он вынул из кармана какую-то штучку, немного повозился с замком, и дверь со скрипом отворилась. Пораженные дети смотрели то на дядю Эйнара, то на дверь. Чистое колдовство!

— Как же это? Можно мне посмотреть? — Калле сгорал от нетерпения.

Дядя Эйнар показал маленький металлический предмет.

— Это... это отмычка? — спросил Калле.

— Она самая, — ответил дядя Эйнар.

Калле был на седьмом небе. Он так много читал об отмычках и никогда ни одной не видел.

— Можно мне ее подержать? — попросил он.

Калле благоговейно взял отмычку, потрясенный величием момента. Но тут же насторожился: в книгах с отмычками ходили главным образом всякие подозрительные личности. Этот вопрос требовал выяснения.

— А почему у вас отмычка? — спросил он.

— Потому что я не люблю запертых дверей, — сухо ответил дядя Эйнар.

— Ну, пойдемте же вниз, — позвала Ева-Лотта. — Есть вещи поинтереснее ваших отмычек, — добавила она, словно всю жизнь только и делала, что открывала замки отмычками.

Андерс уже спускался по полуразрушенной лестнице в подземелье. Его карие глаза горели жадной приключений. До чего здорово! Подумаешь, какая-то отмычка... Вот старинные темницы — это да! Казалось, стоит только прислушаться, и услышишь звон цепей, которыми были скованы несчастные узники сотни лет назад.

— Надеюсь, тут нет привидений, — заметила Ева-Лотта, спускаясь по лестнице и робко озираясь по сторонам.

— Кто его знает, — сказал дядя Эйнар. — А вдруг выскочит старое замшелое привидение да как тебя ущипнет! Вот так!

— Ай! — закричала Ева-Лотта. — Перестаньте щипаться! Ну вот, теперь будет синяк, уж я знаю.

Она возмущенно растирала себе руку. Калле и Андерс шныряли вокруг, как две ищейки.

— Вот если бы можно было остаться тут сколько хочешь, — мечтательно произнес Андерс, — и начертить план всего подземелья, а потом устроить здесь тайник.

Он заглянул в темные переходы, разветвлявшиеся в разные стороны.

— Здесь можно искать человека две недели, и все без толку. Самое подходящее место, если ты натворил что-нибудь и хочешь спрятаться.

— Ты так думаешь? — спросил дядя Эйнар.

Калле ходил и вынюхивал что-то, чуть не тычась носом в землю.

— Послушай, что это ты делаешь? — удивился дядя Эйнар.

Калле слегка покраснел.

— Я хотел посмотреть, может, остались какие-нибудь следы после тех бедняг, которые сидели здесь в тюрьме.

— Чудак ты, здесь же с тех пор перебивалась масса народу, — сказала Ева-Лотта.

— Дядя Эйнар, наверное, не знает, что Калле у нас — сыщик? — в голосе Андерса прозвучал оттенок насмешки и превосходства.

— Да что ты говоришь? А я и не знал!

— Да, и притом один из лучших на сегодняшний день.

Калле мрачно посмотрел на Андерса.

— Никакой я не лучший, — сказал он. — Просто мне нравится думать про всякие такие вещи. Ну, про бандитов там, как их ловят... Что ж тут плохого?

— Абсолютно ничего, мой мальчик! Желаю тебе поскорее изловить целую шайку преступников. Знай себе вяжи в пачки и отправляй в полицию!

Дядя Эйнар загоготал. Калле возмутился, но виду не показал. Никто не принимает его всерьез...

— Не забивай себе голову, — сказал Андерс. — Самое большое преступление, какое совершилось в этом городе, это когда Хромой фредрик в воскресный день стащил из ризницы кружку с пожертвованиями. Да и то он ее тут же вернул, как только протрезвился.

— А теперь он субботу и воскресенье всегда проводит в кутузке, так что кружка в безопасности, — со смехом подхватила Ева-Лотта.

— Не то Калле устроил бы засаду и схватил его на месте преступления! — не унимался Андерс. — Был бы хоть один жулик на твоём счету.

— Ну ладно, не будем обижать господина знаменитого сыщика, — вмешался дядя Эйнар. — Вот увидите, в один прекрасный день он еще себя покажет — засадит за решетку кого-нибудь, кто стянет шоколадку в магазине его папы.

Калле так и кипел. Он еще мог допустить, чтобы над ним подшучивали Андерс и Ева-Лотта, но уж никто другой, и меньше всего этот зубоскал, дядя Эйнар.

— Да, милый Калле, — сказал дядя Эйнар, — ты далеко пойдешь, если тебя не остановят! Э, нет, это ты брось!

Последнее относилось к Андерсу, который, достав огрызок карандаша, приготовился расписаться на каменной стене.

— А почему нет? — спросила Ева-Лотта. — Давайте распишемся и число поставим! Может, мы придем сюда еще раз, когда станем совсем-совсем старые, лет по двадцати пяти, и найдем наши имена! Вот здорово будет!

— Да, это напомнит нам об ушедшей молодости, — важно согласился Андерс.

— Ладно, делайте что хотите, — сказал дядя Эйнар. Калле немного дулся и сначала не хотел писать вместе со всеми, но потом передумал, и скоро на стене выстроились в ряд имена: Ева-Лотта Лисандер, Андерс Бенгтссон, Калле Блюмквист.

— Дядя Эйнар, а вы разве не будете писать? — спросила Ева-Лотта.

— Нет уж, я лучше воздержусь. Кстати, здесь холодно и сыро, а это совсем не полезно

для моих старых костей.

Пошли-ка опять на солнышко!.. И вот еще что, — продолжал дядя Эйнар, когда дверь за ними захлопнулась, — мы здесь не были, понятно? Чтоб не болтать!

— Как так — никому не говорить?! — возмутилась Ева-Лотта.

— Ни в коем случае, прелестная сеньора! Это государственная тайна, заявил дядя Эйнар. — И не вздумай забыть об этом, а то я опять тебя ущипну!

— Попробуйте только! — сказала Ева-Лотта.

Солнце ослепило их, когда они вышли из-под темных сводов старого замка, жара казалась почти невыносимой.

— А что, если я попробую завоевать ваше расположение с помощью пирожных и лимонада? — осведомился дядя Эйнар.

Ева-Лотта милостиво кивнула.

— У вас иногда бывают дельные мысли!

Они уселись в открытом кафе за столик возле перил, над самой рекой. Отсюда можно было бросать крошки прожорливым окунькам, которые мгновенно собирались со всех сторон и от жадности чуть не выскакивали из воды. Высокие липы давали приятную тень, и, когда дядя Эйнар заказал целое блюдо пирожных и три стакана лимонаду, даже Калле начал находить его присутствие в городе почти терпимым.

Дядя Эйнар покачался на стуле, бросил окунькам несколько крошек, побарабанил пальцами по столу, немного посвистел и наконец сказал:

— Ешьте сколько влезет, только поскорее! Мы не можем здесь сидеть весь день.

«Чудной он какой-то, — подумал Калле. — Непоседливый, все куда-то торопится».

Он все больше и больше убеждался в том, что дядя Эйнар беспокойная натура. Сам Калле готов был сидеть здесь сколько угодно, наслаждаясь пирожными, игрой веселых окуньков, солнцем и музыкой. Он не понимал, как можно спешить уйти отсюда.

Дядя Эйнар посмотрел на часы.

— Стокгольмские газеты, наверное, уже пришли, — оживился он. — Слушай, Калле, ты молодой и шустрый, сбегай-ка купи мне газету!

«Ну конечно, обязательно я должен бежать!» — подумал Калле.

— Андерс гораздо моложе и шустрее меня, — сказал он.

— Правда?

— Да, он родился на пять дней позже, хотя, конечно, он не такой воспитанный, — сказал Калле и поймал крону, брошенную ему дядей Эйнаром.

«Но уж во всяком случае я сначала просмотрю газету сам, — решил он, отходя от киоска. — Хоть заголовки и картинки».

Так... Обычная картина. Сначала ужасно много про атомную бомбу, потом сплошная политика (это никто читать не станет), потом «Автобус врезался в поезд», «Грубое нападение на пожилого мужчину», «Бодливая корова сеет панику», «Крупная кража драгоценностей...» и «Почему растут налоги».

«Ничего особенного», — заключил Калле.

Но дядя Эйнар жадно схватил газету. Торопливо просмотрев ее, он отыскал «Последние новости» и настолько углубился в какое-то сообщение, что даже не слышал, как Ева-Лотта спросила, можно ли ей взять еще пирожное.

«Чем это он так здорово увлекся?» — подумал Калле. Его так и подмывало заглянуть через плечо дяди Эйнара, но он не был уверен, что тому это понравится.

По-видимому, дядю Эйнара интересовала только одна заметка, так как он вскоре бросил газету и не взял ее с собой, когда они сразу после этого ушли из кафе. На Большой улице дежурил полицейский Бьорк.

— Привет! — крикнула Ева-Лотта.

— Здравствуй, — ответил Бьорк и отдал честь. — Ты еще ниоткуда не свалилась и не сломала себе шею?

— Пока нет. Но завтра я собираюсь лезть на вышку в городском саду, так что кто знает!

Если, конечно, полицейский Бьорк не придет и не снимет меня с вышки.

— Придется прийти, — сказал Бьорк и опять отдал честь.

Дядя Эйнар дернул Еву-Лотту за ухо.

— Вот как, ты водишь дружбу с полицией?

— Ой, не надо! — вскрикнула Ева-Лотта. — А разве он не жутко до чего красивый?

— Кто? Я? — спросил дядя Эйнар.

— Да нет же, Бьорк, разумеется.

Около скобяной лавки дядя Эйнар остановился.

— Ну пока, ребята, — сказал он. — Мне надо сюда на минутку.

— Наконец-то! — облегченно вздохнула Ева-Лотта, когда он исчез.

— Да уж! Хоть он и угощает пирожными, а все-таки при нем все как-то не так, — согласился Андерс.

Потом Андерс и Ева-Лотта, стоя на мосту, соревновались, кто дальше плюнет. Калле в состязании не участвовал. Ему вдруг пришло в голову проследить, что же дядя Эйнар купит в скобяной лавке. «Азбука сыскного дела», — сказал он себе. Ведь о человеке можно узнать довольно много уже по тому, что он покупает в скобяных лавках.

«Если дядя Эйнар выберет электрический утюг, — соображал Калле, — значит, он хозяйственная натура, а если купит санки, тогда... тогда он не в своем уме! Ибо какая польза человеку от санок летом, когда снег только на картинке увидишь! Но я готов биться об заклад, что он пошел в лавку не за санями!»

Калле остановился у витрины и заглянул внутрь. Дядя Эйнар стоял у прилавка. Продавец как раз показывал ему что-то. Калле заслонил рукой глаза от солнца, чтобы лучше видеть. Ах, вот оно что — карманный фонарик!

Калле думал так, что лоб трещал. Зачем, зачем дяде Эйнару карманный фонарик? Посреди лета, когда ночью почти так же светло, как днем! Сначала отмычка, потом карманный фонарик! Разве все это не в высшей степени подозрительно? «Итак, дядя Эйнар в высшей степени подозрительная особа», заключил Калле. Но Калле Блюмквист не из тех, кто позволит всяким подозрительным личностям шляться тут бесконтрольно. Отныне дядя Эйнар будет находиться под особым наблюдением Калле Блюмквиста!

Вдруг он вспомнил про газету. Если подозрительная личность усиленно интересуется чем-то в газете, это тоже подозрительно и требует выяснения. Азбука сыскного дела!

Он помчался обратно в кафе. Газета лежала на столе. Калле взял ее и сунул за пазуху. Лучше ее приберечь! Даже если сейчас невозможно дознаться, что же читал с таким интересом дядя Эйнар, то в дальнейшем эта газета может пригодиться.

И знаменитый сыщик Блюмквист отправился домой и полил клубнику, очень довольный собой.

3

— Надо что-то придумать, — сказал Андерс. — Не можем ведь мы так вот болтаться без дела все лето. Что бы это изобрести?

Он запустил руку в свою густую черную шевелюру и принялся усиленно думать.

— Пять эре за хорошую идею, — объявила Ева-Лотта.

— Цирк, — неуверенно произнес Калле. — мы устроим цирк?

Ева-Лотта прыгнула с качелей.

— Пятак твой! Давайте сразу и начнем!

— А где? — спросил Андерс.

— Да в нашем саду, — решила Ева-Лотта. — Где же еще?

Сад булочника и вправду годился для всего на свете, так почему же не устроить в нем цирк?

Перед домом Лисандеров красовались роскошные клумбы и расчищенные дорожки. Зато позади дома, где сад постепенно спускался к реке, он рос сам по себе. Это было

незаменимое место для всевозможных игр. Ровная площадка, поросшая короткой травой, отлично подходила и для футбола, и для крокета, и для всяких спортивных упражнений. Здесь же поблизости находилась пекарня. Над этой частью сада постоянно носился волшебный запах свежее испеченного хлеба, удивительно приятно смешанный с ароматом сирени. И если терпеливо и настойчиво крутиться около пекарни, то можно дождаться, пока папа ЕвыЛотты высунет в окно голову, увенчанную белым колпаком, и спросит, не хочет ли кто свежую булочку или крендель.

А поближе к реке росли два старых вяза, словно созданных для того, чтобы на них лазить. Можно было без особого труда забраться на самую макушку, откуда открывался отличный вид на весь город. Вот речка серебряной лентой вьется между старыми домами, вон сады и маленькая деревянная часовенка, а там вдали, на холме, — развалины замка...

Речка служила естественной границей сада булочника. Над самой водой простирала свои ветви корявая ветла, с которой очень удобно было удить рыбу. Друзья часто сидели здесь, и Ева-Лотта, разумеется, захватывала самое лучшее место.

— Цирк должен быть возле пекарни, — сказала ЕваЛотта. — У задней стены.

Калле и Андерс одобрительно кивнули.

— Найдем брезенты, отгородим площадку, поставим на ней скамейки для зрителей, и можно начинать! — выпалил Андерс.

— А может быть, все-таки приготовить несколько номеров? — насмешливо заметил Калле. — Тебе-то, конечно, кажется, что, ты только выйдешь, как все зрители помрут со смеху! Такому шути и готовиться не надо! Но ведь в настоящую программу надо включить акробатику и еще что-нибудь.

— Я буду наездницей! — воскликнула Ева-Лотта. — Возьму нашу лошадь, которая хлеб возит. Красота! И она послала воздушный поцелуй воображаемой публике.

— Высшая школа верховой езды, наездница Ева-Шарлотта! Представляете? сказала она.

Калле и Андерс смотрели на нее с обожанием. Еще бы, конечно, они представляли! И цирковые артисты со всем пылом и рвением взялись за работу.

Трудно было придумать лучшее место, чем то, которое предложила Ева-Лотта. Южная стена пекарни вполне подходила как фон для цирковых номеров, а размеры твердой травянистой площадки позволяли разместить и зрителей, и арену. Недоставало только брезента, который служил бы занавесом.

Хуже обстояло дело с артистическими уборными. Но находчивая Ева-Лотта быстро нашла выход. Над пекарней тянулся чердак; большой люк под самой крышей позволял подавать туда вещи прямо со двора.

— А раз можно туда подавать, значит можно и оттуда выгружать, — сказала Ева-Лотта. — Вот мы и будем выгружаться. Привяжем веревку наверху и будем съезжать по ней, когда подойдет очередь выступать. А когда номер кончится, убежим тихонечко, чтобы зрители не заметили, вернемся по внутренней лестнице на чердак и будем ждать следующего выхода. Это же страшно оригинально, разве нет?

— Да, страшно оригинально, — согласился Андерс. — А если ты еще и лошадь сумеешь уговорить съезжать по веревке, тогда уж будет просто жутко до чего оригинально. Но это, пожалуй, потруднее. Она хоть и укрощенная и послушная, но есть же в конце концов и для лошади предел!

Об этом Ева-Лотта не подумала. Так или иначе, она не собиралась совсем отказываться от своей блестящей идеи.

— Когда будет мой выход, один из вас станет конюхом, проведет лошадь через зрительный зал на арену и поставит ее под чердачным люком. А потом — хлоп! — я съеду ей прямо на спину.

Подготовка развернулась полным ходом. Калле одолжил брезенты у папы. Андерс съездил на велосипеде за город, на дровяной склад и купил там мешок опилок, чтобы посыпать арену. Затем привязали веревку на чердаке, и трое артистов принялись съезжать вниз. Они так усердно упражнялись, что чуть не позабыли обо всем остальном. В самый

разгар вдруг появился дядя Эйнар.

— Как это он целых полдня пробыл один? — шепнула Ева-Лотта мальчикам.

— А ну-ка, кто сбегает с письмом на почту? — крикнул дядя Эйнар.

Ребята посмотрели друг на друга. Ни у кого не было особой охоты. Но тут в Калле заговорило чувство долга. Дядя Эйнар — личность подозрительная, а переписка подозрительных личностей требует контроля.

— Я сбегаяю! — крикнул он.

Ева-Лотта и Андерс были приятно удивлены. Калле схратил письмо и помчался. Скрывшись из виду, он тотчас взглянул на адрес.

На конверте стояло: «Лола Хелльберг, Стокгольм, до востребования».

«До востребования» означало, что адресат сам должен получить письмо на почтамте, это Калле знал.

«Подозрительно, — подумал Калле. — Почему он не пишет ей прямо на дом?»

Он достал свою записную книжку и раскрыл ее. В верхней части страницы стояло: «Список подозрительных лиц». Раньше этот список охватывал немалое количество «лиц», но потом Калле скрепя сердце вынужден был вычеркивать их одного за другим. Ему так и не удалось ни одного из них уличить в чем-либо преступном.

Теперь в списке числился всего один человек — дядя Эйнар. Его имя было подчеркнуто красным, а ниже аккуратно перечислялись приметы. За приметами следовал раздел: «Особо подозрительные обстоятельства», где значилось: «Имеет отмычку и карманный фонарик». У Калле, разумеется, тоже был карманный фонарик, но это же совсем другое дело!

Выудив из кармана огрызок карандаша, Калле прислонился к забору и внес следующее добавление: «Ведет переписку с Лолой Хелльберг, Стокгольм, до востребования». Затем он добежал до ближайшего почтового ящика и через минуту уже вернулся в «Калоттан» — так по зрелом размышлении решено было назвать новый цирк.

— А что это значит? — спросил дядя Эйнар.

— Неужели непонятно? — «Ка» — Калле, «Лотт» — Ева-Лотта. «АН» — Андерс, ответила Ева-Лотта. — Кстати, вам нельзя смотреть, как мы репетируем.

— Очень жестоко с вашей стороны. Что же я буду целый день делать?

— Пойдите рыбку поудите, — предложила Ева-Лотта.

— Ты что, хочешь, чтобы у меня сделался нервный припадок?

«Чрезвычайно беспокойная натура», — подумал Калле. Но Ева-Лотта была неумолима. Она безжалостно выпроводила дядю Эйнара, и репетиции цирка «Калоттан» продолжались полным ходом. Андерса, как самого сильного и ловкого, выбрали директором цирка.

— Но и я тоже хочу немножко распоряжаться, — объявила Ева-Лотта.

— Ну уж нет. Раз я директор, значит все.

Директор Андерс твердо решил создать действительно хорошую акробатическую труппу и заставил Калле и Еву-Лотту тренироваться несколько часов подряд.

— Ну вот, — удовлетворенно сказал он под конец.

Ева-Лотта, одетая в голубой спортивный костюм, с гордой улыбкой выпрямилась. Она стояла одной ногой на плече Андерса, а другой на плече Калле. Мальчики в свою очередь упирались широко расставленными ногами в зеленую доску качелей, и Ева-Лотта очутилась на такой высоте, что ей даже стало немного не по себе. Но она скорее умерла бы, чем призналась, что у нее душа уходит в пятки, когда она смотрит вниз.

— Было бы здорово, если бы ты могла постоять немножко на руках, — выдавил из себя Андерс, сиюсь удерживать равновесие. — Зрителям это должно понравиться.

— Было бы здорово, если бы ты мог посидеть на своей собственной голове, сухо ответила Ева-Лотта. — Зрителям это еще больше понравилось бы.

Внезапно в саду послышался ужасающий визг, душераздирающий вопль существа, попавшего в величайшую беду.

Ева-Лотта вскрикнула и с риском для жизни спрыгнула вниз.

— Ой, что это? — сказала она.

Все трое опрометью выбежали из цирка. В следующее мгновение навстречу им, сопровождаемый страшным грохотом, выкатился серый клубок. Это он издавал такие невероятные вопли. Так ведь это же Туесе, котенок Евы-Лотты!

— Туесе, Туесе, что же это? — всхлипывала Ева-Лотта. Она схватила котенка, хотя тот царапался и кусался. — Смотрите... Как не стыдно! Кто-то привязал ему эту штуку, чтобы напугать его до смерти!

К хвосту котенка была привязана бечевка, на ней болталась консервная банка. Ева-Лотта разрыдалась.

— Если бы я только знала, кто это сделал, я бы...

Она подняла глаза. В двух шагах стоял дядя Эйнар и весело смеялся.

— Ох, вот умора! — сказал он. — В жизни еще так не смеялся!

Ева-Лотта шагнула к нему:

— Это вы сделали?

— Что — сделал? Нет, вы видали когда-нибудь такие прыжки? Зачем ты отвязала банку?

Ева-Лотта закричала и кинулась на него. Заливаясь слезами, она дубасила дядю Эйнара кулаками куда попало.

— Это ужасно, подло, я вас ненавижу!

Смех прекратился, лицо дяди Эйнара исказилось от злобы. Странная перемена испугала Калле и Андерса, неподвижно стоявших в стороне. Дядя Эйнар схватил Еву-Лотту за руки и прошипел:

— Потихе, девчонка! Не то я из тебя яичницу сделаю!

Ева-Лотта прерывисто задышала. Руки ее бессильно упали — так крепко стиснул их дядя Эйнар. Она смотрела на него со страхом. Он отпустил ее и немного смущенно пригладил себе волосы. Потом улыбнулся и сказал:

— Что это на нас нашло? Схватились, точно боксеры! И вообще, о чем речь? По-моему, первый раунд ты выиграла по очкам, Ева-Лотта!

Ева-Лотта не ответила ни слова. Она взяла котенка, повернулась и ушла.

4

Калле не мог спать, когда в комнате были комары. И сейчас его опять разбудил какой-то крылатый паршивец.

— Гадина! — пробормотал он. — И кто их только выдумал!

Он почесал подбородок. Потом глянул на часы. Скоро час. Все порядочные люди в такое время давно уже спят!

«Кстати, — сказал он себе, — интересно, спит этот кошачий палач или нет?»

Он тихонько подошел к окну и выглянул. В мансарде горел свет.

«Если бы он побольше спал, то, пожалуй, не был такой беспокойной натурой, — подумал Калле. — А если бы он не был такой беспокойной натурой, то, пожалуй, спал бы больше».

В этот момент свет в мансарде погас, словно дядя Эйнар его услышал. Калле уже собирался залезть обратно в постель, но тут произошло нечто совершенно неожиданное.

Дядя Эйнар осторожно выглянул в открытое окно, убедился, что поблизости никого нет, и вылез на пожарную лестницу. Минута — и он уже на земле. Держа что-то под мышкой, он быстрыми шагами направился к сараю около пекарни.

Сначала Калле ничего не соображал. Он настолько опешил от изумления, что не способен был что-либо предпринять. Но в следующий же миг его захлестнул целый поток мыслей, догадок и вопросов. Калле дрожал от волнения и восторга. Наконец-то, наконец ему попался по-настоящему подозрительный субъект! Подозрительный не только на первый взгляд, но и после более тщательного изучения. В самом деле, взрослый человек посреди

ночи вылезает из окна! Разве стал бы он так поступать, не будь у него что-то нечистое на уме?

«Вывод номер один, — сказал себе Калле, — он не хочет, чтобы кто-нибудь в доме слышал, что он уходит. Вывод номер два: он замышляет что-то нехорошее. Ой-ой, а я-то стою здесь, как дурак!»

Калле натянул штаны со скоростью, которая сделала бы честь любому пожарнику. Стараясь не шуметь, он стремительно скользнул по лестнице. Только бы мама не услышала!

Сарай! Почему дядя Эйнар пошел именно туда? А вдруг он хочет взять там тяжелый предмет, чтобы кого-нибудь убить? Калле уже казалось, что дядя Эйнар и есть тот убийца, которого он так долго выслеживал. Кровожадный оборотень, выходящий творить свое черное дело, едва над городом спустится мрак...

Дверь в сарай была приоткрыта. Но дяди Эйнара там не оказалось. Калле растерянно оглянулся. Вон он! Темная фигура быстро удалялась. Вот она завернула за угол и скрылась из виду.

Калле сорвался с места и ринулся вдогонку. Скорее, пока еще не поздно, предотвратить ужасное преступление! Но тут же его поразила другая мысль: а что, собственно, он может сделать? Что он скажет дяде Эйнару, если догонит его? А вдруг тот прикончит его, Калле? Может, лучше пойти в полицию? Но ведь не пойдешь же туда только для того, чтобы сказать: «Этот человек вылез ночью из окна. Заберите его!» Ведь нет же такого закона, который запрещал бы людям лазить через свое окно хоть всю ночь напролет, если кому нравится. Да и отмычку тоже, наверное, не запрещается иметь. Нет, в полиции его засмеют!

Постой, а где дядя Эйнар? Нету, исчез! Выходит, он словно сквозь землю провалился? Но тогда нечего голову себе ломать! Хотя досадно, конечно, так быстро потерять след... Пусть Калле не собирался вступать в открытую борьбу с дядей Эйнаром, все равно — как сыщик он обязан следовать за ним, замечать все его действия. Быть неслышным, незаметным свидетелем, который когданибудь сможет выйти и сказать: «Господин судья! Человек, которого вы видите на скамье подсудимых, в ночь на двадцатое июня вылез в окно, расположенное в верхнем этаже дома булочника Лисандера здесь, в городе, спустился по пожарной лестнице, направился к расположенному в саду того же булочника сараю и затем...» Да, вот именно, что же он сделал затем? Об этом Калле никогда не сможет рассказать. Дядя Эйнар исчез.

Калле уныло поплелся домой. На углу он увидел полицейского Бьорка.

— Ты чего это ночью по улицам разгуливаешь?

— Здесь не проходил мужчина? — спросил Калле взволнованно.

— Мужчина? Нет. Кроме тебя, я здесь никого не видел. Беги-ка домой и ложись спать! Я бы с удовольствием это сделал, если бы мог.

Калле зашагал дальше. «Никого не видел». А когда они что-нибудь видят, эти полицейские? Да у них перед носом целая футбольная команда пройдет, а они не заметят! Хотя для Бьорка Калле готов был сделать исключение. Он все-таки лучше других полицейских. Но ведь это Бьорк сказал: «Иди домой и ложись спать!» Нет, вы только подумайте! Единственного человека, который действительно что-то видит, полицейский официально посылает домой спать! Стоит ли после этого удивляться тому, что столько преступлений остаются нераскрытыми!

Однако сейчас ничего другого не оставалось, как пойти домой и лечь спать, что Калле и сделают.

На следующий день репетиции в цирке «Калоттан» продолжались.

— Дядя Эйнар еще не вставал? — спросил Калле Еву-Лотту.

— Не знаю и знать не желаю. Хоть бы проспал до обеда, чтобы бедный Туесе успел прийти в себя.

Однако дядя Эйнар не замедлил явиться. Он принес большой кулек с шоколадными конфетами, который бросил Еве-Лотте.

— Не хочет ли звезда цирка немного подкрепиться?

Ева-Лотта усиленно боролась с собой. Она очень любила шоколад, что правда, то правда. Но солидарность с Туесе требовала, чтобы она бросила кулек обратно с гордым: «Нет, благодарю!» Она взвесила кулек в руке. Да-а, не так-то легко проявить гордость... А что, если взять всего только одну конфетку, а все остальные вернуть? А потом дать Туесе целую салаку? Нет, так, пожалуй, не пойдет.

Но Ева-Лотта уже столько колебалась, что подходящий момент для широкого жеста был упущен. Дядя Эйнар стал на руки, а вернуть кулек человеку, находящемуся в таком положении, довольно трудно. И Ева-Лотта оставила конфеты у себя, хотя прекрасно понимала, что получила их в знак примирения. Она решила дать Туесе две салаки и отныне вести себя с дядей Эйнаром вежливо, но холодно.

— Разве у меня плохо получается? — спросил дядя Эйнар, став опять на ноги. — Нельзя ли и мне поступить в цирк «Калоттан»?

— Нет, взрослых не берем, — сказал директор Андерс.

— Нигде никакого сочувствия! — вздохнул дядя Эйнар. — Что ты скажешь, Калле, не правда ли, со мной жестоко обращаются?

Но Калле не слушал. Он как замороженный смотрел на предмет, который выпал из кармана дяди Эйнара, когда тот ходил на руках. Отмычка! Вон она лежит в траве. Стоит только нагнуться... Калле взял себя в руки.

— Жестоко обращаются? Разве? — произнес он и наступил на отмычку.

— Ну да, вы же не хотите играть со мной, — жаловался дядя Эйнар.

— Вот еще... — сказала Ева-Лотта.

Никто ничего не заметил! Босая нога Калле ощущала отмычку. Теперь следовало бы поднять ее и сказать дяде Эйнару:

— Вот — вы уронили...

Но это было свыше его сил. И Калле незаметно сунул отмычку в свой собственный карман.

— По местам! — скомандовал директор цирка.

Калле вспрыгнул на перекладину качелей.

Тяжела жизнь циркача! Репетиции, репетиции, репетиции... Июньское солнце припекало, и пот градом катился с «Трех десперадос», лучшей акробатической труппы Скандинавии". Именно так было написано на афишах, расклеенных на всех ближайших домах.

— Не хотят ли трое десперадос съесть по булке?

В окне пекарни показалась добродушная физиономия булочника Лисандера. Он держал противень со свежееиспеченными булками.

— Спасибо, — ответил директор. — Может, немного погодя. Сытое брюхо к учению глухо.

— В жизни так не уставала! — простонала Ева-Лотта.

Кулек с конфетами давным-давно опустел, и желудок тоже был пуст. Ничего удивительного — после таких упражнений!

— Да, пожалуй, пора и отдохнуть, — поддержал ее Калле и вытер пот со лба.

— Зачем вы меня тогда директором выбрали, если все равно сами распоряжаетесь? — рассердился Андерс. — Тоже мне десперадос называются! «Десперадос-обжирадос» — вот вы кто! Так бы и написали на афишах.

— Голод не тетка, — возразила Ева-Лотта и стремглав помчалась на кухню за морсом.

И, когда булочник выбросил им из окна целый кулек свежих булок, директор цирка только тяжело вздохнул, хотя в глубине души и сам был доволен.

Дома у Андерса не привыкли к булкам, да и ртов было слишком много. Правда, отец частенько говаривал: «Вот я вас сейчас угощу!» Но он имел в виду не булочки, а порку! И, так как Андерсу это блюдо уже приелось, он старался поменьше бывать дома. Ему больше нравилось у Калле и Евы-Лотты.

— И мировой же у тебя папка! — сказал Андерс, впиваясь зубами в очередную булку.

— Лучше всех, — согласилась Ева-Лотта. — А веселый какой! И до того аккуратный! Мама говорит — она совсем с ним замучилась. Он совершенно не выносит кофейных чашек с отбитыми ручками. Говорит, что мама, я и Фрида только и делаем, что отбиваем ручки у чашек. Вчера пошел и купил две дюжины новых, а дома взял молоток и отбил у них у всех ручки. «Это, — говорит, чтобы избавить вас от лишних хлопот». Мама так хохотала, что у нее даже живот заболел. — Ева-Лотта взяла еще булочку и продолжала: — И он не любит дядю Эйнара.

— Может, он и ему ручки пообломает, — с надеждой произнес Андерс.

— Кто знает. Папа говорит, что он, конечно, уважает родственников, но когда все мамыны кухни, тетушки, дядюшки и всякая там седьмая вода на киселе болтаются у нас в доме, то ему больше всего хочется оказаться в одиночной камере где-нибудь подальше отсюда.

— А по-моему, в камере должен сидеть дядя Эйнар, — вставил Калле.

— Ага, ты, конечно, открыл, что это дядя Эйнар перерезал всех во время Варфоломеевской ночи, да? — сказал Андерс.

— Ну я ладно, а я что знаю, то знаю.

Андерс и Ева-Лотта засмеялись.

«А, собственно говоря, что я знаю-то? — подумал Калле немного погодя, когда кончилась репетиция. — Знаю только, что ничегошеньки не знаю!» Калле загрустил. Потом вдруг вспомнил про отмычку и чуть не подпрыгнул. У него же в кармане отмычка! Ее надо испробовать. Запертая дверь — вот все, что нужно для этого. А почему бы не попробовать открыть ту же дверь, что и дядя Эйнар? Дверь в подземелье старого замка!

Калле не раздумывал больше. Он бросился бежать по улицам, боясь встретить кого-нибудь из знакомых, кто мог бы увязаться за ним. Вверх по холму он взлетел с такой быстротой, что у самой двери вынужден был остановиться и перевести дух. Рука Калле слегка дрожала, когда он всовывал отмычку в замочную скважину. Выйдет или нет?

Сначала казалось, что нет. Но, повозившись немного, Калле почувствовал, что замок поддается. Вот, оказывается, как это просто! Он, Калле Блюмквист, открыл дверь отмычкой! Дверь заныла, поворачиваясь на петлях. Калле задумался. Жуть брала при одной мысли, что ему придется в одиночку спуститься в подземелье. Да и вообще он пришел сюда лишь для того, чтобы испробовать отмычку. Но теперь, когда вход открыт, он был бы круглым дураком, если бы не воспользовался случаем! И Калле зашагал вниз по лестнице. Подумать только — он единственный мальчик в городе, у кого есть такая возможность! Надо обязательно расписаться еще раз на стене. И, если ему, Андерсу и Еве-Лотте действительно случится опять здесь побывать, они увидят, что его имя написано в двух местах — следовательно, он побывал здесь дважды.

Но что такое: на стене нет никаких подписей! Все жирно зачеркнуто карандашом, ничего невозможно прочесть.

— Вот так штука! — громко сказал Калле.

А может быть, тут живет какое-нибудь старое привидение, которому не нравятся надписи на стенах, и оно ходит и все зачеркивает? Калле вздрогнул. Впрочем, разве у привидений бывают карандаши? Нет, что-то не похоже на правду. Но ведь кто-то все-таки сделал это!

— Как же я сразу не сообразил? — прошептал Калле. — Дядя Эйнар!

Ну да! Он же вообще не хотел, чтобы они тогда писали свои фамилии, — он их и зачеркнул. Все ясно: дядя Эйнар не хочет, чтобы кто-нибудь, случайно попав в подземелье, узнал, что они там были. Но когда же он успел? Ведь, когда они в тот раз уходили, надписи были в полном порядке.

— Ой, какой же я дурак! — воскликнул Калле. — Да ночью, конечно!

Сегодня ночью дядя Эйнар был в развалинах. Для этого он и купил карманный фонарик. Но неужели он затеял все это лишь затем, чтобы замазать несколько фамилий на стенке? Вряд ли. Зачем он тогда ходил в сарай? Ведь не за карандашом же?

Калле усмехнулся. Потом огляделся, пытаюсь обнаружить еще какие-нибудь следы дяди Эйнара. Через маленькие окошечки в подвал проникал скудный свет, но его было слишком мало, чтобы осветить все углы и закоулки. И, кроме того, кто сказал, что дядя Эйнар был только в этой части подземелья, расположенной ближе всего к лестнице? Подземелье велико. Темные коридоры расходятся во все стороны... Нет, Калле вовсе не тянуло продолжать поиски под мрачными сводами. Да и как это сделать — все равно нечем освещать себе путь.

Одно было абсолютно ясно: дядя Эйнар не получит обратно свою отмычку, это Калле решил сразу. Правда, совесть пыталась возражать, говоря, что нехорошо присваивать чужое, но Калле быстро заглушил эти доводы. Зачем дяде Эйнару отмычка? Кто знает, какие еще двери он собирается ею открывать? И если Калле прав в своем предположении, что дядя Эйнар тип подозрительный, то он сделал, в сущности, доброе дело, забрав отмычку. И, наконец, слишком уж было соблазнительно оставить ее у себя. Они с Андерсом и Евой-Лоттой могут здесь устроить свой штаб и даже — кто знает! — выведать, что тут делал дядя Эйнар.

«А это самое важное», — решительно сказал себе Калле.

Он уже собирался уходить, как вдруг увидел у подножия лестницы маленький белый предмет. Калле быстро наклонился и поднял его. Это была жемчужина — белая сверкающая жемчужина.

5

Калле развалился под грушей. Ему хотелось подумать, а в таком положении думалось лучше всего.

«Конечно, не исключено, что жемчужина лежала там еще со времен Карла Двенадцатого. Какая-нибудь растяпа дворянка побежала в погреб за бутылкой пива, да и обронила там свое жемчужное ожерелье, — рассуждал знаменитый сыщик Блюмквист. — Но вероятно ли это? Когда расследуешь загадочное происшествие, — продолжал он, повернувшись на бок, чтобы видеть глаза воображаемого собеседника, — надо всегда исходить из вероятности. А вероятность говорит за то, — знаменитый сыщик с силой ударил кулаком по земле, — что эта жемчужина не лежала там со времен Карла Двенадцатого, потому что за столько лет обязательно нашелся бы какой-нибудь глазастый парень, который подобрал бы ее до меня. Кстати, если жемчужина лежала здесь позавчера, когда мы сюда приходили, то такой наблюдательный молодой человек, как я, должен был ее увидеть. Тем более что я довольно тщательно обследовал землю. Ну, что вы, — он сделал рукой отрицательный жест, обращенный, очевидно, к восхищенному собеседнику, — это же азбука сыскного дела, ничего особенного! Итак, какой вывод мы можем отсюда сделать? Скорее всего, жемчужину потерял так называемый дядя Эйнар во время своего ночного посещения развалин. Разве я не прав?»

Воображаемый собеседник, очевидно, не возражал, ибо знаменитый сыщик Блюмквист продолжал:

«Могут, конечно, спросить: видел ли кто-нибудь дядю Эйнара с ожерельями на шее? Может быть, он весь так и сверкает жемчугами и драгоценностями? Знаменитый сыщик решительно хлопнул рукой по земле. — Разумеется, нет! А потому, — он взял воображаемого собеседника за отворот пиджака, — если этот дядя Эйнар бросается жемчужинами, то я вправе считать это крайне подозрительным обстоятельством, не правда ли?» Никаких возражений не последовало. «Но я не из тех, кто выносит приговор на основании одних инд... индий. Дело должно быть расследовано основательно, и я беру на себя смелость утверждать, что эта задача мне по плечу».

Тут воображаемый собеседник с таким жаром принялся уверять, что господину Блюмквисту любая задача по плечу, что даже сам господин Блюмквист счел его похвалу чрезмерной.

«Ну, ну, не преувеличивайте, — сказал он мягко. — Лучший сыщик, которого когда-либо знала история? Это, пожалуй, уж слишком. Лорд Питер Вимсей тоже не так уж плох».

Калле достал записную книжку. В разделе «Особо подозрительные обстоятельства» он добавил: «Посещает по ночам дворцовые развалины. Теряет жемчужины».

Он перечитал все, что у него было записано о дяде Эйнаре. Недурно! Теперь ему для полного счастья недоставало только одного: отпечатка пальца. Все утро Калле пытался добыть отпечаток. Несколько часов он увивался вокруг своей жертвы, самым коварным образом подсовывая ему маленькую штемпельную подушечку из набора «Печатай сам». Он надеялся, что дядя Эйнар как-нибудь нечаянно поставит палец сначала на подушечку, а потом на лист бумаги. Но дядя Эйнар, как ни странно, так и не попался в ловушку. «Опытный, шельма!»фыркнул Калле.

Придется, видно, усыпить его хлороформом и добыть отпечаток, пока он будет лежать без сознания...

— Ты тут валяешься, лодырь несчастный, а до начала представления всего пятнадцать минут!

Андерс, свесившись с забора, метал громы и молнии на безмятежно развалившегося Калле. Калле вскочил. Нелегко быть сразу и сыщиком и цирковым артистом. Он пролез через щель в заборе и понесся рядом с Андерсом.

— Кто-нибудь пришел? — спросил он, переводя дыхание.

— Спрашиваешь! Все сидячие места заняты.

— Так мы теперь почти что богачи?

— Восемь пятьдесят, — сказал Андерс. — Ты вон разлежся, как турецкий паша, а тебе бы надо Еву-Лотту сменить в кассе.

Они взлетели по лестнице на чердак. Там стояла Ева-Лотта и глядела в щелку между ставнями.

— Битком, — сообщила она.

Калле подошел и тоже посмотрел. Собрались все ребята из их квартала и еще целая кучка «чужеземцев». На первой скамейке восседал дядя Эйнар. Рядом с ним сидели булочник и его жена, а сзади них Калле разглядел своих собственных родителей.

— Я так волнуюсь, даже ноги подкашиваются! — жалобно простонала Ева-Лотта. — Так и знайте, в акробатическом номере я свалюсь вам прямо на голову. И лошадь не в духе. Боюсь, ничего у меня с ней не выйдет.

— Смотри, не опозорь нас, — предупредил Андерс.

— Пора начинать! — крикнул нетерпеливо дядя Эйнар.

— Ну уж это наше дело! — сердито заметил директор.

Тем не менее он надел свой цилиндр, вернее, цилиндр булочника Лисандера, открыл окно, взялся за веревку и съехал вниз на арену. Ева-Лотта изобразила громкие звуки трубы, зрители доброжелательно зааплодировали. Тем временем Калле сбежал по лестнице, отвязал лошадь и повел ее между скамьями на глазах у восхищенной публики. Директор снял цилиндр, вежливо поклонился, затем взял бич и громко щелкнул им. И сам он и зрители ждали, что лошадь пустится бодрой рысью вокруг арены. Но не тут-то было. Она только тупо глядела на публику. Директор щелкнул бичом еще раз и совершенно отчетливо прошептал:

— Ну, пошла же, скотина!

Лошадь наклонилась и сорвала зубами несколько травинок, пробившихся сквозь опилки. С чердака послышалось веселое фырканье. Это не выдержала «наездница высшего класса», ожидавшая своего выхода. Публика тоже веселилась, в особенности дядя Эйнар и мама Евы-Лотты.

В этот момент вмешался шталмейстер Калле. Он взял лошаденку под уздцы и решительно провел ее прямо под чердачный люк. Ева-Лотта ухватила за веревку, приготовившись красиво соскользнуть в исходное положение. Но тут лошадь вдруг ожила.

Она совершила прыжок под стать заправскому цирковому скакуну, и когда Ева-Лотта съехала вниз, то эффектно приземлиться ей было некуда. Наездница повисла на веревке, беспомощно перебирая ногами. Наконец Андерс и Калле насильно приволокли лошадь на место, Ева-Лотта шлепнулась ей на спину, Андерс щелкнул бичом, и лошаденка вяло затрусилась по кругу. Тщетно наездница сжимала ей бока голыми пятками, побуждая бежать хоть немного резвее.

— Негодяйка! — прошипела Ева-Лотта.

Увы, слова на лошадь тоже не подействовали... Предполагалось, что она будет бежать по арене самым быстрым аллюром и своими резвыми скачками отвлекать внимание зрителей, чтобы те не заметили, сколь несложны трюки самой Евы-Лотты. Но теперь, когда лошаденка отказалась хоть как-нибудь помочь делу, номер выглядел довольно кисло. «А я столько лет подкармливала ее овсом!» — с горечью подумала Ева-Лотта.

Наконец разъяренный директор щелкнул бичом под самым носом у лошаденки, и она с перепугу поднялась на дыбы. Это придало подлинный драматизм финалу и значительно скрасило общее впечатление.

— Если мы и с акробатикой провалимся, — говорил Андерс немного погодя на чердаке, — придется вернуть деньги за билеты. Цирковая лошадь — и вдруг останавливается пощипать травку. Да это же неприлично! Не хватает еще, чтобы Ева-Лотта стала лопать булки во время акробатического номера!

Но Ева-Лотта не стала этого делать, и «трое десперадос» имели грандиозный успех. Дядя Эйнар сломал ветку белой сирени и с глубоким поклоном преподнес Еве-Лотте. Остальная часть программы прошла на несколько менее высоком уровне, но всем очень понравился клоун, а также песенка Евы-Лотты. Песенку исполнительница сочинила сама, и в ней шла речь в основном про дядю Эйнара.

— Послушай, Ева-Лотта, — заметила ей мама, когда она кончила, — нехорошо так высмеивать старших.

— Дядю Эйнара можно, — заявила Ева-Лотта.

После представления фру Лисандер пригласила всю труппу выпить кофе в беседке. Бакалейщик Блюмквист и булочник Лисандер часто сживали в этой беседке, рассуждая о политике. Иногда они рассказывали что-нибудь занимательное, и тогда Ева-Лотта, Калле и Андерс присаживались рядом послушать.

— Смотрите-ка, неужели сегодня все ручки на чашках целы? — удивился булочник. — Что это с тобой, Миа, дорогая! — Он добродушно взглянул на жену. — Ты, наверное, была очень занята, что не успела разбить ни одной чашки?

Фру Лисандер весело рассмеялась и предложила фру Блюмквист сладкого пирога. Булочник погрузил свое пышное тело в садовое кресло и испытующе взглянул на дядю Эйнара.

— Тебе не скучно слоняться без дела? — спросил он.

— Не жалуясь, — ответил дядя Эйнар. — Без работы я вполне могу обойтись. Вот только сплю плохо.

— Хочешь, я дам тебе снотворное? — спросила фру Лисандер. — У меня еще остались порошки, которые доктор прописал, когда у меня рука болела.

— А по мне, так работа лучше всякого снотворного, — заметил булочник. Встань-ка завтра в четыре утра, помоги мне в пекарне и следующую ночь будешь спать как убитый!

— Благодарю, я предпочитаю снотворное, — ответил дядя Эйнар.

Знаменитый сыщик Блюмквист, сидя рядом со своей мамой по другую сторону стола, подумал: «Есть еще хорошее средство от бессонницы — спокойно лежать в своей постели. А если шататься целыми ночами, то не удивительно, что сна нет. Но снотворное его угонит!»

Андерс и Ева-Лотта уже покончили со своим кофе. Они сидели на газоне возле беседки и свистели в травинку, ужасно довольные пронзительными звуками, которые им удавалось извлекать. Калле как раз собирался к ним присоединиться. Свистеть в травинку он умел

неподражаемо. Но в этот миг у него родилась идея — блестящая, остроумная идея, достойная знаменитого сыщика! Он сам себе кивнул. «Да-да, именно так я и сделаю!» Калле вскочил, сорвал травинку и торжествующе засвистел.

6

Конечно, затея была рискованная. Но сыщик должен рисковать! А не хочешь — лучше брось мечтать о профессии сыщика и становись продавцом горячих сосисок или кем-нибудь в этом роде. Калле не боялся, нет. Но волновался. Ох, как волновался!

Он завел будильник на два часа ночи. Как будто достаточно. Разумеется, трудно угадать, сколько времени должно пройти, пока подействует снотворное. Но уж в два-то часа дядя Эйнар должен спать без задних ног! И тогда Калле осуществит свой замысел. Потому что, если уж ты обнаружил наконец подозрительную личность, ты должен добыть отпечаток с ее пальца. Приметы, родимые пятна и всякое такое прочее неплохо, но ничто не идет в сравнение с настоящим, добротным отпечатком пальца!

Прежде чем залезть в постель, Калле напоследок выглянул наружу. Белые шторы в окне напротив медленно колыхались от вечернего ветерка. Там — дядя Эйнар. Может быть, как раз сейчас он принимает порошок и ложится спать. Калле в волнении потер руки. Это же совсем не трудно! Сколько они с Андерсом и Евой-Лоттой лазили по этой пожарной лестнице. Последний раз весной, когда на чердаке у Евы-Лотты устроили разбойничье логово. И уж если дядя Эйнар сумел вылезти в окно, то и Калле сумеет влезть.

«Итак, в два часа ночи, чтоб мне провалиться!»

Калле лег и мгновенно заснул. Но спал он беспокойно. Ему снилось, что дядя Эйнар гонится за ним по саду булочника. Калле бежал что есть мочи, но дядя Эйнар настигал его. Наконец он крепко схватил Калле за шиворот и сказал:

«Ты разве не знаешь, что все сыщики должны носить на хвостах пустые консервные банки, чтоб было слышно, когда они появляются?»

«Но ведь у меня нет хвоста», — оправдывался Калле.

«То есть как это — нет? А это что, по-твоему?»

Обернувшись, Калле увидел, что у него точно такой хвост, как у Туесе.

«То-то же», — сказал дядя Эйнар и привязал ему к хвосту консервную банку.

Калле сделал несколько скачков, и банка ужасающе задребезжала. Калле чувствовал, что вот-вот заплачет. Что скажут Андерс и Ева-Лотта, когда он явится с таким грохотом? Никогда больше он не сможет играть с ними. Ведь никто не захочет водиться с человеком, производящим такой страшный шум. А вон и они, Андерс и Ева-Лотта, — стоят и смеются над ним.

«Вот с сыщиками всегда так», — говорит Андерс.

«Неужели правда, что каждый сыщик должен носить банку на хвосте?» — взмолился Калле.

«Сущая правда, — ответил Андерс. — Есть такой закон».

Ева-Лотта закрыла уши руками.

«Ой, с ума сойти, как ты гремишь!»

Калле и сам понимал, что шум получается невыносимый. Звон, грохот, ой, какой звон...

Калле проснулся. Будильник! Вот разошелся! Калле поспешно его остановил и вскочил на ноги. Слава богу, у него нет хвоста! Какое все-таки счастье, что это был только сон. А теперь — скорей за дело!

Он подбежал к письменному столу. Прежде всего — штемпельную подушку. Ага, вот она! В карман ее. Теперь не забыть бы бумагу! Готово.

С величайшими предосторожностями спустился Калле по лестнице, минуя скрипучие ступеньки — он их знал наперечет.

«Полный порядок!»

Калите ощутил прилив восторга. Он легко проскользнул через щель в заборе — и вот он уже в саду булочника. До чего же тихо кругом! А сирень как пахнет! А яблони! Все совсем не такое, как днем. И во всех окнах темно, даже у дяди Эйнара.

У Калле слегка защебетало под ложечкой, когда он ступил на пожарную лестницу. Все-таки немного страшно... Стоит ли терпеть столько мороки из-за отпечатка пальца? Он ведь даже толком не знал, зачем все это затеял. Просто он слышал, что у всех жуликов положено брать отпечатки пальцев. А дядя Эйнар, похоже, жулик. Значит, и у него надо взять отпечаток!

«Азбука сыскного дела! — подбодрил себя знаменитый сыщик и полез вверх. А вдруг дядя Эйнар и не думает спать? Я — туда, а он сидит на кровати и смотрит на меня, — что я тогда скажу?»

Калле лез уже не так уверенно.

«Добрый вечер, дядя Эйнар! Какая сегодня чудесная ночь! А я вот вышел подышать свежим воздухом и решил прогуляться туда и обратно по пожарной лестнице!» Нет, что-то не то!

«Должно быть, тетя Миа дала ему сильнющий порошок», — убеждал себя Калле.

И все же, заноса руку на подоконник, он чувствовал примерно то же, что человек, сующий голову в змеиное гнездо.

В комнате царил мрак, но кое-что можно было разглядеть. Калле сейчас напоминал пугливого и любопытного зверька, готового мгновенно исчезнуть при первых признаках опасности.

Ага, вон кровать. Оттуда слышалось глубокое дыхание. Спит, слава богу! Калите медленно полез через подоконник, поминутно останавливаясь, чтобы прислушаться. Все было спокойно.

«Уж не дала ли она ему крысиного яду, больно крепко спит», — подумал Калле.

Он лег на пол и тихонько пополз по-пластунски к своей жертве. Азбука сыскного дела!..

Вот ведь повезло: правая рука дяди Эйнара свесилась с кровати! Остается только взять ее и... В этот момент дядя Эйнар пробормотал что-то во сне и согнул руку в локте.

Тут-тук-тук! — гулко отдалось в комнате.

«Откуда здесь мотор?» — удивился Калле. Но это его собственное сердце колотилось, словно хотело выскочить.

Между тем дядя Эйнар продолжал спать. Рука его теперь лежала на одеяле. Калле открыл штемпельную подушку и осторожно прижал к ней большой палец дяди Эйнара, держа его так, будто это была раскаленная головня.

— Пх-х! — сказал дядя Эйнар.

Теперь остается вытащить бумагу. Ой, а где же она? Этого еще не хватало! Прямо перед ним лежит с краской на пальце выслеженный им самим жулик, все идет как по маслу, а он никак бумагу не найдет! Постой, да вот же она, в кармане штанов!.. Калле осторожно прижал к листку палец дяди Эйнара. Готово. Есть отпечаток! Калле был счастлив. Если б ему подарили сейчас белую мышь — и то он не чувствовал бы себя счастливей.

Теперь бесшумно отползти назад и перемахнуть через подоконник. Это же так просто!

Да, все шло бы как по нотам, если бы тетя Миа не разводила у себя столько цветов. Одна половинка окна была закрыта, и здесь стоял на подоконнике горшок с маленькой скромной геранью. Калле осторожно привстал и...

В первый миг он решил, что разразилось землетрясение или еще какое-нибудь стихийное бедствие, — такой чудовищный грохот раздался в комнате. Но нет, это был всего-навсего бедный маленький цветочный горшок!

Калле стоял перед окном, спиной к дяде Эйнару.

«Сейчас я умру, — думал он. — Ну и пусть!»

Всем своим существом он слышал, чувствовал и понимал, что дядя Эйнар проснулся. Еще бы — горшок с геранью загремел, словно целый цветочный магазин разлетелся

вдребезги!

— Руки вверх!

Это был голос дяди Эйнара, но как будто и не его. Сейчас в нем звучала сталь.

Всегда лучше смотреть опасности прямо в глаза. Калле обернулся и увидел направленное на него дуло пистолета.

Сколько раз мысленно он попадал в такое положение и всегда сохранял присутствие духа. Быстрым ударом он поражал целящегося в него преступника и со спокойным: «Не торопитесь, сударь», ловко отбирал у него пистолет. Действительность оказалась немножко иной... Калле, конечно, приходилось пугаться и раньше — например, когда на него бросилась на площади собака бухгалтера и еще когда он однажды зимой въехал в прорубь, — но никогда, никогда в жизни не чувствовал он такого ледящего до тошноты страха, как сейчас. «Мама!» — подумал он.

— Ближе, — произнес стальной голос.

Да, подойдешь тут, когда у тебя две вареные макаронины вместо ног! Он все-таки попробовал двинуться.

— Что? Калле? — Сталь исчезла из голоса дяди Эйнара, но суровость осталась. — Собственно говоря, что ты здесь делаешь в такое время? Говори!

«Что теперь будет! — в ужасе думал Калле. — Что говорить?»

В моменты величайшей опасности на человека иногда находит спасительное вдохновение: Калле вдруг вспомнил, что несколько лет назад он ходил во сне. Вставал среди ночи и отправлялся бродить. Это продолжалось до тех пор, пока мама не сводила его к врачу и ему не прописали успокаивающее лекарство.

— Ну, Калле? — сказал дядя Эйнар.

— Как же я сюда попал?! — воскликнул Калле. — Как же так? Уж не начал ли я опять ходить во сне? Ну да, теперь вспоминаю, вы же мне приснились. («Это ведь правда», — подумал Калле.) Пожалуйста, дядя Эйнар, извините, что я разбудил вас!

Дядя Эйнар спрятал пистолет и похлопал Калле по плечу.

— Ничего, ничего, дорогой мой сыщик, это, наверное, детективные увлечения не дают тебе спокойно спать. Попроси маму дать тебе немного брома перед сном, и все будет в порядке, вот увидишь. Давай-ка я тебя провожу.

Дядя Эйнар проводил его по лестнице и отпер наружную дверь. Калле поклонился и мгновение спустя угрем скользнул сквозь щель в заборе.

— Кажется, пронесло, — прошептал он.

Калле чувствовал себя, как человек, только что спасшийся после кораблекрушения. Ноги как-то странно дрожали, и он еле-еле дотащился по лестнице к себе в комнату. Здесь он плюхнулся на постель и глубоко вздохнул.

— Кажется, пронесло, — прошептал Калле опять.

Он долго сидел не шевелясь.

До чего же опасна профессия сыщика! Некоторые думают, что это самое простое дело... Ну уж нет! Легко сказать — на каждом шагу тебе прямо в нос суют дуло пистолета!

Ноги постепенно перестали дрожать. Ледящий страх прошел. Калле нащупал в кармане драгоценный клочок бумаги. Теперь он уже не боялся — он был счастлив! Калле вынул листок и аккуратно спрятал его в левый ящик письменного стола. Там уже лежали отмычка, газета и жемчужина. Мать не могла бы глядеть с большей нежностью на своего ребенка, чем Калле — на содержимое этого ящика. Он тщательно запер его и положил ключ в карман. Потом достал записную книжку и раскрыл ее на странице дяди Эйнара. Требовалось сделать некоторые добавления.

«Имеет пистолет, — записал Калле. — Держит его под подушкой, когда спит».

В это время года семья Лисандер имела обыкновение завтракать на веранде. Они как раз принялись за кашу, когда Андерс и Калаче вынырнули неподалеку. Калле не терпелось узнать, скажет ли дядя Эйнар что-нибудь о его ночном визите. Но дядя Эйнар как ни в чем не бывало ел кашу.

— Постой, Эйнар, какая досада, — сказала вдруг фру Лисандер, — я же вчера забыла тебе дать снотворное!

7

— Все-таки приготовления интереснее всего, — заключил Андерс сразу после цирковой премьеры.

Конечно, само представление тоже прошло интересно и весело, но в памяти остались все же предшествующие дни, заполненные репетициями и напряженной подготовкой.

Недавние артисты опять ходили без дела, не зная толком, чем заняться. Меньше других страдал от этого Капле. Обязанности сыщика наполняли содержанием не только его дни, но даже и ночи. И если раньше его разведывательная деятельность носила общий характер, то теперь он все внимание сосредоточил на дяде Эйнаре.

— Когда же этот дядя Эйнар наконец укатит? — твердили Андерс и Ева-Лотта.

Но Калле с ужасом ожидал дня, когда его жулик вдруг сложит чемодан и уедет. Исчезнет подозрительная личность, и жизнь Калле сразу станет пустой и бессодержательной. А главное, будет так досадно, если дядя Эйнар уедет раньше, чем он, Калле, разоблачит его.

В том, что дядя Эйнар преступник, Калле не сомневался ни минуты. Правда, все его предыдущие преступники оказывались в конце концов вполне порядочными людьми, во всяком случае их не удавалось ни в чем уличить, но на этот раз Калле был почти уверен.

«Столько подозрительных обстоятельств, что ошибки быть не может», убеждал он себя, когда иной раз его одолевали сомнения.

Но Андерсу и Еве-Лотте никакого дела не было до борьбы с преступниками, и они изнывали от скуки. К счастью, когда однажды Андерс шел вместе с Евой-Лоттой по Большой улице, Сикстен крикнул ему вслед: «Девчатник!» И это несмотря на то что команды Сикстена и Андерса заключили перемирие! Видно, Сикстену тоже стало здорово скучно, вот он и решил открыть военные действия.

Андерс и Ева-Лотта остановились.

— Что ты сказал? — спросил Андерс.

— Девчатник, — повторил с вызовом Сикстен.

— Ах, так! А я надеялся, что мне показалось. Очень жаль, но придется тебя поколотить, несмотря на жару.

— Сделай одолжение! Я потом тебе на голову лед положу, если жив останешься.

— Вечером встретимся в Прериях, — сказал Андерс. — Иди домой и подготовь свою маму, да поосторожнее.

Затем они расстались. Андерс и Ева-Лотта, ужасно оживленные, поспешили домой — предупредить Калле. Надвигалась война, которая обещала скрасить не один каникулярный день!

Калле был занят. Через щель в заборе он следил за дядей Эйнаром, который словно неприкаянный метался по саду. Калле вовсе не хотелось отрываться от своего дела, но разве можно было равнодушно отнестись к вызову Сикстена! Все трое уселись в беседке Евы-Лотты и открыли совещание. Внезапно вошел дядя Эйнар.

— Никто со мной не играет! — заныл он. — Что, собственно, здесь происходит?

— Мы собираемся драться, — сухо объяснила Ева-Лотта. — Андерс будет драться с Сикстеном.

— А кто такой Сикстен?

— Один из самых сильных ребят в городе, — ответил Калле. — Андерсу, конечно, здорово достанется.

— Определенно, — весело согласился Андерс.

— Может, мне тебе помочь? — предложил дядя Эйнар.

Все трое вытаращили глаза. Неужели он думает, что они вмешают взрослого дядьку в свои дела, чтобы он все испортил?

— Ну как, Андерс, идти мне с вами?

— Не-е, — протянул Андерс, неприятно задетый тем, что ему приходится отвечать на такие глупости. — Нет, это было бы не по чести.

— Пожалуй, так, — немного обиженно согласился дядя Эйнар. — Но это было бы целесообразно. Хотя ты еще слишком мал, чтобы понимать, что такое целесообразность. Это приходит с годами.

— Надеюсь, к нему такая чепуха с годами не придет, — заметила Ева-Лотта.

Тут дядя Эйнар круто повернулся и ушел.

— А ведь он как будто разозлился, — сказала Ева-Лотта.

— Взрослые бывают чудные, но уж этот — чудней всех, — заключил Андерс. — И с каждым днем все капризнее становится.

«Эх, если бы вы только знали!» — подумал Калле.

«Прериями» называли большой пустырь на окраине города, густо заросший кустарником. Хозяевами Прерий были дети. Здесь они преобразались в золотоискателей, покорителей Аляски, здесь воинственные мушкетеры устраивали кровопролитные дуэли, здесь пылали лагерные костры в Скалистых горах, здесь же стреляли африканских львов, благородные рыцари носились на своих гордых скакунах, а кровожадные чикагские гангстеры безжалостно расправлялись со своими жертвами — все в зависимости от того, какой фильм шел в городском кино. Летом кинотеатр, разумеется, закрывался, но ведь на нем свет клином не сошелся. Оставалось еще много личных споров, которые надо было решить при помощи кулаков, и, кроме того. Прерии отлично годились для всяких мирных игр.

Сюда направили свои стопы Калле, Андерс и Ева-Лотта, предвкушая волнуемую схватку. Сикстен со своей командой уже пришел. Его соратников звали Бенка и Йонте.

— Вот человек, которому суждено поразить тебя прямо в сердце! — крикнул Сикстен, оживленно размахивая руками.

— Кто твои секунданты? — спросил Андерс, пропустив мимо ушей ужасающую угрозу. Спросил он больше для проформы: он отлично знал секундантов.

— Йонте и Бенка!

— А это — мои! — И Андерс указал на Калле и Еву-Лотту.

— Какое оружие ты выбираешь? — спросил Сикстен, строго придерживаясь правил.

Все прекрасно понимали, что никаким оружием, кроме кулаков, дуэлянты не располагают. Но, когда соблюдаешь форму, получается как-то благороднее.

— Кулаки, — как все и ожидали, ответил Андерс.

И поединок начался. Четверо секундантов, стоя поодаль, следили за схваткой с таким волнением, что пот катил с них градом. Что касается бойцов, то они превратились в клубок мелькающих рук, ног и всклокоченных вихров. Сикстен был сильнее, зато Андерс — быстр и увертлив, как белка. С самого начала он ухитрился закатить Сикстену пару крепких тумачков. Но это лишь невероятно разожгло боевой дух Сикстена. Положение Андерса стало угрожающим.

Ева-Лотта закусилла нижнюю губу. Калле глянул на нее. Он и сам бы не раздумывая бросился в битву ради нее, но — увы! — на сей раз девчатником обозвали этого счастливирика Андерса.

— Андерс, давай, давай! — упоенно кричала Ева-Лотта.

Андерс теперь тоже не на шутку разозлился и, неистово ринувшись в ближний бой, заставил Сикстена отступить. По правилам, такого рода поединки длились не больше десяти минут. Бенка следил по часам, и оба дуэлянта, зная, что время дорого, из сил выбивались, чтобы выиграть битву. Но тут Бенка крикнул «Брейк!», и Сикстен и Андерс скрепя сердце повиновались.

— Ничья, — рассудил Бенка.

Сикстен и Андерс пожали друг другу руки.

— Оскорбление смыто, — сказал Андерс. — Но завтра я оскорблю тебя, тогда мы

сможем продолжить.

Сикстен одобрительно кивнул:

— Это означает войну Алой и Белой розы!

Сикстен и Андерс окрестили свои команды, следуя высокому образцу из истории Англии.

— Да, — торжественно возгласил Андерс, — начинается война Белой и Алой розы, и смерть поглотит тысячи тысяч душ и унесет их в свое черное царство.

Эта тирада тоже была взята из истории, и Андерс считал, что она звучит необыкновенно красиво, особенно после битвы, когда на Прерии спускаются сумерки.

Белые розы — Андерс, Калле и Ева-Лотта — торжественно пожали руки Алым — Сикстену, Бенке и Йонте, — и противники разошлись.

Надо сказать, что, хотя Сикстен и считал себя вправе обозвать Андерса «девчатником», когда тот прогуливался с Евой-Лоттой, он рассматривал Еву-Лотту как вполне достойного противника и представителя Белой розы.

Трое Белых роз пошли домой. Особенно спешил Калле. Он не находил себе покоя, если хоть на минуту выпускал из поля зрения дядю Эйнара.

«Все равно что поросенка в хозяйстве завести», — подумал Калле.

У Андерса из носа сочилась кровь. Сикстен, правда, грозился поразить его прямо в сердце, но все оказалось не так уж страшно.

— Здорово ты сегодня дрался! — сказала Ева-Лотта восхищенно.

— Да вроде ничего себе, — скромно согласился Андерс, глядя на закапанную кровью рубашку. Дома, наверное, влетит за нее, так уж лучше поскорей... Завтра встретимся! — крикнул он и помчался домой.

Калле и Ева-Лотта пошли дальше вдвоем, но тут Калле вспомнил, что мама просила его купить вечернюю газету. Он попрощался с Евой-Лоттой и направился к киоску.

— Газеты все проданы, — сказала дама в киоске. — Спроси в гостинице, у швейцара. Ничего другого не оставалось.

Возле гостиницы стоял полицейский Бьорк. Калле ощутил прилив симпатии к коллеге. Правда, Калле был частный сыщик, а частные сыщики всегда на голову выше обыкновенных полицейских, которые частенько оказываются удивительно беспомощными, даже при решении простейших уголовных проблем. Но все же он чувствовал, что его и Бьорка что-то связывает. Оба направляли свои усилия на искоренение преступности.

Калле был бы совсем не прочь кое о чем посоветоваться с Бьорком. Конечно, никто не оспаривал, что Калле Блюмквист совершенно выдающийся криминалист. Но все-таки ему было только тринадцать лет. Чаще всего он закрывал глаза на это обстоятельство и, выступая в роли сыщика, всегда представлял себя как зрелого мужчину с острым, пронизательным взглядом и небрежно засунутой в рот трубкой. Благоденственные члены общества величают его «господин Блюмквист» и оказывают ему всяческое почтение, преступные же элементы, наоборот, боятся его как огня. Но как раз сейчас он чувствовал себя всего лишь тринадцатилетним мальчиком и склонен был признать, что Бьорк обладает опытом, которого ему, Калле, не хватает.

— Привет! — сказал полицейский.

— Здорово! — отозвался Калле.

Бьорк внимательно взглянул на легковую машину, стоящую возле гостиницы.

— Стокгольмская, — определил он.

Калле остановился рядом с ним, заложив руки за спину. Так они стояли долго, не проронив ни слова, задумчиво глядя на одиноких вечерних прохожих, пересекающих площадь.

— Дядя Бьорк, — заговорил вдруг Калле, — вот если думаешь, что человек негодяй, что надо делать?

— Съездить ему разочек, — бодро посоветовал Бьорк.

— Да нет, я хочу сказать — если он совершил какоенибудь преступление.

— Надо его задержать, конечно.

— Нет, а если ты только думаешь, а доказать не можешь? — упорствовал Калле.

— Ходить за ним по пятам и следить! — Бьорк улыбнулся во весь рот. — Вот как, хочешь у меня хлеб отбить? — продолжал он дружелюбно.

«Ничего я не хочу», — возмущенно подумал Калле. Никто его не принимает всерьез...

— Ну, пока, Калле, мне надо в участок зайти. Подежурь тут за меня!

И Бьорк ушел.

«Ходить за ним и следить!» Но как же ходить по пятам за человеком, который целыми днями торчит в саду и шага за калитку не ступит?

Да, дядя Эйнар ровным счетом ничего не предпринимал. Он лежал, сидел или бродил в саду булочника, словно зверь в кочетке, и требовал, чтобы Ева-Лотта, Калле и Андерс его развлекали и помогали коротать время. Вот именно — коротать время! Не похоже было, что у дяди Эйнара отпуск, скорей он чего-то ждет.

«Но чего — хоть убей, не понимаю!» — подумал Калле и вошел в гостиницу. Ему пришлось подождать. Швейцар был занят — он разговаривал с двумя мужчинами.

— Скажите, пожалуйста, у вас не остановился некий господин Бране, спрашивал один из них. — Эйнар Бране?

Швейцар покачал головой.

— Вы твердо уверены?

— Конечно.

Двое вполголоса посоветовались между собой.

— А Эйнар Линдеберг? — спросил первый

Калле вздрогнул. Эйнар Линдеберг — да это же дядя Эйнар! Всегда приятно помочь людям, и Кале уже открыл было рот, чтобы сказать, что Эйнар Линдеберг живет у булочника Лисандера, но в последний момент осекся, и у него получилось что-то вроде нерешительного «эххр-р-м».

«Ты сейчас чуть не сваял такого дурака, дорогой Калле, — сказал он себе с мягким упреком. — Лучше подождем-ка и посмотрим, как все обернется».

— Нет, приезжего с такой фамилией у нас тоже нет, — уверенно ответил швейцар.

— Тоже нет... И вы, конечно, не знаете, останавливался ли вообще в вашем городе за последнее время кто-нибудь, по фамилии Бране или Линдеберг. Может быть, он поселился не в гостинице, а где-нибудь в другом месте?

Швейцар опять покачал головой.

— Так! А можно у вас получить двойной номер?

— Пожалуйста! Номер тридцать четыре для вас будет самым подходящим, вежливо сказал швейцар. — Будет готов через десять минут. Вы надолго собираетесь остановиться?

— В зависимости от обстоятельств. Думаю, дня на два, на три.

Швейцар достал книгу для приезжающих, чтобы гости записали туда свои фамилии.

Калле купил вечернюю газету. Он ощущал непонятное возбуждение.

— Тут что-то есть, тут обязательно что-то есть! — прошептал он.

Теперь, пока он не узнает, кто такие эти двое, которым нужен дядя Эйнар, уйти отсюда просто невыносимо. Он понимал, что швейцар будет несколько удивлен, если он, Калле Блюмквист, вдруг усядется здесь в вестибюле с газетой в руках. Но ничего другого не оставалось. Калле развалился в кожаном кресле с видом коммерсанта, совершающего деловую поездку. Всем сердцем он надеялся, что швейцар не выставит его. К счастью, тот занялся телефонным разговором и не обращал на Калле никакого внимания.

Калле провертел две дырки в газете, одновременно придумывая, чем бы объяснить маме такое странное обращение с ее вечерним чтением. Затем он принялся размышлять, кто же такие эти два господина. Может быть, сыщики? Они часто появляются вдвоем, по крайней мере в фильмах. А что, если подойти к одному из них и сказать: «Добрый вечер, дорогой коллега!»

«Это было бы глупо, чтобы не сказать — идиотски глупо! — ответил сам себе

Калле. — Никогда не нужно предупреждать события».

Ого, как иногда везет! Оба приезжих подошли и сели в кресла напротив Калле. Можно было сколько влезет глазеть на них через газету.

«Приметы, — сказал себе знаменитый сыщик. — Азбука сыского дела!.. Фу ты, боже мой, да за такую физиономию надо штрафовать!»

Более отталкивающего лица Калле не видал за всю свою жизнь. Он подумал, что общество по украшению города охотно заплатило бы немалые деньги, лишь бы этот тип уехал. Трудно сказать, что делало его лицо таким неприятным: низкий лоб, слишком близко сидящие глаза, перекошенный нос или рот, который становился еще уродливее от странной, кривой улыбки.

«Уж если это не жулик, то я тогда архангел Гавриил собственной персоной», — подумал Калле.

Во внешности второго не было ничего примечательного, если не считать почти болезненной бледности. Это был небольшого роста блондин с очень светлыми голубыми глазами и бегающим взглядом.

Калле так на них уставился, что казалось — глаза его вот-вот выскочат через дырки в газете. Одновременно он весь обратился в слух. Незнакомцы оживленно разговаривали, но Калле, к сожалению, улавливал только отдельные слова. Вдруг Бледный произнес довольно громко:

— Чего там еще, он точно здесь, в городе. Я сам видел письмо к Лоле. На штемпеле ясно стояло: Лилльчепинг.

Письмо к Лоле?! Лола! Лола Хелльберг, кто же еще?

«Все-таки у меня котелок варит», — удовлетворенно заключил Калле. Он же сам опускал письмо к Лоле Хелльберг, кто бы ни была эта почтенная дама! И она записана в его книжку.

Калле изо всех сил старался уловить что-нибудь еще из разговора, но тщетно. Через минуту пришел швейцар — сообщить, что комнаты готовы. Противный и Бледный поднялись и ушли, и Калле собирался сделать то же самое. Но тут он заметил, что конторка швейцара пуста и вообще в вестибюле, кроме него, никого нет. Недолго думая, он раскрыл книгу для приезжающих. Противный записался первым, это Калле заметил. «Туре Крук, Стокгольм». Очевидно, он! А как зовут Бледного? «Ивар Редиг, Стокгольм».

Калле вынул записную книжку и списал туда фамилии, затем тщательно перечислил приметы своих новых знакомцев. Открыв книжку на странице дяди Эйнара, он записал: «Вероятно, иногда называет себя Бране». Потом сунул газету под мышку и, весело насвистывая, вышел из гостиницы.

Теперь оставалось еще только одно — машина! Должно быть, это их машина: не так уж часто сюда приезжают автомобили из Стокгольма. К тому же, если бы они приехали семичасовым поездом, то уже давно успели бы получить номер в гостинице.

Калле записал номер машины и другие приметы. Потом оглядел шины. Они были порядком стертые, кроме правой задней, совсем новенькой. Калле срисовал узор покрышки.

— Азбука сыского дела, — сказал он и сунул книжку в карман.

8

На следующий день, как и было условлено, вспыхнула война роз. Сикстен обнаружил в своем почтовом ящике листок с ужаснейшими оскорблениями. В конце послания стояло: «Верность вышеизложенного удостоверяет Андерс Бенгтсон, командующий Белой розой, которому ты недостойн развязывать шнурки на ботинках». Свирепо скрежеща зубами, Сикстен бросился за Бенкой и Йонте.

Белые розы в полной боевой готовности залегли в саду булочника, ожидая нападения Алых. Калле взобрался на клен, откуда просматривалась вся улица, вплоть до почтмейстерского дома. Он выполнял обязанности разведчика Белой розы, не забывая в то

же время и о своем собственном противнике.

— Вообще-то мне сейчас некогда воевать, — возразил он было Андерсу, — я занят.

— Ну вот, здравствуйте! — сказал Андерс. — Как всегда, какое-нибудь уголовное дело? Хромой Фредрик опять подбирается к церковной кружке?

— А ну тебя совсем! — огрызнулся Калле.

Он убедился, что все равно его никто не поймет, и послушно полез на дерево, как было приказано. Безусловное повиновение вождю было одной из заповедей Белой розы.

Впрочем, звание разведчика давало то преимущество, что позволяло Калле одновременно следить и за дядей Эйнар. В настоящий момент дядя Эйнар сидел на веранде и помогал тете Миа чистить клубнику: то есть, поковыряв штучек десять, он закурил сигарету, уселся на перила и принялся болтать ногами. Потом подразнил немного Еву-Лотту, пробегавшую мимо по дороге на чердак, в штаб Белой розы, и вообще, видно, помирал со скуки.

— И не надоест тебе слоняться без дела? — услышал Калле голос тети Миа. Сходил бы в город, прогулялся или съездил на велосипеде искупаться, что ли. Кстати, в гостинице по вечерам танцы — почему бы тебе не пойти?

— Спасибо за заботу, Миа, дорогая, — ответил дядя Эйнар, — но мне так хорошо здесь, в саду, что нет ни малейшей охоты чем-нибудь заниматься. Тут я могу отдохнуть как следует и успокоить нервы. С тех пор как я приехал сюда, я чувствую себя таким спокойным и уравновешенным!

«Спокойным и уравновешенным, ишь ты! — подумают Калаче. — Змея в муравейнике и та уравновешеннее! Уж не потому ли дядя Эйнар не спит по ночам и держит пистолет под подушкой, что он такой спокойный и уравновешенный?»

— Кстати, сколько уже я здесь живу? — задумался дядя Эйнар. — Дни так бегут, считать не успеваешь.

— В субботу будет две недели, — ответила тетя Миа.

— Только-то? А кажется, будто целый месяц. Да, пожалуй, пора подумать и об отъезде.

«Только не сейчас, только не сейчас! — взмолился про себя Калле на дереве. — Сначала я должен выяснить, почему ты затаился здесь, словно заяц в кустах».

Калле до того увлекся разговором на веранде, что совсем забыл о своих обязанностях разведчика Белой розы. Его вернул к действительности донесшийся снизу шепот.

На улице, под самым деревом, стояли Сикстен, Бенка и Йонте. Они пытались найти щелку в заборе и не заметили Калле.

— Евы-Лоттина мама и какой-то тип сидят на веранде, — рапортовал Сикстен. Значит, через калитку нам не пройти. Мы пойдем в обход, по мосту, и застигнем их врасплох со стороны реки. Они наверняка засели в своем штабе на чердаке.

Алые опять исчезли, а Калле поспешно слез с дерева и помчался к пекарне. Там Андерс и Ева-Лотта, чтобы не было скучно ждать, съезжали по веревке, оставшейся висеть еще со времен циркового представления.

— Алые идут! — крикнул Калле. — Сейчас будут речку переходить!

В том месте, где река пересекала сад булочника, ширина ее не превышала двух — трех метров. Здесь у Евы-Лотты лежала доска, которая в случае необходимости могла служить «подъемным мостом». Сооружение довольно ненадежное, но если по нему бежать быстро и уверенно, то шансов свалиться в воду было не так уж много. А если и случалось упасть, то все ограничивалось лишь промоченными штанами, так как речка была мелкая.

Белые розы услужливо поспешили навести переправу и спокойно спрятались за кустами неподалеку. Долго ждать им не пришлось. Замирая от восторга, наблюдали они, как на другом берегу появились, высматривая врага, Алые.

— Ага, мост на месте! — закричал Сикстен. — Вперед, победа за нами!

И он бросился бегом по доске, сопровождаемый Бенкой. Андерс только этого и ждал. Он стремглав выскочил из своего укрытия и в тот момент, когда Сикстен должен был ступить на твердую землю, чуть-чуть подтолкнул доску. Большого и не требовалось.

— Вот так получилось и с фараоном, который захотел пешком перейти Красное море, — утешила Ева-Лотта барахтающегося в реке Сикстена.

Пока Сикстен и Бенка, изрыгая проклятия, карабкались на сушу. Белые розы, сломя голову ринулись к пекарне. Они использовали драгоценные секунды, чтобы забаррикадироваться на чердаке. Друзья тщательно заперли дверь на лестницу, втянули внутрь веревку и стали у открытого люка в ожидании неприятеля. Воинственный клич возвестил о приближении Алых.

— Ты еще не высох? — справился Калле участливо, когда появился Сикстен.

— Это у тебя молоко на губах не обсохло! — отпарировал Сикстен.

— Вы сами выйдете или вас оттуда выкурить? — спросил Йонте.

— Вы же можете сюда залезть и взять нас, — сказала Ева-Лотта. — Ничего, если мы нальем вам немного кипящей смолы за шиворот?

За минувшие годы между Алой и Белой розами не раз вспыхивала война. Но это вовсе не означало, что они были непримиримыми врагами. Наоборот, ребята отлично ладили друг с другом, войны были для них только увлекательной игрой. Каких-либо определенных правил ведения войны не существовало. Единственная цель заключалась в том, чтобы как можно больше досадить противной стороне, и для этого годились любые средства. Запрещалось только вмешивать в это дело родителей и других посторонних.

Осаждать штаб противника, брать заложников, обмениваться страшными угрозами, писать оскорбительные письма, похищать «тайные бумаги» противника и самому изготавливать их в огромном количестве, чтобы противнику было что красть, тайно пронести секретные документы через линию фронта — в этом заключались в основном войны роз.

Сейчас Белые розы чувствовали, что на их стороне огромное преимущество.

— Посторонитесь немножко, — вежливо попросил Андерс, — а то я собираюсь плюнуть!

Алые, ворча, оттянулись за угол и предприняли тщетные попытки открыть дверь на лестницу.

Но успех вскружил голову вождю Белых роз.

— Передайте Алым, что я взял пятиминутный отпуск по причине естественной надобности, — сказал он и съехал вниз по веревке.

Андерс рассчитывал добежать до домика с сердцевидным окошечком на двери прежде, чем Алые обнаружат, что он покинул чердак. Ему и в самом деле удалось проскользнуть в домик и надежно запереться на задвижку. Но Андерс не подумал о том, как вернуться на чердак. А за углом стоял Сикстен.

Вождь Алых роз просиял, когда сообразил, где находится его враг. Мгновенно подбежав к домику, он запер дверь снаружи и торжествующе расхохотался. Такого зловещего смеха Калле и Ева-Лотта давно уже не слышали.

— Мы должны освободить нашего предводителя из этого ужасного плена, решительно заявила Ева-Лотта. Алые, опьянев от радости, исполнили военный танец.

— У Белой розы новый штаб, — зубоскалил Сикстен. — Отныне она будет благоухать приятнее, чем когда-либо.

— Ты тут постой и пооскорбляй их, — сказала Ева-Лотта Калле, — а я посмотрю, что можно сделать.

С чердака вниз вела еще одна лестница, но она выходила не наружу, а в пекарню. Этим путем Ева-Лотта могла выйти незамеченной. Она спустилась по лестнице и, прихватив по дороге пару лепешек, исчезла за дверью в другом конце дома. Сложный обходный маневр позволил Ева-Лотте незаметно для Алых влезть на забор позади сараев. С длинной палкой в руках она с забора перебралась на крышу уборной.

Тем временем Калле неистово поносил Сикстена и его приятелей, стараясь отвлечь их внимание.

Андерс услышал, что над его головой что-то происходит, и луч надежды осветил его жалкое убежище. Наступил самый напряженный момент: Ева-Лотта протянула палку, чтобы

сбросить крючок. Оглянись Алые в эту минуту, все бы пропало. Калле не отрываясь следил за каждым движением Евы-Лотты, и от него требовалось немалое самообладание, чтобы одновременно продолжать выкрикивать оскорбления.

— Бесчестные вшивые собаки, вот вы кто такие! — кричал он в тот момент, когда действия Евы-Лотты увенчались успехом.

Андерс внезапно почувствовал, что дверь подалась, выскочил на волю и стремительно пробежал стометровку до одного из старых вязов. Благодаря многолетней тренировке ему ничего не стоило мгновенно залезть на дерево. И, когда взбешенные его побегом Алые, точно свора гончих, сбились внизу, Андерс предупредил, что первого, кто посмеет полезть за ним, он отделает так, что родная мать не узнает!

В последнюю минуту Сикстен вспомнил про Еву-Лотту. Она как раз приготовилась перебраться в безопасное место. Увы, ей предстояло убедиться, что свободу своего вождя она купила ценою собственной свободы... Алые окружили заветный домик, и Ева-Лотта свалилась в их протянутые руки, словно созревший плод.

— В штаб ее, быстро! — приказал Сикстен.

Ева-Лотта защищалась, как львица, однако сильные руки Бенки и Йонте заставили ее подчиниться.

Белые розы не замедлили ринуться на выручку. Калаче съехал по веревке с чердака, Андерс с опасностью для жизни смело прыгнул с дерева. Но Сикстен навязал преследователям ожесточенный арьергардный бой, и Алые без помех дотащили свою пленницу до «крепостного рва». Переправить неистово брыкающуюся Еву-Лотту по «подъемному мосту» было, разумеется, невысказано. Поэтому Бенка бесцеремонно толкнул ее в воду, после чего и сам вместе с Йонте плюхнулся следом.

— Не вздумай сопротивляться — утопим, — предупредил Йонте.

Однако страшная угроза несколько не помешала Еве-Лотте брыкаться еще сильнее прежнего, и она была очень довольна, ухитрившись дважды загнать Бенку и Йонте под воду. Правда, Ева-Лотта чуть не захлебнулась, но это не омрачило ее радости.

Бой на откосе у реки продолжался с неослабевающей силой. Гвалт стоял такой, что булочник решил оставить свое тесто и выяснить, что происходит. Он не спеша спустился к реке, как раз когда его дочь высунула из воды мокрую голову. Бенка и Йонте отпустили Еву-Лотту и виновато посмотрели на булочника. Битва на откосе стихла сама собой. Булочник задумчиво поглядел на свое дитя.

— Послушай, Ева-Лотта, — заговорил он наконец, — ты по-собачьи плавать умеешь?

— Еще бы! — ответила Ева-Лотта. — Я по-всякому умею!

— Вот как! Ну что ж, я только это и хотел спросить, — деликатно сказал булочник и зашагал обратно в пекарню.

Штаб Алой розы помещался в гараже при почтмейстерском доме. Сейчас гараж пустовал, и поэтому Сикстен временно занял его для своих нужд. Здесь он держал удочки, футбольный мяч, велосипед, лук, мишень и все тайные бумаги и документы Алой розы. Сюда-то и заточили промокшую насквозь Еву-Лотту. Правда, Сикстен рыцарски предложил ей свой спортивный костюм.

— Быть благородным с побежденными — вот мой девиз, — сказал он.

— Вот еще, несколько я не побежденная! — возразила Ева-Лотта. — Меня скоро освободят. А пока можно пострелять из лука.

Охрана ничего не имела против.

...Андерс и Калле сидели у реки и с мрачным видом держали совет. Вот ведь досада: не удалось захватить в плен Сикстена! Теперь об обмене пленными не может быть и речи.

— Я попробую к ним и попробую что-нибудь поразведать, — сказал Андерс. — А ты лезь на клен и следи на случай, если они вздумают вернуться. Обороняйся до последнего человека! Если тебя одолеют, то сперва сожги тайные бумаги.

Калле понимал, конечно, что выполнить в точности это приказание будет нелегко, но возражать не стал.

Бесподобный наблюдательный пункт — этот клен! Сидишь себе удобно в развилке, совершенно скрытый листвой, и видишь большую часть сада булочника и всю улицу до угла, где она соединяется с Большой улицей. Калле все еще жил напряжением прошедшего боя, но вместе с тем чувствовал легкие угрызения совести. Он пренебрег своим долгом перед обществом! Если бы не война роз, он с раннего утра стоял бы на посту у гостиницы и следил бы за теми двумя, которые приехали вчера вечером. Кто знает — возможно, это приблизило бы его к разрешению загадки.

Внизу по садовой тропинке бродил взад и вперед дядя Эйнар. Он не замечал наблюдателя на дереве, и Калле мог спокойно следить за ним. Каждое движение дяди Эйнара выдавайте нетерпение и недовольство, а лицо выражало такую тревогу и отвращение ко всему, что Калле стало его почти жалко.

«Пожалуй, надо было бы все-таки побольше играть с ним», — вдруг подумал Калле участливо.

Улица за забором была пуста. Калле посмотрел в сторону почтмейстерского дома. Именно оттуда следовало ожидать нападения. Но Алые розы не показывались. Калле глянул в другую сторону, по направлению к Большой улице. Кто-то идет... Да это же... нет, не может быть... ну да, они, те самые типы... как их... Крук и Редиг! Калле напрягся, как стальная пружина. Приезжие подходили все ближе и ближе. Вот они поравнялись с калиткой булочника... и вдруг заметили дядю Эйнара. И он их заметил.

До чего побледнел дядя Эйнар! Даже страшно смотреть. Как мертвец белый. А перетрусил — крыса в ловушке и та не могла бы выглядеть более испуганной.

Первым заговорил один из приезжих, бледный и низкорослый, — Редиг. Его голос звучал удивительно вкрадчиво и нежно:

— А вот и Эйнар. Наш дорогой, ненаглядный Эйнар!

9

От этого голоса у Калле по спине забегали мурашки. За ласковым тоном Редига крылось что-то отталкивающее и опасное.

— Ты, кажется, не особенно рад нас видеть, старина, — мурлыкал приезжий.

Дядя Эйнар дрожащими руками схватился за калитку.

— Что вы, конечно, рад! Просто вы так неожиданно появились.

— Разве? — Бледный улыбнулся. — Ну да, ты же забыл оставить нам адрес, когда уехал, — по рассеянности, конечно. К счастью, ты прислал Доле письмо с довольнотаким отчетливым штемпелем. А Лола девушка неглупая. Если с ней поговорить по душам, она выложит все, что нужно.

Дядя Эйнар, тяжело дыша, перегнулся через калитку к Бледному:

— Что ты сделал с Долой, ты!..

— Спокойно, спокойно! — прервал его вкрадчивый голос. — Не хорохорься! В отпуску надо отдыхать и ни о чем не думать. Ведь ты, насколько я понимаю, приехал сюда в отпуску или как?

— В общем... да, — сказал дядя Эйнар. — Захотелось чуть отдохнуть.

— Понимаю. Совсем замучился на работе за последнее время, да?

Разговор все время вел Бледный. Тот, кого Калле называл Противным, только молчал и улыбался, но улыбка эта выглядела далеко не доброжелательной.

«Попадись он мне ночью на пустынной улице, я бы здорово струхнул, подумал Калите. — А впрочем, еще неизвестно, кого из них неприятнее встретить — этого или Бледного, Ивара Редига».

— Что ты, собственно, хочешь, Артур? — спросил дядя Эйнар.

«Артур? Он же Ивар! — удивился Калле. — Хотя, ведь у жуликов и бандитов всегда куча имен...»

— К черту! Ты отлично знаешь, чего я хочу! — ответил Бледный, и голос его звучал

уже жестче. — У нас здесь машина, поедem прокатимся, заодно и поговорим.

— Не о чем мне с вами разговаривать, — отрезал дядя Эйнар.

Бледный подошел ближе.

— Так уж и не о чем? — пропел он.

«А что это у него в руке?» — Калле пришлось наклониться, чтобы разглядеть.

— Вот так-так! — прошептал Калле.

На этот раз настала очередь дяди Эйнара стоять перед дулом пистолета.

Есть же такие люди! Ну и привычки: средь бела дня расхаживать с пистолетами!

Бледный нежно погладил блестящий металл и продолжал:

— Подумай хорошенько. Может, ты все-таки поедешь с нами?

— Ни за что! — крикнул дядя Эйнар. — Ни за что! Мне с вами не о чем говорить.

Убирайтесь, а не то...

— А не то позовешь полицию, да?

Бледный и Противный захохотали.

— Э, нет, приятель, этого ты не сделаешь! Тебе так же хочется впутывать в это дело полицию, как и нам.

Бледный опять засмеялся — страшным, отвратительным смехом.

— А ты это здорово придумал, дорогой Эйнар. Неплохая мысль — устроить себе здесь небольшой отпуск, в строжайшем инкогнито, пока не кончится переполох. Куда умнее, чем сразу попытаться удрать за границу. Сообразительный мальчик!

Он помолчал немного.

— И все-таки ты малость перемудрил, — продолжал он уже совсем не вкрадчивым голосом. — Обманывать друзей — это к добру не приводит. Многие погибли молодыми только потому, что забывали об этом. Так не годится — чтобы трое кашу варили, а один ее съел.

Бледный перегнулся через калитку и посмотрел на дядю Эйнара с такой ненавистью, что Калле даже пот прошиб.

— Знаешь, чего мне сейчас хочется? — прошипел он. — Мне хочется вкатить тебе пулю в лоб. Прямо здесь, не сходя с места, дылда трусливая!

Но дядя Эйнар, по-видимому, уже опомнился от первого испуга.

— Ну и что? — сказал он. — Обратнo в тюрьму захотелось? Выстрелишь — через пять минут фараон тут как тут. Что ты от этого выиграешь? Небось сам понимаешь — с собой я их не ношу. Лучше спрячь-ка игрушку, — он показал на пистолет, — и давай поговорим серьезно. Будете себя хорошо вести — я, может быть, соглашусь поделиться.

— Какое потрясающее благородство! — произнес с издевкой Бледный. Подумать только — он согласен поделиться! Но, к сожалению, эта блестящая идея пришла тебе в голову несколько поздно. Чертовски поздно! Видишь ли, дорогой, теперь мы не хотим делиться. Даем тебе время на размышление... не будем мелочны, скажем, — пять минут, и ты выкладываешь все барахло. Надеюсь, ради твоего же блага, ты меня понял?

— А если я этого не сделаю? С собой у меня их нет, и, если ты меня прикончишь, вряд ли кто-нибудь сможет помочь тебе их отыскать.

— Э, дружочек, я же не вчера родился. Есть способы заставить людей, которые подобру не понимают, — отличные способы! Я ведь знаю, что ты сейчас задумал. Совершенно точно знаю, словно вижу насквозь твою гнилую башку. Ты думаешь, что тебе удастся снова нас надуть! Думаешь оттянуть время своей болтовней о дележе, а потом тихонько улизнуть и покинуть пределы отечества прежде, чем мы тебе помешаем. Но я тебе вот что скажу! Мы тебе помешаем, да так, что ты этого никогда не забудешь! Мы останемся в городе, и ты нас частенько будешь встречать. Как только захочешь выйти за калитку, сразу встретишь своих старых, дорогих друзей. И уж мы найдем возможность поговорить с тобой без помех, будь спокоен!

«Это, наверное, и есть „зловещая улыбка“, как пишут в книгах», — подумал Калле, глядя на лицо Бледного. Он наклонился вперед, чтобы рассмотреть его получше, и...

обломил сучок. Дядя Эйнар быстро оглянулся, пытаясь определить, откуда исходит звук. Калле похолодел от страха.

«Хоть бы они меня не увидели, хоть бы не увидели... Они же меня убьют!»

Калле понимал: если его обнаружат сейчас, ему несдобровать. Вряд ли такой человек, как Бледный, пощадит свидетеля, десять минут подслушивавшего их разговор. К счастью, никто из троих не стал доискиваться, откуда донесся шум. Калле облегченно вздохнул, и сердце его уже вернулось было на свое обычное место, но вдруг он увидел нечто такое, отчего оно опять метнулось в пятки.

По улице шел человек. Маленькая фигурка в красном, непомерно большом спортивном костюме. Это была Ева-Лотта. Она весело размахивала мокрым платьем и насвистывала свою любимую песенку:

«Жила-была девчонка, звалася Жозефина».

«Только бы она меня не заметила! — взмолился Калле. — Если она скажет: „Привет, Калле“, все пропало?» Ева-Лотта поравнялась с домом.

«Конечно, заметят! Она же непременно посмотрит на нашу дозорную вышку. И зачем только я сюда залез?»

— Здравствуйте, дядя Эйнар, — сказала Ева-Лотта.

Дядя Эйнар всегда радовался, когда видел Еву-Лотту, но сейчас он был просто в восторге.

— Деточка! Как хорошо, что ты пришла! Я как раз собирался пойти посмотреть, не готов ли обед. Пошли вместе!

Он помахал тем двоим за калиткой.

— Будьте здоровы, мальчики! К сожалению, я должен идти.

— Будь здоров, старина, — отозвался Бледный. — Мы еще встретимся, можешь не сомневаться.

Ева-Лотта вопросительно взглянула на дядю Эйнара.

— А ты не пригласишь друзей пообедать? — спросила она.

— Да нет, знаешь, им, по-моему, некогда.

Дядя Эйнар взял Еву-Лотту за руку.

— Как-нибудь в другой раз, хозяйюшка, — подтвердил Противный.

«Ну, держись, — сказал себе Калле, когда Ева-Лотта проходила мимо клена. Ой, ой!...»

— «Жила-была девчонка, звалася Жозефина...»

Ева-Лотта запела и по привычке взглянула на развилку клена — наблюдательный пункт Белой розы. Прямо в ее веселые голубые глаза смотрел Калле.

Если ты много лет подряд был воином Белой розы, если ты не раз участвовал в кровопролитных битвах между индейцами и бледнолицыми, если ты, наконец, был разведчиком союзников во второй мировой войне, то ты научился двум вещам: ничему не удивляться и уметь молчать, когда надо. Вон сидит на дереве твой товарищ, предостерегающе приложив палец к губам, и лицо его выражает только одно: «Молчи!»

Ева-Лотта идет дальше с дядей Эйнаром.

— Всего-то у ней было, что швейная машина, шинашина-шина-шина, шина-на".

10

«Что вы скажете, господин Блюмквист, об этом знаменательном разговоре?»

Калле лежал на спине под грушевым деревом у себя в саду, а воображаемый собеседник опять интервьюировал его.

«Видите ли, — сказал господин Блюмквист, — прежде всего ясно, что в данной уголовной драме мы имеем дело не с одним, а сразу с тремя негодями. И предупреждаю вас, молодой человек (воображаемый собеседник был весьма молод и неопытен), предупреждаю: в ближайшем будущем произойдут бурные события! Для вас было бы лучше всего по вечерам сидеть дома. Борьба предстоит не на жизнь, а на смерть, и тому, кто не привык

иметь дело с подонками общества, грозит нервное потрясение».

Сам господин Блюмквист настолько привык иметь дело с подонками общества, что не боялся за свою нервную систему. Он вынул трубку изо рта и продолжал:

«Понимаете, эти два господина, Крук и Редиг — полагаю, вам не надо объяснять, что это не настоящие их фамилии, — да, так вот, эти два типа собираются задать жару дяде Эйнару... гм-м... Эйнару Линдебергу, или Бране, как он иногда себя называет. По правде говоря, его жизнь в опасности!»

«А на чью сторону собирается стать господин Блюмквист в этой борьбе?» — почтительно осведомился собеседник.

«На сторону общества, молодой человек, общества! Как всегда! Хотя бы это стоило мне жизни».

Знаменитый сыщик грустно улыбнулся. Ради общества он уже тысячу раз жертвовал жизнью, и одним разом больше или меньше, роли не играло. Мысли его потекли дальше.

«Хотел бы я знать, чего они добиваются от дяди Эйнара», — подумал он, и сейчас это уже был не господин Блюмквист, а просто Калле, озадаченный маленький Калле, и вся эта история казалась ему довольно жуткой...

Внезапно он вспомнил про газету. Ту самую, которую дядя Эйнар купил сразу после своего приезда, когда они сидели в кафе. Калле хранил ее в левом ящике своего письменного стола, но так и не собрался изучить повнимательнее.

«Непростительный промах!» — отчитал он самого себя и помчался в комнату.

Калле помнил, что дядя Эйнар тогда накинулся на страничку с «Последними новостями». Теперь нужно только сообразить, что же именно его интересовало. «Новые испытания атомной бомбы» — едва ли! «Грубое нападение на пожилого мужчину» — может быть, это? Так: двое парней лет по двадцати напали на пожилого господина, отказавшегося дать им закурить... Нет, дядя Эйнар тут ни при чем. «Крупная кража драгоценностей в Эстермальме...»

Калле свистнул и мгновенно пробежал заметку.

«В ночь на субботу на Банергатам произошла крупная кража драгоценностей. В квартире, принадлежащей известному стокгольмскому банкиру, ночью никого не было, поэтому грабители могли действовать совершенно свободно. Предполагается, что они проникли в квартиру между двумя и четырьмя часами ночи, взломав кухонную дверь. Похищен сейф с драгоценностями на сумму около 100 000 крон. Взорванный и ограбленный сейф был обнаружен днем в лесу, в 30 километрах к северу от города. Уголовная полиция, извещенная о случившемся утром в субботу, пока не нашла никаких следов преступников. Полагают, что в ограблении участвовало по меньшей мере двое, а возможно, и больше преступников. Это одна из самых дерзких краж, совершенных в нашей стране. Уголовная полиция оповестила все полицейские участки. В портах и пограничных пунктах усилена охрана, так как предполагают, что преступники постараются скрыться за границу, чтобы сбыть краденое. Среди похищенных вещей выделяются: очень дорогой платиновый браслет с бриллиантами, большое количество бриллиантовых колец, брошь с четырьмя алмазами в золотой оправе, кольцо из восточных жемчужин и старинный золотой кулон с изумрудами».

— Ну и дубина же я, какая дубина! — сказал Калле. — Как это я не догадался! Лорд Питер Вимсей и Эркюль Пуаро давным-давно бы уже сообразили. Это же проще простого!

Он повертел в руках жемчужину. А откуда видно, что она восточная?

Вдруг его поразила, словно громом, одна мысль. «С собой я их не ношу», сказал дядя Эйнар. Разумеется, не носит! И он, Калле Блюмквист, знает, где все спрятано — и браслет, и бриллианты, и изумруды, и платина, и как они еще там называются. В развалинах, конечно! Ну да, в развалинах! Дядя Эйнар не решался держать награбленное у себя в комнате. Он должен был спрятать драгоценности в надежном месте. И подземелье замка вполне подходило для этого: там ведь никто не бывает.

У Калле голова лопалась от мыслей. Надо скорее пойти в развалины и отыскать драгоценности, пока дядя Эйнар не надумал забрать их оттуда. Ой-ой, да ведь надо еще

следить за дядей Эйнарсом и за теми двумя тоже, чтобы арестовать их в подходящий момент! Как же все успеть? И вдобавок, когда война раз в самом разгаре. Нет, без помощников не обойтись. Даже лорд Питер Вимсей не справился бы здесь один. Нужно посвятить в это дело Андерса и Еву-Лотту и попросить их помочь. Они, правда, никогда не принимали его всерьез как сыщика, но ведь на этот раз все обстоит совсем иначе!

Внутренний голос подсказывал Калле, что в данном случае ему слезет искать помощников в полиции, и он знал, что голос прав. Но, если сейчас пойти в полицию и все рассказать, разве ему поверят? Скорее всего, посмеются над ним, как обычно делают взрослые. Калле знал это по собственному горькому опыту. Никто не хочет верить, что и в тринадцать лет можно что-то совершить.

Нет, уж лучше подождать, пока наберется побольше доказательств.

Калле осторожно положил жемчужину в ящик. Ага, вот и отпечаток пальца дяди Эйнара! Как хорошо, что Калле был таким предусмотрительным!

В газете написано, что полиция не нашла еще никаких следов. Вечная история! Но, может быть, им все-таки удалось добыть хоть несколько отпечатков пальцев в ограбленной квартире? Ведь это так важно! Если грабитель попадался раньше, то в полицейской картотеке есть отпечатки его пальцев. Нужно только сравнить их с теми, что нашли на месте преступления, и все в порядке. И можно тогда сразу сказать: «Эта кража совершена Хромым Фредриком». В том случае, конечно, если найден отпечаток именно Хромого Фредрика. Ну, а если в полицейской картотеке не окажется отпечатков пальцев грабителей? Тогда, понятно, этот способ не применишь.

Но вот у Калле есть отпечаток большого пальца дяди Эйнара. Очень хороший, отчетливый отпечаток на листке бумаги... Постой, а что, если взять да и помочь немного этим беднягам, которые «пока не нашли никаких следов преступников»? Если дядя Эйнар действительно причастен к краже на Банергатам (Калле еще не был уверен, но сильные улики говорили за это), стохгольмская полиция, наверное, не откажется от бумажки с отпечатком его пальца! Калле достал бумагу и ручку и написал:

Стокгольм, в уголовную полицию.

Здесь он остановился и пожевал ручку. Нужно написать так, чтобы они подумали, что пишет взрослый! Иначе эти идиоты выбросят письмо в корзинку.

Калле продолжал:

Как вытекает из газет, у вас на Банергатам, очевидно, произведена кража со взломом. Так как Вами, может быть, добыты отпечатки пальцев, я посылаю Вам таковой в надежде, что он софпадет с каким-нибудь из ваших. Дальнейшие справки можит Вам прислать бесплатно и письменно

Карл Блюмквист, частный сыщик.

Большая улица, 14, Лильчепинг

Калле немного поколебался, прежде чем написать «частный сыщик». Но потом подумал, что стохгольмские полицейские все равно никогда его не увидят, так пусть лучше считают, что письмо написано господином Блюмквистом, частным сыщиком, а не Калле, тринадцати лет.

— Ну вот, — сказал Калле и лизнул конверт. — А теперь скорей к Андерсу и Еве-Лотте!

Андерс и Ева-Лотта сидели на чердаке в штабе Белой розы. Трудно было придумать более уютное убежище. Старый чердак служил не только штабом, но и кладовой; здесь же складывали отслужившую свой век мебель. Тут стоял белый комод, недавно выселенный из комнаты Евы-Лотты, в углу были свалены старые стулья; ободранный, выдавший виды стол отлично подходил для игры в пингпонг. Но сейчас Андерсу и Еве-Лотте было не до пинг-понга. Они с головой ушли в изготовление тайных бумаг. По мере того как появлялись

новые документы, Андерс складывал их в железную коробку, главное достояние Белой розы. Здесь хранились реликвии прежних войн: мирные договоры, секретные карты, камни, испещренные диковинными письменами, и целая кучка других предметов, которые непосвященному человеку показались бы просто мусором. Но для рыцарей Белой розы содержимое коробки было святыней, за которую можно и жизнь отдать. Ключ от коробки носил у себя на груди вождь Белой розы, не снимая ни днем, ни ночью.

— Куда это Калле девался? — сказал Андерс, укладывая в коробку очередной документ.

— По крайней мере, совсем недавно он сидел на дереве, — ответила Ева-Лотта.

В тот же миг влетел Калле.

— Бросайте это все! Сейчас же заключаем мир с Алыми. В худшем случае пойдем на безоговорочную капитуляцию.

— Ты в своем уме? — изумился Андерс. — Мы же только начали!

— Ничего не поделаешь! Есть вещи поважнее. Ева-Лотта, тебе очень нравится дядя Эйнар?

— Не понимаю, — сказала Ева-Лотта, — почему это он должен мне очень нравиться?

— Ведь он все-таки двоюродный брат твоей мамы.

— Ну и что из этого? Не думаю, чтоб он маме самой нравился. А раз так, то мне и вовсе не обязательно быть от него в восторге. А что?

— Значит, ты не очень расстроишься, если узнаешь, что он жулик?

— Да отцепись ты! — вмешался Андерс. — Это же Хромой Фредрик стащил кружку с деньгами, а не дядя Эйнар!

— Заткнись! Сначала прочти-ка вот это, а потом болтай, — сказал Калле и достал газету.

Андерс и Ева-Лотта прочли заметку о «Крупной краже драгоценностей в Эстермальме».

— А теперь слушайте, — продолжал Калле.

— Калле, а ты, случайно, не заболел? — спросил Андерс участливо. Он ткнул грязным пальцем в другую заметку — «Бодливая корова сеет панику». — Может, потвоему, это тоже дядя Эйнар?

— Сказал я тебе — заткнись! Ева-Лотта, ты видела тех двух типов, которые только что у калитки болтали с дядей Эйнаром? Это его соучастники, дядя Эйнар их каким-то образом надул. Они себя называют Крук и Редиг и живут в гостинице. А драгоценности лежат в развалинах, — выпалил Калле одним духом.

— В развалинах? Ты же сказал, что они живут в гостинице, — возразил Андерс.

— Крук и Редиг — да. А драгоценности, балда ты, — это же изумруды, и платина, и бриллианты, понимаешь? Нет, вы представьте себе только — там, в подzemелье, лежат драгоценности почти на сто тысяч крон!

— Откуда ты знаешь? — крайне недоверчиво спросил Андерс. — Тебе что, дядя Эйнар сказал?

— Есть и у нас голова на плечах, — важно произнес Калле. — Когда решаешь какую-нибудь уголовную загадку, всегда надо считаться с вероятностью.

На мгновение в нем заговорил знаменитый сыщик Блюмквист, но он тут же исчез и остался просто Калле, оживленно жестикулирующий и огорченный тем, что не может убедить своих приятелей. Немало времени потребовалось, чтобы они все же поверили ему. Зато когда Калле выложил все, рассказал о своих наблюдениях, о ночном визите к дяде Эйнару, о том, как нашел жемчужину в развалинах, как подслушал разговор, сидя на дереве, то даже Андерс был поражен.

— Вот помяните мое слово — этот парень будет сыщиком, когда вырастет! — воскликнул он одобрительно. И продолжал с загоревшимися глазами: — Ой, до чего здорово! Какие дела нас ждут! Надо сразу же начинать, теперь не до войны.

— Вот, значит, почему... — протянула Ева-Лотта. — Вот почему я не могу спокойно

пройти мимо коробки с печеньем: я нечиста на руку, как дядя Эйнар... Что значит быть в родстве с преступником! Но пусть убирается из нашего дома, и немедленно! Подумать только, а вдруг он стащит столовое серебро?

— Погоди, погоди, не так быстро, — осадил ее Калле. — К тому же, у него сейчас есть заботы поважнее вашего серебра, уж поверь мне. Вообще плохо его дело: Крук и Редиг теперь с него глаз не спустят.

— Поэтому он и лег сразу после обеда. А нам сказал, что плохо себя чувствует.

— Можешь быть уверена: он действительно плохо себя чувствует, — усмехнулся Андерс. — Но сейчас нам прежде всего надо заключить мир с Алыми. Ева-Лотта, поднимай белый флаг и иди к ним парламентаром. Хотя они, конечно, подумают, что у нас не все дома.

Ева-Лотта послушно привязала к палке белый носовой платок и отправилась к Сикстеновскому гаражу, где ее сообщение о безоговорочной капитуляции было принято с удивлением и явным недовольством.

— Вы не в себе, что ли? — сказал Сикстен. — Мы же только-только разошлись.

— Мы сдаемся на милость победителя, — заявила Ева-Лотта. — Вы победили. Но мы вас скоро опять оскорбим, и тогда вы узнаете, где раки зимуют!

Сикстен очень неохотно составил мирный договор, условия которого были крайне унижительны для Белых роз. Так, им предписывалось половину своих карманных денег откладывать на покупку леденцов для Алых. При встрече на улице с кем-нибудь из Алых роз они должны были низко поклониться три раза и сказать: «Я знаю, что недостойн ступать по одной земле с тобой, о господин!»

Ева-Лотта подписала договор от имени Белой розы, обменялась торжественным рукопожатием с вождем Алых и помчалась обратно на чердак. Пробегая через калитку, она заметила на другой стороне улицы одного из «друзжков» дяди Эйнара.

— Караулы выставлены! — отрапортовала она Андерсу и Калле.

— Эта война будет почище войны роз, — заметил Андерс с довольным видом. Калле, как ты думаешь, что нам теперь делать?

Хотя обычно вождем был Андерс, он понимают, что в этой специальной области следует подчиняться Калле.

— Прежде всего — разыскать драгоценности! Надо пойти в развалины. Но кто-то должен остаться следить за дядей Эйнаром и теми двумя.

Калле и Андерс требовательно посмотрели на Еву-Лотту.

— Ни за что! — категорически заявила она. — Я тоже хочу идти искать драгоценности. Кстати, дядя Эйнар лежит и притворяется больным, так что в наше отсутствие ничего не случится.

— Можно положить спичечную коробку возле его двери, — предложил Калле. Если она останется на том же месте, когда мы вернемся, значит, он никуда не выходил.

— «С киркой и лопатой отправились ребята», — распевал Андерс.

Друзья быстро шли по узкой тропинке к развалинам.

— Если кого-нибудь встретим, скажем, что идем копать червей, — предупредил Калле.

Но они никого не встретили. Развалины были такие же пустынные и заброшенные, как всегда. Только жужжание шмелей нарушало тишину.

Вдруг Андерс спохватился.

— А каким же чудом мы попадем в подземелье? Ведь драгоценности спрятаны там! Да, кстати, Калле, как ты сам-то пробрался туда, когда нашел жемчужину?

Вот тут Калле мог блеснуть!

— Очень просто: как обычно входят через запертые двери, — ответил он снисходительно и достал отмычку.

Андерс был потрясен настолько, что даже не сумел этого скрыть.

— Здорово! — сказал он.

И Калле воспринял это как высшее одобрение. Дверь повернулась на петлях. Вход свободен!словно свора охотничьих собак, Калле, Андерс и Ева-Лотта ринулись вниз по

лестнице.

— Два часа спустя Андерс отложил лопату и огляделся вокруг.

— Славно поработали — что твое картофельное поле! Вот только алмазов что-то не видно... Удивительно!

— А ты думал, мы их так сразу и найдем? — отозвался слегка обескураженный Калле.

Они перекопали каждый сантиметр пола в большом подвальном помещении, куда вела лестница. Дальше начинались длинные и темные полуразрушенные переходы в подземные гробницы и темницы. Ходы эти выглядели далеко не заманчиво, однако вполне можно было допустить, что дядя Эйнар осторожности ради закопал свое сокровище где-нибудь подальше. А тогда их и за год не отыщешь! Если только он вообще спрятал драгоценности в развалинах... Калле уже начал колебаться.

— А где ты нашел жемчужину? — спросила Ева-Лотта.

— Вон, около лестницы. Но ведь мы же там все перекопали.

Ева-Лотта в раздумье опустила на нижнюю ступеньку. Каменная плита, служившая нижней ступенькой, была, очевидно, неплотно врыта в землю, так как она слегка покачнулась. Ева-Лотта вскочила.

— Неужели... — начала она и крепко ухватилась за плиту. — Эй вы, она качается!

Две пары рук пришли ей на помощь. Плиту отодвинули, и множество мокриц разбежались в разные стороны.

— Копай здесь! — крикнул Калле Андерсу.

Андерс схватил лопату и с силой всадил ее в землю. Лопата ударила обо что-то твердое.

— Должно быть, камень какой-нибудь, — сказал Андерс и сунул слегка дрожащие пальцы в землю, чтобы проверить.

Но это был не камень. Это было... Андерс ощупал предмет в земле... это была железная коробка! Он вытащил ее — точно такая, как коробка с документами Белой розы. Первым нарушил молчание Калле.

— Ну и ну! — возмутился он. — Этот ворюга стащил нашу коробку!

Андерс покачал головой.

— Нет, это не наша. Нашу я собственными руками запер только что.

— Но она точно такая же, — заметила Ева-Лотта.

— Вот увидите, он ее купил в скобяной лавке вместе с карманным фонариком, — объявил Калле. — Там как раз такие коробки продаются.

— Ну да, мы нашу тоже там купили, — вспомнила Ева-Лотта.

— Да открывайте же, я больше не могу! — воскликнул Калле.

Андерс попробовал. Коробка была заперта.

— Интересно, ключи у них одинаковые?

Он выхватил ключ, висевший на шнурке у него на шее.

— О! — только и вымолвила Ева-Лотта. — О!

Калле задыхался, словно после долгого бега. Андерс всунул и повернул ключ: он подошел.

— О! — повторила Ева-Лотта. И, когда Андерс поднял крышку, воскликнула: Нет, вы только посмотрите! Точьв-точь как в «Тысяче и одной ночи»!

— Так вот, значит, они какие, изумруды и платина! — благоговеино произнес Калле.

Все было, как писали в газете: броши, кольца, браслет и разорванное кольцо из таких точно жемчужин, как та, что нашел Калле.

— Сто тысяч крон, — прошептал Андерс. — Ух, даже жуть берет.

Ева-Лотта перебирала драгоценности. Она выбрала браслет, прицепила бриллиантовую брошь на свое голубое ситцевое платье, надела на каждый палец по кольцу, потом стала перед маленьким оконцем, сквозь которое в подземелье пробивался солнечный свет. Она вся искрилась и переливалась.

— Ой, до чего красиво! Похожа я на королеву? Вот бы мне хоть

одно-разъединственное колечко!

— Ох, уж эти женщины! — сказал Андерс.

— Ладно, хватит, — вмешался Калите. — Надо уходить отсюда. Вдруг дядя Эйнар вздумает прийти за коробкой! Представьте себе, что он сейчас войдет. Все равно что с бенгальским тигром встретиться!

— Я бы предпочел тигра, — сказал Андерс. — Но дядя Эйнар боится выходить из дому, ты же знаешь, Крук и Редиг подстерегают его.

— Все равно, мы должны сейчас же бежать в полицию.

— В полицию? — В голосе Андерса звучало величайшее разочарование. Вмешивать в это дело полицию сейчас, когда у нас все так здорово началось?

— Это вам не война роз, — сказал Калле трезво. — Медлить нельзя. Их ведь надо арестовать, ты что, не понимаешь? Андерс почесал в затылке.

— А если мы сами заманим их в ловушку, а потом скажем полиции: мол, пожалуйста, вот вам трое первоклассных бандитов, мы их изловили для вас!

Калле покачал головой. Эх, сколько раз знаменитый сыщик Блюмквист обезвреживал закоренелых преступников целыми дюжинами!

Но знаменитый сыщик Блюмквист — это одно, а Калле — другое. К тому же Калле был иногда рассудительным и разумным молодым человеком.

— Как хочешь.

И Андерс скрепя сердце склонился перед авторитетом Калле в области криминалистики.

— Если так, — заключила Ева-Лотта, — пойдем к Бьорку. Только он должен нам помогать. Может, его заодно и в чине повысят.

Андерс посмотрел на следы раскопок.

— А с этим что будем делать? Картошку сажать или все опять заровняем?

Калле считал, что лучше всего уничтожить следы их пребывания в подземелье.

— Только быстро, — добавил он. — У меня душа не на месте, пока я держу эту коробку со ста тысячами крон. Надо отсюда скорей выбраться.

— А с коробкой как быть? — спросила Ева-Лотта. — Не можем же мы так запросто идти с ней по улицам. И где мы ее спрячем?

После небольшого совещания было решено, что Андерс отнесет драгоценную коробку в штаб на чердак, а Калле и Ева-Лотта тем временем пойдут разыскивать Бьорка.

Андерс снял рубашку и завернул в нее коробку. С лопатой в одной руке и завернутой в рубашку коробкой в другой он приготовился в обратный путь.

— Если кто встретится, обязательно подумает, что я ходил копать червей, сказал он с надеждой.

Калле захлопнул дверь.

— Жаль только одного, — вздохнул он.

— Чего? — спросила Ева-Лотта.

— Что нельзя посмотреть на лицо дяди Эйнара, когда он придет за коробкой!

— Да, я бы за это дорого дала, — согласилась Ева-Лотта.

В полицейском участке царили спокойствие и тишина. Дежурный сидел и решал кроссворд, словно никаких преступлений вообще в природе не существует.

— Можно видеть полицейского Бьорка? — Калле вежливо поклонился.

— Он в командировке, вернется завтра. Ты не можешь назвать мифологическое чудовище из шести букв?

Полицейский кусал карандаш и просительно смотрел на Калле.

— Нет. Я пришел сюда совсем по другому делу, — сказал Калле.

— Так Бьорк будет завтра утром. Послушай, а женщину-воина из восьми букв?

— Ева-Лотта, — ответил Калле. — Спасибо, до свидания. Мы завтра опять придем!

Калле потащил за собой Еву-Лотту.

— Не станешь же ты разговаривать о серьезных вещах с чудачком, для которого всего

важнее на свете мифологические чудовища!

Ева-Лотта была того же мнения. Оба решили, что ничего страшного не произойдет, если они заявят в полицию завтра. Ведь дядя Эйнар лежит в целостности и сохранности в своей постели.

— А вон Крук стоит около часовой мастерской, — прошептал Калле Еве-Лотте. Ты когда-нибудь в жизни видала такую рожу?

— Здорово, что жулики друг друга секут. Совсем как в поговорке: «Когда невинность спит, ангелы стоят на страже»!

Калле согнул руку в локте и потрогал мускулы.

— Зато завтра, Ева-Лотта, завтра нам предстоит бой не на жизнь, а на смерть!

12

День обещал быть на редкость жарким. Левкои в саду булочника поникли уже с утра, воздух застыл, ни ветерка, и даже Туесе предпочел укрыться в тень, на веранду, где Фрида торопилась накрыть на стол к завтраку.

Прибежала Ева-Лотта в ночной рубашке, с отпечатком подушки на щеке.

— Ты не знаешь, дядя Эйнар проснулся?

Фрида ответила с загадочным видом:

— Ты спроси лучше, спал ли он! В том-то и дело, что господин Линдеберг даже не ложился этой ночью. Ева-Лотта вытаращила глаза.

— Что ты говоришь? Откуда ты знаешь?

— Знаю, я только что там была с горячей водой для бритвы. Комната пуста, а кровать, как постелила я ее вчера, когда он вышел, так и осталась. Ему ведь вечером лучше стало.

— Как, он вчера вечером выходил? Уже после того, как я легла? — Ева-Лотта взволнованно схватила Фриду за руку.

— Ну конечно! Должно быть, из-за того письма... Ой бабушки, я же и соль и сахар забыла!

— Какое письмо? Ой, Фрида, подожди! О каком письме ты говоришь? Ева-Лотта дернула Фриду за руку.

— Просто ужасно, до чего ты любопытна, Ева-Лотта! Понятия не имею, что это за письмо, я чужих писем не читаю. Когда я принесла молоко вчера вечером, у калитки стояли двое. Они меня попросили передать письмо господину Линдебергу. Я, конечно, передала. А он, как прочел, тут же и выздоровел!

Минуту спустя Ева-Лотта была одета, а еще через минуту примчалась к Калле. Андерс был уже там.

— Что делать? Дядя Эйнар исчез! А мы его еще не арестовали!

Сообщение Евы-Лотты поразило друзей, как гром среди ясного неба.

— Ну вот, я так и думал, — пробурчал наконец Андерс. — Совсем как весной, помните, когда щука клюнула, а потом в последний момент сорвалась.

— Спокойно! Не горячиться! — призвал Калле... нет, не Калле, а знаменитый сыщик Блюмквист, который вынырнул вдруг и вмешался в разговор. — Сейчас надо действовать планомерно. Прежде всего произведем домашний обыск у Линдеберга, то есть у дяди Эйнара.

На всякий случай Калле пошел проверить, не стоят ли Крук или Редиг на своем посту на тротуаре. Но дозор, очевидно, был снят.

— Постель нетронута, чемодан на месте, — отметил Калле, когда они прокрались в комнату дяди Эйнара. — Все выглядит так, словно он думает вернуться. Но, разумеется, это может быть и уловкой.

Андерс и Ева-Лотта сидели на кровати и мрачно глядели перед собой.

— Нет, наверное, он не вернется больше, — сказала Ева-Лотта. — Хорошо, хоть мы драгоценности спасли.

Калле шнырял по комнате, заглядывая во все углы и закоулки. Корзинка для бумаг! Ну конечно же! Азбука сыскного дела! В корзине лежали коробки из-под сигарет, несколько обгорелых спичек и старая газета. И еще целая куча мелких-мелких клочков бумаги. Калле свистнул.

— Сейчас головоломку будем решать, — сказал он.

Собрав все клочки, Калле разложил их на письменном столе. Андерс и Ева-Лотта, заинтересовавшись, подошли поближе.

— Ты думаешь, это письмо? — спросила Ева-Лотта.

— А вот мы сейчас посмотрим.

Калле перекладывал клочки — получались слова. Ну конечно, письмо! Вскоре головоломка была решена. Все трое нетерпеливо склонились над ней и прочли:

Эйнар, дружище! Мы с Кривоносом все обдумали. Давай поделимся! Ты, конечно, вел себя как свинья, и будь у нас побольше времени, мы бы выжали из тебя все целиком. Но мы решили — давай делиться. Так лучше для нас всех, а особенно для тебя. Надеюсь, ты понимаешь. Но помни, никаких штучек! Вздумаешь нас опять водить за нос — живому тебе не быть, так и знай. В этот раз играем без дураков. Ждем тебя у калитки. Живо давай сюда со всеми побрякушками, и мы тут же уберемся подальше. Артур.

— Так, жулили опять спелись, — Калле нахмурился. — Но побрякушки им придется поискать.

— Интересно, где их сейчас носит? — сказал Андерс. — А что, если они удрали из города? И, уж наверное, злы как собаки!

— Вот небось головы ломают, куда исчезли драгоценности! — Ева-Лотта оживилась при мысли об этом.

— А что, если пробраться к развалинам и посмотреть? Вдруг они еще там ищут. Тогда сразу напустим на них полицию, — горячо заговорил Андерс. — Хотя как же они попадут в подземелье, если у дяди Эйнара нет отмычки?

— Да у таких типов, как Крук и Редиг, небось в каждом кармане по отмычке, уж будь спокоен, — сказал Калле.

Он собрал все клочки в коробку из-под сигарет и сунул ее в карман.

— Это улики, понимаете? — объяснил он друзьям. Солнце палило немилосердно, и ребята быстро запыхались. Идти к развалинам обычным путем, по тропинке, они не решились — боялись встретить жуликов.

— Нехорошо, если они нас увидят, — предупреждал Калле. — Еще заподозрят нас, а тогда держись! Сдается мне, что этот Редиг не из тех, кто любит, когда суют нос в его дела.

— Держи карман шире, так они нас и дожидаются, — возразил Андерс. — Небось перепугались насмерть, когда увидели, что драгоценностей нет. Если, конечно, дядя Эйнар не повел их в другое место, чтобы обмануть.

Нелегко достался друзьям подъем на пригорок, но иного пути не оставалось. Надо было карабкаться и ползти, цепляясь за кусты и камни. А тут еще эта жара! У Евы-Лотты вдруг засосало под ложечкой. Она не успела поест перед уходом, только сунула себе в карман несколько булок.

Вот наконец развалины! Правильно они сделали, что не пошли по тропинке, зато выбрались на площадку позади замка. Тихонько прокравшись вперед, ребята осторожно выглянули из-за угла, нет ли где опасности.

Все было спокойно. Шмели жужжали как обычно, шиповник благоухал как обычно, дверь в подземелье была заперта как обычно.

— Так я и думал, — их и след простыл! Теперь всю жизнь буду мучиться, что мы не арестовали их вчера вечером, — огорчился Андерс.

— Надо спуститься в подземелье — посмотреть, не осталось ли после них следов, — распорядился Калле и достал отмычку.

— Ты управляешься с отмычкой, точно заправский вор, — произнес Андерс восхищенно, когда дверь открылась.

Все трое разом ринулись вниз по лестнице. И в ту же секунду подземелье огласилось пронзительным криком. Это кричала Ева-Лотта.

На полу в погребе кто-то лежал. Это был дядя Эйнар, крепко связанный по рукам и ногам и с кляпом во рту.

В первый миг ребята хотели броситься наутек: ведь дядя Эйнар теперь был их врагом. Но сейчас этот враг ничего не мог им сделать. Он умоляюще смотрел на них воспаленными глазами. Калле подошел и вынул у него изо рта кляп.

Дядя Эйнар застонал.

— Негодяи! Что они со мной сделали! О господи, руки! Помогите мне снять веревку!

Ева-Лотта бросилась к нему, но Калле ее остановил.

— Минуточку, — он выглядел чрезвычайно смущенно. — Простите, дядя Эйнар, но сначала все-таки мы должны пойти за полицией.

То, что Калле решился взрослому человеку сказать такую вещь, для него самого было совершенно непостижимо.

Дядя Эйнар замысловато выругался. Потом опять немного постонал.

— Вон как! Значит, мне надо вас благодарить за это развлечение! Как я раньше не понял! Знаменитый сыщик Блюмквист!

Ребятам стало не по себе от его стонов.

— Какого черта вы стоите тут и пялите глаза! — закричал он. — Идите тогда за полицией, щенки! Но попить-то вы могли бы мне принести?

Андерс побежал во всю прыть к старому колодцу во двор и набрал железным ковшом чистой, свежей воды.

Дядя Эйнар прильнул к ковшу так, словно не пил сто лет. Потом снова застонал.

— Ох, руки!

Калле не мог больше выдержать.

— Если вы обещаете твердо, что не попытаетесь удрать, мы, может, немного ослабим вам веревки на руках.

— Обещаю все, что хотите! — поспешил заверить дядя Эйнар.

— И вообще, даже бессмысленно пытаться, потому что если один из нас побежит за полицией, то ведь двое-то все равно останутся вас сторожить. И. ноги у вас связаны.

— Твоя наблюдательность достойна похвалы, — сказал дядя Эйнар.

С большим трудом Андерс развязал веревку. В первый момент руки дяди Эйнара, наверное, заболели еще сильнее, потому что он долго сидел, раскачиваясь взад и вперед, и скулил.

— Сколько времени вы так пролежали? — спросила Ева-Лотта дрожащим голосом.

— Со вчерашнего вечера, прелестная сеньора, — отвечал дядя Эйнар. — Причем благодаря вашему вмешательству.

— Да, печально, — сказал Калле. — Простите, пожалуйста, но теперь мы все-таки должны сходить за полицией.

— Может, сначала обсудим этот вопрос? — предложил дядя Эйнар. — Да, кстати, как вы, черт возьми, ухитрились все разноухать? Но, так или иначе, драгоценности теперь у вас, а ведь самое главное в том и заключалось, чтобы они нашлись. Не так ли, господин знаменитый сыщик? Так почему бы вам не отпустить бедного грешника ради старой дружбы?

Дети молчали.

— Ева-Лотта, — взмолился дядя Эйнар, — ты же не допустишь, чтобы твой родственник попал в тюрьму?

— Уж если натворил что-нибудь, приходится отвечать, — сурово произнесла Ева-Лотта.

— Мы не можем поступить иначе, — сказал Калле. — Андерс, ты сбегашь?

— Да.

— Проклятые щенки! — крикнул дядя Эйнар. — И чего я вам не свернул шею, пока

время было?

В два прыжка Андерс взбежал по лестнице. Оставалось только выскочить в дверь. Но в дверях кто-то стоял. Двое людей преградили ему дорогу. Один из них, с бледным лицом, держал в руках пистолет.

13

— Мы, кажется, угодили прямо на семейное торжество, — усмехнулся Бледный. Друг детей Эйнар в кругу своих родных. До чего мило, так и хочется сфотографировать и поместить в газете! Нет, Эйнар, не пойми меня превратно, я вовсе не имею в виду «Полицейские ведомости». Есть же и другие газеты!

Он помолчал, разглядывая пистолет, потом заговорил опять:

— Жаль, что мы помешали. Если бы мы чуть-чуть задержались, твои маленькие друзья успели бы тебя освободить и ты, наверное, живо отыскал бы стекляшки, не то что вчера.

— Артур, выслушай меня, — сказал дядя Эйнар. — Клянусь, что...

— Ты уже достаточно клялся! — оборвал его Бледный. — Когда тебе придет охота сказать, куда ты девал вещички, можешь открывать рот. А до тех пор не рыпайся! Будешь храниться в лежачем положении, как бутылка с минеральной водой. Надеюсь, твои маленькие друзья не будут возражать, если я тебя опять свяжу? И ты ведь не слишком голоден и не очень хочешь пить, старина? Потому что я, к сожалению, ничего не могу тебе дать пожевать, кроме этого носового платка. До тех пор, пока ты не образумишься!

— Артур! — завопил дядя Эйнар в совершенном отчаянии. — Ты должен выслушать, что я скажу. Знаешь, кто все заграбастал? Вот эти вот щенки! — Он указал на детей. — Они уже собирались привести фараона, когда вы нагрянули. Вот уж не думал, что буду рад видеть ваши рожи! Но сейчас вы пришли удивительно кстати.

Минуту все молчали. Бледное лицо с бегающими глазками повернулось к ребятам. Калле почувствовал, что надвигается страшная опасность. Это было нечто совсем иное, гораздо более ужасное, чем когда он стоял перед пистолетом дяди Эйнара.

Молчание прервал второй, тот, которого Калле называл Противным.

— А что, Артур, может быть, на этот раз он говорит правду?

— Возможно, — ответил Артур. — Это мы скоро узнаем.

— Ребят предоставьте мне, — сказал дядя Эйнар. — Я быстро выжму из них все, что нам нужно.

Андерс, Калле и Ева-Лотта слегка побледнели. Да, Калле не ошибся, это было посерьезнее войны роз...

— Послушай, Артур, — продолжал дядя Эйнар, — если до тебя наконец дошло, что я не собираюсь вас надувать, то ты, конечно, понимаешь, что мы теперь больше чем когда-либо должны держаться заодно. Разрежька, — он показал на веревку на ногах, — и давай кончать дело. Сдается мне, что нам давно пора отсюда убираться!

Артур без единого слова подошел к нему и разрезал веревку. Дядя Эйнар с трудом поднялся, потирая онемевшие мышцы.

— Это была самая длинная ночь в моей жизни! — вздохнул он.

Артур ехидно скривил рот, а Противный хрипло засмеялся.

Дядя Эйнар подошел к Калле и взял его за подбородок.

— Ну так как же, господин сыщик, ты же, кажется, собирался посылать за полицией?

Калле молчал. Игра была проиграна, он это понимал.

— Должен тебе сказать, Артур, что эти дети невероятно сообразительны. И я буду очень удивлен, если они не расскажут дяде Эйнару по-хорошему, где спрятали драгоценности.

— Здесь их нет, а где они, мы не скажем, — упрямо ответил Андерс.

— Послушайте меня, детки, — сказал дядя Эйнар. — Вот эти два добрых дяди вчера вечером неправильно меня поняли. Они вбили себе в голову, что я знаю, где лежат

драгоценности, но не хочу сказать, куда их спрятал. Поэтому они дали мне ночь на размышление. Как я уже сказал, это была самая длинная ночь в моей жизни. В этом погребе довольно-таки темно по ночам. В сущности, ни зги не видно. И к тому же холодно. И если руки и ноги связаны, то очень плохо спится. И есть хочется, и пить тоже, уверяю вас. Куда лучше и уютнее спать дома, у мамы, правда, Ева-Лотта?

Ева-Лотта смотрела на дядю Эйнара, и лицо у нее было совсем такое, как когда он мучил ее любимого Туесе.

— Господин знаменитый сыщик, — продолжал дядя Эйнар, — как ты смотришь на то, чтобы провести одну или, скажем, две ночи в этих развалинах? Или даже, может быть, все ночи, которые тебе остались?

Калле почувствовал, как по спине поползли отвратительные мурашки.

— Кончай размазывать! — вмешался Артур Редит. — Волынка слишком затянулась. Слушайте, отпрыски! Я детей люблю, даже очень. Но таких, которым приспичило бегать за фараонами, когда надо и когда не надо, я терпеть не могу. Мы вас здесь запрем, мы вынуждены это сделать. Выйдете вы отсюда живыми или нет, зависит от вас самих. Либо вы выложите драгоценности, и тогда вы проведете здесь только одну, от силы две ночи. Как только мы будем в безопасности, ваш милый дядя Эйнар напишет и сообщит, где вы находитесь.

Он помолчал.

— Ну, а если вы не хотите говорить, куда их дели, тогда... тогда мне даже страшно подумать, как будут плакать ваши дорогие мамочки.

Андерсу, Калле и Еве-Лотте тоже было страшно об этом подумать. Калле вопросительно посмотрел на Андерса и Еву-Лотту. Они кивнули. Положение безвыходное, придется сказать, где лежит железная коробка...

— Ну, знаменитый сыщик? — поторопят дядя Эйнар.

— А вы нас обязательно выпустите, если мы скажем? — спросил Калле.

— Разумеется, — ответил дядя Эйнар. — Ты не веришь дяде Эйнару, мой мальчик? Вы останетесь здесь только до тех пор, пока мы не переберемся в более подходящее место, чем этот город. К тому же я попрошу дядю Артура, чтобы вас не связывали, и тогда вам здесь будет совсем неплохо!

— Железная коробка стоит в белом комодe на чердаке булочной, — сообщил Калле, и видно было, что ему стоило огромных усилий произнести эти слова. Там, где был цирк «Калоттан».

— Чудесно! — сказал дядя Эйнар.

— Ты уверен, что знаешь, где это? — спросил Артур Редиг.

— Абсолютно! Вот видишь, Артур, как важно для нас держаться заодно. Никто из вас не может подняться на чердак булочной, не вызвав подозрений, а я могу.

— Ладно, — проговорил Артур. — Пошли!

Он посмотрел на троих ребят, молчаливо жавшихся друг к другу.

— Надеюсь, вы сказали правду! «Правда дороже золота» — есть такая хорошая поговорка, мои юные друзья. Если вы наврали, мы вернемся сюда, и тогда уж вам будет так плохо, так плохо...

— Мы не наврали, — пробурчал Калле, глядя исподлобья.

Дядя Эйнар подошел к нему. Калле сделал вид, будто не замечает его протянутой руки.

— Прощай, господин знаменитый сыщик. Мне кажется, тебе лучше бросить криминалистику. Кстати, нельзя ли получить обратно отмычку? Ведь это ты ее взял?

Калле вынул из кармана отмычку.

— Вам тоже кое-что не мешало бы бросить, — сказал он угрюмо.

Дядя Эйнар рассмеялся.

— Прощай, Андерс, спасибо за компанию. Прощай, Ева-Лотта. Ты милая девочка, я всегда так считал. Передай привет маме, если я не успею с ней попрощаться!

Он поднялся по лестнице со своими двумя приятелями. В дверях дядя Эйнар обернулся

и помахал:

— Обещаю, что обязательно напишу и сообщу, где вы находитесь. Если только не забуду!

Тяжелая дверь с шумом захлопнулась.

14

— Это я виноват, — заговорил Калле после паузы, которая, казалось, длилась целую вечность. — Только я один. Не надо было впутывать вас в это дело. А может, и себя тоже.

— «Виноват, виноват»! — передразнила Ева-Лотта. — Да откуда ты мог знать, что так получится?

Опять наступила ужасная тишина. Казалось, на всем свете нет ничего, кроме этого подземелья с наглухо запертыми дверями.

— Жалко, что Бьорка вчера не застали, — наконец сказал Андерс.

— Не говори! — отозвался Калле.

Потом опять все молчали. Все трое думали. И думали, в общем, об одном: все рухнуло. Драгоценности спасти не удалось, грабители вот-вот скроются за границу. Впрочем, сейчас это казалось пустяком по сравнению с тем, что сами они заперты и не могут выйти, не знают даже, выйдут ли вообще когда-нибудь на волю. От этой мысли становилось так страшно, что просто невмоготу...

А вдруг дядя Эйнар не напишет? И, кроме того, сколько идет письмо из-за границы? И сколько можно прожить без пищи и воды? А вдруг бандиты решат, что им лучше, чтобы дети навсегда остались в подземелье? Ведь за границей тоже есть полиция, и грабители, конечно, будут чувствовать себя гораздо спокойнее, зная, что дети никогда не смогут выдать их. «Я напишу, если не забуду», — сказал дядя Эйнар напоследок. Зловещие слова!

— У меня есть три булки, — сообщила Ева-Лотта и сунула руку в карман.

Это было все-таки небольшим утешением.

— Значит, мы до вечера с голоду не умрем, — заметил Андерс. — Еще полковша воды есть.

Три булки и полковша воды! А потом?

— Надо звать на помощь, — предложил Калле. — Может, какой-нибудь турист придет посмотреть развалины.

— Насколько я помню, прошлым летом здесь побывали два туриста, — сказал Андерс. — В городе об этом потом долго говорили. Почему бы сегодня не приехать еще одному?

Они стали перед маленьким оконцем, сквозь которое в подземелье падал луч света.

— ...Три, четыре! — скомандовал Андерс.

— Помогите! Помогите-и-те-е!

Последовавшая за этим тишина показалась им еще более глубокой, чем раньше.

— В Гринпсхольм и Альвастру — вот куда они едут. А до наших развалин никому и дела нет.

Нет, никакие туристы не слышали их крика, да и вообще никто не слышал.

Минуты проходили и складывались в часы.

— Если бы я хоть дома предупредила, что иду в развалины! Они пришли бы сюда нас искать...

Ева-Лотта закрыла лицо руками. Калле проглотил комок в горле и поднялся с пола. Он не мог больше сидеть сложа руки и смотреть на Еву-Лотту. Дверь! Нельзя ли выломать дверь? Достаточно было одного взгляда, чтобы понять всю бессмысленность этого предположения...

Калле наклонился: на земле возле лестницы что-то лежало. Карманный фонарик дяди Эйнара! Он его забыл! Вот это повезло! Теперь и ночь не так страшна, не придется до утра сидеть в полном мраке. Можно посветить, если что. Конечно, батарейка долго не протянет,

но можно хоть посмотреть, который час. А впрочем, не все ли теперь равно, три часа, четыре или пять... Скоро для них вообще ничего не будет иметь значения.

Калле чувствовал, как в нем растет глухое отчаяние. Он переходил с места на место, «угнетаемый мрачными мыслями», как обычно пишут в книгах. Все, что угодно, только не сидеть и ждать! Все, что угодно! Уж лучше обследовать темные лабиринты, ведущие в глубь подземелья.

— Андерс, ты ведь предлагал обследовать подземелье. Хотел начертить план, а потом устроить здесь наш новый штаб. Давайте сейчас исследуем!

— Я в самом деле говорил такую чушь? Меня, наверное, тогда солнечный удар хватил. Уж если я выберусь отсюда, то не за что в жизни даже носа не покажу в эти паршивые развалины! Так и запомни!

— Интересно все-таки, куда ведут все эти ходы? — упорствовал Калле. — А вдруг тут есть еще выход и никто о нем не знает?

— Как же! А вдруг вечером сюда понаедут археологи и откопают нас? Это почти так же вероятно.

Ева-Лотта вскочила:

— А если мы вот так вот будем сидеть, то совсем рехнемся! По-моему, лучше, как Калле сказал. Фонарик у нас есть, будем освещать дорогу.

— Пожалуйста, — согласился Андерс. — Только, может, нам поесть сначала? Все-таки три булки — это всего лишь три булки, на веки их все равно не растянешь, так что и беречь их незачем вовсе.

Ева-Лотта дала каждому по булке. Друзья молча съели их и запили хлеб водой из ковша.

Потом взялись за руки и начали свой поход. Калле шел впереди и светил фонариком.

Как раз в этот момент около городского полицейского участка остановился автомобиль. Двое полицейских вышли из него и торопливо прошли в участок, где их встретил Бьорк. Он явно был удивлен неожиданным визитом. Приезжие представились: комиссар Стенберг, полицейский Сантессон из стокгольмской уголовной полиции. Затем комиссар поспешно спросил:

— Вы не знаете здесь в городе частного сыщика, по фамилии Блюмквист?

— Частный сыщик Блюмквист? — Бьорк покачал головой. — Никогда не слышал!

— Странно, — удивился комиссар. — Он живет на Большой улице, четырнадцать. Вот, смотрите!

Стенберг вынул письмо и протянул его Бьорку. Будь при этом Калле, он сразу узнал бы этот листок.

Вверху стояло: «Стокгольм, в уголовную полицию».

Внизу подпись: «Карл Блюмквист, частный сыщик».

Бьорк расхохотался.

— Да ведь это мой дружок Калле Блюмквист. Частный сыщик, скажи пожалуйста! Да ему лет тринадцать, этому частному сыщику!

— Но чем же вы объясните, что он прислал нам отпечаток пальца, точно совпадающий с тем, который мы обнаружили в июне на Банергатан? Слыхали, наверное, — крупная кража драгоценностей? Чей это отпечаток? Сейчас нас это интересует больше всего. Это наша единственная нить. У нас нет никаких сомнений, что грабителей было несколько: одному не под силу сдвинуть с места тяжеленный сейф. Но только один из них оставил отпечатки пальцев. Остальные, очевидно, были в перчатках.

Бьорк задумался. Он припомнил осторожные расспросы Калле, когда они встретились на днях на площади: «Что надо делать, когда знаешь, что человек — преступник, а доказать не можешь?» Выходит, Калле Блюмквист какимто образом напал на след грабителей!

— По-моему, нам остается только пойти к Калле и спросить его самого.

— Да, и как можно скорее, — подхватил комиссар и скомандовал: — Большая улица, четырнадцать!

— Есть Большая улица четырнадцать! — сказал полицейский и сел за руль.

И машина умчалась.

Алые розы изнывали от скуки. Что это еще за новая мода у Белых — ни с того ни с сего заключать мир, когда война началась так многообещающе! Чем это они так заняты, что добровольно отказываются от такого удовольствия?

— По-моему, нам надо пойти пооскорблять их немного, — предложил Сикстен, может, они образуются.

Бенка и Йонте ничего не имели против. Но в штабе Белых роз было тихо и пусто.

— Где их нелегкая носит? — удивился Йонте.

— Подождем, — сказал Сикстен. — Когда-нибудь же они вернуться.

И Алые розы удобно расположились на чеодаке. Они обнаружили множество старых журналов, которыми Белые розы развлекались в плохую погоду. Нашлись также шахматы и роскошный стол для игры в пинг-понг. Словом, в развлечениях недостатка не было.

— А у них шикарный штаб, — заметил Бенка.

— Да-а, — отозвался Сикстен. — Эх, если бы и у меня в гараже поместился стол для пинг-понга!

Они играли в пинг-понг, съезжали по веревке и влезали обратно, рассматривали картинки в журналах, и их ничуть не беспокоило, что Белые розы блистают своим отсутствием.

Сикстен стоял у открытого люка, держась за веревку. В это время в саду показался человек. «Вон идет тот тип, родственник Евы-Лотты... как его там... дядя Эйнар. Жуть, до чего торопится», — подумал он. Дядя Эйнар посмотрел вверх, увидел Сикстена и вздрогнул.

— Ты ищешь Еву-Лотту? — спросил он через секунду.

— Да, — ответил Сикстен. — Вы не знаете, где она?

— Не знаю.

— Жалко, — сказал Сикстен и съехал вниз по веревке. Дядя Эйнар просиял.

Сикстен полез обратно.

— Ты опять вверх? — спросил дядя Эйнар.

— Ага, — подтвердил Сикстен и проворно полез дальше. Сразу было видно, что у него пятерка по физкультуре.

— А что ты там будешь делать? — спросил дядя Эйнар.

— Ждать Еву-Лотту.

Дядя Эйнар немного походил взад и вперед.

— Я теперь припоминаю: Ева-Лотта с ребятами собиралась куда-то на прогулку. Они раньше вечера не вернуться! — крикнул он Сикстену.

— Жалко, — сказал Сикстен и съехал вниз.

Дядя Эйнар просиял.

Сикстен полез обратно.

— Ты что, не слышал, что я сказал? — Дядя Эйнар начинал нервничать. Евы-Лотты не будет дома целый день!

— Жалко, — сказал Сикстен. — Очень жалко.

И полез дальше.

— Что же ты там будешь делать? — спросил дядя Эйнар.

— Смотреть картинки, — ответил Сикстен.

Теперь дядя Эйнар уже не сиял. Он нетерпеливо шагал взад и вперед.

— Эй, ты, наверху! — крикнул он через минуту. — Хочешь заработать крону?

Сикстен выглянул в люк.

— Еще бы! А как?

— Сбегай в магазин на площади, купи мне пачку сигарет!

— С удовольствием, — сказал Сикстен и съехал вниз.

Дядя Эйнар вручил ему пять крон, Сикстен припустился бежать и исчез. Дядя Эйнар

просиял больше прежнего.

Тут в люк высунул голову Бенка. Симпатия Бенка с белобрысыми курчавыми волосами и курносый носом. У кого хватило бы сердца ругаться при виде такого славного парня? А вот дядя Эйнар выругался, да еще как!

Вскоре вернулся Сикстен. В руке он держал большой кулек. Он отдал дяде Эйнару сигареты и крикнул Алым:

— Во, ребята, я купил булок у Евы-Лоттино папы на целую крону, а он никогда не жадничает. Еды у нас теперь хватит на весь день, и домой идти не надо.

Тут дядя Эйнар выругался еще более замысловато и большими шагами пошел прочь.

Алые розы продолжали рассматривать журналы, играть в пинг-понг и съезжать по веревке. Они уписывали булки, и их ничуть не беспокоило, что Белые розы блистают своим отсутствием.

— Вам не кажется, что у этого чудака не все дома? — спросил Сикстен, когда дядя Эйнар в четвертый раз появился около булочной. — И чего он носит, словно курица с яйцом? Неужели ничем полезным нельзя заняться?

Шли часы, Алые все играли в пинг-понг, листали журналы, съезжали по веревке, поглощали булки, и их ни капельки не беспокоило, что Белые розы все не появляются.

15

Темно, всюду темно! Лишь изредка через какую-нибудь щель вдруг пробьется тоненький луч света. Но карманный фонарик еще горит. Без него пришлось бы худо. Нелегко пробираться по подземным переходам. Дорогу то и дело загораживают большие камни; сыро, скользко и холодно. Неужели придется провести здесь ночь? Много ночей?

Ева-Лотта, Андерс и Калле держатся за руки. Свет фонаря падает на сырые, заплесневелые стены.

— Каково было беднякам, которые здесь раньше сидели! — заговорила Ева-Лотта. — И, наверное, по многу лет!

— Им хоть есть давали, — проворчал Андерс. От одной булочки долго сыт не будешь, и он очень проголодался. Небось дома сейчас как раз обедают...

— У нас сегодня фрикадельки на обед, — вздохнула Ева-Лотта.

Калле молчит. Он зол на себя за то, что вообще связался с этой работой сыщика. Сидели бы они теперь дома на чердаке, воевали бы с Алыми, кушали фрикадельки, катались бы на велосипеде, купались и мало ли что еще! А вместо этого они бредут здесь в темноте, и даже страшно подумать, что их ожидает...

— Уж лучше пойдем обратно, к старому месту, — предложила Ева-Лотта. Нового ничего не увидим, дальше будет все то же. Везде одинаково темно и противно.

— Давайте хоть дойдем до конца этого перехода, а потом повернем, возразил Андерс.

Ева-Лотта ошиблась: не везде их ожидало одно и то же. Этот переход кончился лестницей. А лестницы обычно соединяют между собой этажи!

Андерс, Калле и Ева-Лотта стоят и молча смотрят на узкую винтовую лесенку, ступени которой стерты множеством ног. Они не верят своим глазам. Калле взлетает вверх, светя себе фонариком. Но лестница кончается тупиком. Вход в подземелье заколочен, а значит, и выхода нет... Калле готов головой пробить эти доски так, чтобы щепки полетели.

— Мы должны, должны выйти! — кричит вне себя Андерс. — Я больше не могу!

Он поднимает большой камень. Калле помогает ему.

— ...три, четыре! — командует Андерс.

Удар! Дерево трещит. Еще разок!

— Вот увидишь, Калле, мы пробьемся! — Андерс чуть не плачет от возбуждения.

В последний раз, изо всех сил... Трах! — щепки летят во все стороны. Отбросить мусор с пути легко. Андерс высовывает голову в отверстие и радостно вопит. Лестница ведет на первый этаж развалин!

— Калле, Ева-Лотта, за мной! — зовет он.

И вот уже все трое стоят и, как на чудо, смотрят на свет, на солнце...

Ева-Лотта бросается к окну. Там, внизу, раскинулся городок. Видно речку, водонапорную башню, церковь. А вон, вдаль, красная крыша булочной. Тут Ева-Лотта припадает к стене и разражается громким плачем.

«Чудные они, эти девчонки, — думают Калле и Андерс. — В подземелье так она не редела, а теперь, когда уже все позади, — брызжет, что твой фонтан».

К этому времени Алые розы уже просмотрели все журналы и досыта наигрались в пинг-понг. К тому же в Прериях скоро должен был начаться футбольный матч.

— Да ну их, надоело ждать! — говорит Сикстен. — Они, наверное, в Америку эмигрировали. Пошли!

Все трое съезжают по веревке и переправляются через речку по мостику Евы-Лотты. Дяде Эйнару наконец представляется возможность, которой он так долго ждал.

В двухстах метрах от булочной стоит на улице черный блестящий автомобиль марки «вольво». В нем сидят двое мужчин, нетерпеливые и раздраженные. Они долго сидели на жаре. Часы ползли, и через равные промежутки времени появлялся их старый друг Эйнар и рапортовал:

— Щенки все еще там! Что же я, по-вашему, должен делать? Не могу же я свернуть им шеи, как бы мне этого ни хотелось!

Но вот наконец появляется дядя Эйнар. Он почти бежит и что-то несет под пиджаком.

— Все в порядке, — шепчет он и прыгает в машину. Кривоносый дает полный газ, и «вольво» мчится к северной окраине города.

Трое в машине думают лишь о том, чтобы как можно скорее покинуть городок. Они смотрят только вперед, видят только дорогу, которая должна привести их к богатству и вольной жизни. Если бы они хоть раз глянули в сторону, то заметили бы, может быть, троих ребят: Андерс, Калле и Ева-Лотта, вынырнув из-за угла с ужасом и растерянностью глядели вслед быстро удаляющимся врагам.

16

— Скверный мальчишка, где ты пропадал? — сказал бакалейщик Блюмквист. — И что ты такое натворил? Опять окно разбил?

Тысячу раз выходил бакалейщик на крыльцо, высматривая свое чадо. Наконец он увидел его на перекрестке вместе с Андерсом и Евой-Лоттой, выскочил на улицу и крепко взял Калле за руку.

— Папочка,пусти! — крикнул Калле. — Мне сейчас же нужно в полицию.

— Знаю. Полиция у нас в саду и дожидается тебя. Это тебе даром не пройдет!

Почему полиция его дожидалась, Калле понять не мог. Но достаточно уже было и того, что она его дожидалась. Калле побежал в сад, как никогда еще в жизни не бегал. Андерс и Ева-Лотта мчались за ним.

На зеленой перекладине качелей сидел Бьорк, дай бог ему здоровья, а с ним — два других полицейских.

— Арестуйте их, арестуйте! — дико закричал Калле. — Скорее, скорее!

Бьорк и двое других вскочили.

— Где? Кого?

— Воров! — Калле был так взволнован, что едва мог говорить. — Они только что уехали на машине. Ой, скорее же!

Ему не пришлось повторять два раза. На глазах у ошеломленного бакалейщика Калле и его друзей усадили в полицейскую машину и увезли под охраной троих полисменов. Он схватился за голову. Сын попал под арест, и в такие молодые годы, какой кошмар! Одно лишь утешало Блюмквиста-старшего: булочникова девчонка, видно, ничуть не лучше, да и сапожников парень такой же!

Полицейская машина мчалась на север с такой быстротой, что благонравные горожане только осуждающе качали головами. Калле, Андерс и Ева-Лотта сидели на заднем сиденье вместе с комиссаром Стенбергом. На поворотах их швыряло то в одну сторону, то в другую. Ева-Лотта удивлялась про себя: сколько можно перенести в один и тот же день и не упасть в обморок! Калле и Андерс трещали наперебой, пока комиссар не сказал, что предпочитает слушать их по очереди. Калле неистово жестикулировал и орал не своим голосом:

— Один — бледный, другой — противный, а третий — дядя Эйнар, но Бледный даже еще противнее, чем Противный, и дядя Эйнар тоже противный.

Комиссар слегка растерялся.

— Бледный себя называет Ивар Редиг, но его, кажется, зовут Артур, а того противного они зовут Кривоносый, но его, наверное, зовут Крук, а дядю Эйнара зовут Линдебергом и Бране, и он спит с пистолетом под подушкой, и закопал драгоценности под лестницей в развалинах, а когда я снимал отпечаток пальца, то цветок упал, как назло, представляете, и он на меня тогда с пистолетом, а потом я сидел на дереве и слышал, как Кривоносый и Редиг грозили ему смертью, и потом они его связали в подземелье в развалинах, потому что он сдуру туда с ними пошел, а драгоценностей уже там не было, потому что мы их спрятали на чердаке, вот, а теперь они их, наверное, забрали, так жалко, потому что они заперли нас в подземелье, и до чего же там много всяких переходов, но мы выбрались оттуда, вот, теперь вы все знаете, дядя комиссар, только езжайте скорей, скорей!

Судя по выражению лица дяди комиссара, нельзя было сказать, что теперь он все знает, но он считал, что выяснением подробностей можно будет заняться потом.

Полицейский взглянул на спидометр. Сто километров в час. Еще увеличить скорость он не решался, хотя Калле считал, что они едут слишком медленно.

— Здесь развилка, куда свернем — налево или направо?

Полицейский так резко затормозил, что машину занесло в сторону.

Андерс, Калле и Ева-Лотта кусали пальцы от нетерпения.

— Досадно! — заметил комиссар. — Бьорк, вы здесь дороги знаете: по какой они могли поехать?

— Трудно сказать. Но, по какой бы ни поехали, они все равно выберутся на большое шоссе, которое ведет к границе.

— Минуточку, — сказал Калле, вылезая из машины.

Он вынул из кармана записную книжку и прошел на левую дорогу, внимательно рассматривая землю.

— Они поехали по этой! — закричал Калле возбужденно.

Бьорк и комиссар тоже вышли.

— Откуда ты знаешь? — спросил комиссар.

— Знаю. У них новая крышка на правом заднем, я срисовал узор. Посмотрите! — Он показал ясный отпечаток на дороге. — Точно такой же!

— А ты парень смысленый! — сказал комиссар, когда они бежали к машине.

— Азбука сыскного дела, — важно отозвался знаменитый сыщик Блюмквист. Но тут же вспомнил, что еще совсем недавно хотел быть обыкновенным Калле, и скромно добавил: — Просто мне как-то в голову пришло...

Они мчались дальше с головокружительной скоростью. Все молчали, пристально глядя вперед. Поворот... Машина заскользила.

— Смотрите! — крикнул Бьорк.

В ста метрах впереди виднелся автомобиль.

— Это они, — заверил Калле. — Черный «вольво»!

Полицейский Сантессон делал все, что мог, стараясь выжать еще большую скорость. Но расстояние между ними и черным «вольво» не сокращалось. Кто-то смотрел в заднее стекло. Грабители, очевидно, поняли, что их преследуют.

«Еще немножко, и я упаду в обморок, — подумала Ева-Лотта. — До сих пор еще ни разу не падала».

Сто десять километров в час. Теперь полицейская машина медленно, но верно нагоняла беглецов.

— Ложитесь, ребята! — вдруг скомандовал комиссар. — Они стреляют!

Он толкнул всех троих на пол. И как раз вовремя: пуля пробила ветровое стекло.

— Бьорк, вам там удобнее, возьмите мой пистолет и ответьте им!

Комиссар передал пистолет Бьорку, сидевшему впереди.

— Стреляют! Фу черт, как стреляют! — шептал Калле, сидя на полу.

Бьорк высунул руку в боковое окно. Он был не только гимнаст, но и отличный стрелок. Вот он тщательно прицелился в правую заднюю шину «вольво». До нее было всего двадцать пять метров. Раздался выстрел, и черный «вольво», забуксовав, съехал в канаву. Полицейская машина поравнялась с ним.

— Быстро выходите, пока они не вылезли! — крикнул Стенберг. — Ребята остаются здесь!

В одно мгновение полицейские окружили разбитый «вольво». Ничто на свете не могло заставить Калле лежать на полу. Он должен был встать и посмотреть.

— Тот, который вел машину, и дядя Бьорк держат пистолеты наготове, докладывал он Андерсу и Еве-Лотте. — Толстый комиссар дергает дверь. У-юй, как они схватились! Это Редиг, у него тоже пистолет. Трах! Дядя Бьорк ему ка-ак даст, он даже пистолет уронил. А вон дядя Эйнар, у него пистолета нету, он просто дерется, а теперь.., а теперь они надевают наручники на этого типа и на Редига тоже! А где Противный? Вон они его вытаскивают. Он, кажется, без сознания. Ну до чего же здорово! А сейчас, представляете...

— Да замолчи ты, мы и сами не слепые! — раздался вдруг голос Андерса.

Битва была окончена. Дядя Эйнар и Бледный стояли перед комиссаром. Противный лежал рядом, на земле.

— Кого я вижу! — воскликнул комиссар. — Да это же Артур Берг! Вот уж действительно приятная неожиданность!

— Кому приятная, а кому нет, — протянул Бледный, злобно глядя на него.

— Что правда, то правда. Видал, Сантессон? Мы же изловили самого Артура Берга!

«Бот это память — все фамилии помнит!» — с восхищением подумал Калле.

— Калле, — позвал комиссар, — пойдика сюда! Тебе, наверное, приятно будет узнать, что с твоей помощью нам удалось поймать одного из самых опасных преступников в стране.

Даже Артур Берг чуть поднял брови, когда увидел Калле, Андерса и Еву-Лотту.

— Надо было мне сделать, как я сначала говорил, — застрелить этих сосунков, — сказал он спокойно. — Никогда не стоит делать добро людям, только неприятности наживешь.

Противный открыл глаза.

— А вот еще один старый знакомый и постоянный клиент полиции! Послушайте, Крук, вы же как будто собирались стать честным человеком, — так, кажется, вы говорили, когда мы виделись последний раз.

— Да, но я хотел сначала обзавестись небольшим капиталом. Чтобы быть честным, нужны деньги, господин комиссар.

— А вы? — Комиссар повернулся к дяде Эйнару. — Вы впервые подвизаетесь на этом поприще?

Дядя Эйнар опустил глаза.

— Да, — сказал он. Потом со злобой взглянул на Калле. — По крайней мере раньше я не попадался. Я бы и сейчас вывернулся, если бы не этот знаменитый сыщик Блюмквист!

И он изобразил что-то, что должно было означать улыбку.

— А теперь посмотрим, где драгоценности. Сантессон, загляни в машину! Они там, наверное.

Да, железная коробка была там.

— У кого ключ? — спросил комиссар.

Дядя Эйнар неохотно отдал его. Все затаили дыхание.

— Ну-с, посмотрим, — сказал комиссар и повернул ключ. Коробка открылась.

Сверху лежал листок бумаги. Крупная надпись гласила: «Тайные бумаги Белой розы». Комиссар разинул рот от удивления. То же самое сделали и остальные, включая дядю Эйнара и двоих его приятелей. Артур Берг с ненавистью взглянул на дядю Эйнара. Комиссар порылся в коробке, но, кроме бумаг, камешков и разной другой дребедени, ничего не обнаружил.

Первой прыснула Ева-Лотта. Ее громкий и озорной смех послужил сигналом для Калле и Андерса. Они тоже расхохотались. Друзья стонали от смеха и держались за животы.

— Ради всего святого, что это с ребятами? — воскликнул растерянно комиссар. Потом повернулся к Артуру Бергу: — Так, вы уже успели припрятать краденое. Ничего, мы из вас все вытрясем.

— Н-не н-надо ничего вытряхивать, — выдавил из себя Андерс, икая от смеха. — Я знаю, где оно. Оно в нижнем ящике комода на чердаке.

— Но где они это взяли? — Комиссар показал на железную коробку.

— В верхнем ящике!

Ева-Лотта вдруг перестала смеяться и повалилась на край канавы.

— Смотрите, девчушка-то как будто в обмороке, — сказал Бьорк и поднял Еву-Лотту. — Ничего удивительного.

Ева-Лотта с трудом открыла голубые глаза.

— Конечно, ничего удивительного — я же за весь день съела только одну булку.

Знаменитый сыщик Блюмквист лежал, развалившись, под грушевым деревом. Да-да, сейчас он был знаменитый сыщик, а не просто Калле. Об этом говорилось даже в газете, которую он держал в руке. Заголовок гласил: «Знаменитый сыщик Блюмквист», а затем следовала фотография. Казалось бы, она должна изображать зрелого мужа с глубокими морщинами и пронизывающим взглядом. Но нет, лицо, глядящее с газетной полосы, удивительно напоминало Калле, и с этим ничего нельзя было поделать.

Фотографии Евы-Лотты и Андерса красовались тут же, правда, немного пониже.

«Заметили ли вы, молодой человек, — спросил господин Блюмквист своего воображаемого собеседника, — что вся первая полоса сегодняшней газеты целиком посвящена этому случаю с украденными драгоценностями — пустячному делу, которое я в два счета раскрыл, когда выдалась свободная минута?»

О да, конечно, воображаемый собеседник это заметил и не находил слов, чтобы выразить свое восхищение.

«Господин Блюмквист, должно быть, получил солидное вознаграждение?» предположил он.

«Вообще-то я действительно получил кучу монет... гмм... то есть я хочу сказать — приличную сумму денег, но я поделился с фрекен Лисандер и господином Бенгтссоном, которые оказали мне немалую помощь в обнаружении преступников. Короче говоря, мы поделили десять тысяч крон, которые предоставил в наше распоряжение банкир Остберг».

Воображаемый собеседник, пораженный, всплеснул руками.

«Что ж, — продолжал господин Блюмквист и небрежно сорвал травинку, разумеется, десять тысяч крон тоже деньги. Но должен сказать, молодой человек, что я работаю не ради презренного золота. У меня одна цель — борьба с преступностью в нашем обществе. Эркюль Пуаро, лорд Питер Вимсей и ваш покорный слуга — да, есть еще на свете люди, которые не допустят, чтобы процветала преступность».

Воображаемый собеседник очень справедливо заметил, что общество находится в большом долгу перед господами Пуаро, Вимсеем и Блюмквистом за их самоотверженное служение добру.

«Прежде чем мы расстанемся, молодой человек, — заметил знаменитый сыщик, и вынул трубку изо рта, — я хочу сказать вам одну вещь. Преступление не оправдывает себя, правда дороже золота, — так сказал мне однажды сам Артур Берг. И я надеюсь, он осознает это там, где сейчас сидит. Во всяком случае, у него теперь много лет впереди для того, чтобы

поразмыслить над этим. Подумать только — дядя Эйнар, то есть... гм-м... Эйнар Линдеберг, такой молодой человек — и уже на преступном пути! Пусть наказание послужит ему на пользу! Потому что, как я уже сказал, преступление не оправдывает себя».

— Калле!

Ева-Лотта просунула голову в щель в заборе.

— Калле, ну чего ты тут валяешься, небо разглядываешь? Приходи ко мне, слышишь? Мы с Андерсом собираемся в город.

«Прощайте, молодой человек, — произнес знаменитый сыщик Блюмквист. — Меня зовет фрекен Лисандер, и замечу, между прочим, что с этой молодой дамой я думаю вступить в брак».

Воображаемый собеседник считал, что фрекен Лисандер можно поздравить с таким выбором супруга.

«Ну, откровенно говоря, фрекен Лисандер еще об этом не знает», — честно признался знаменитый сыщик и запрыгал на одной ножке к забору, где его ждали вышеупомянутая фрекен, а также господин Бенгтссон.

Был субботний вечер. Все дышало глубочайшим покоем, когда Калле, Андерс и Ева-Лотта медленно шли вдоль Большой улицы. Каштаны уже давно отцвели, но в садиках еще всюду благоухали розы, левкой и львиный зев. Ребята направлялись к дубильне. Хромой Фредрик был уже навеселе и стоял там, дожидаясь полицейского Бьорка. Калле, Андерс и Ева-Лотта задержались немного, чтобы послушать рассказы Фредрика о своих похождениях. Затем они отправились дальше, к Прериям.

— Смотрите-ка, вон Сикстен, Бенка и Йонте, — сказал Андерс, и глаза его заблестели.

Калле и Ева-Лотта стали плечом к плечу со своим вождем. Все трое зашагали прямо навстречу Алым.

И вот они встретились. Согласно мирному договору, Белый вождь должен был трижды поклониться Алому и сказать: «Я знаю, что недостойн ступать по той же земле что и ты, о господин!» Алый вождь требовательно взглянул на Белого. Тогда Белый вождь открыл рот и произнес:

— Сопляк!

Алый вождь был явно доволен. Но он возмущенно отступил назад.

— Это означает войну, — сказал он.

— Да, — ответил Белый вождь и драматически ударил себя в грудь. Начинается война Белой и Алой розы, и смерть поглотит тысячи тысяч душ и унесет их в свое черное царство!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

— Послушай, ты ненормальный, ты определенно ненормальный! — сказал Андерс. — Опять валяешься тут и мечтаешь?

«Ненормальный» поспешно вскочил и обиженно уставился на друзей, стоящих у забора.

— Миленький, хорошенький Калле, — подхватила Ева-Лотта, — у тебя ведь пролежни появятся, если ты каждый божий день будешь валяться, вытарашив глаза, под этим деревом.

— И вовсе я не каждый день валяюсь, вытарашив глаза! — сердито возразил Калле.

— Не преувеличивай, пожалуйста, Ева-Лотта, — вступился Андерс. — Ты разве не помнишь то воскресенье в начале июня? Тогда ведь Калле за весь день ни разу не прилег под грушей. И за весь день ни разу не был сыщиком! Воры и убийцы бесчинствовали всюду.

— Как же, припоминаю! — воскликнула Ева-Лотта. — Убийцы действительно блаженствовали в то воскресенье.

— Катитесь вы отсюда! — буркнул Калле.

— Именно это мы и собирались сделать, — согласился Андерс. — Только мы хотели и тебя прихватить. Если, понятно, ты допускаешь, что убийца можно оставить на часок без присмотра.

— Что ты! Конечно, нельзя! — весело подзадоривала бессердечная Ева-Лотта. — За ними нужен глаз да глаз, как за маленькими детьми.

Калле вздохнул. Безнадёжно, совершенно безнадёжно... Он — знаменитый сыщик Блюмквист и требует уважения к своей профессии. А где оно, это уважение? По крайней мере, со стороны Андерса и Евы-Лотты он его не чувствует. А между тем прошлым летом он совершенно самостоятельно накрыл целых трех бандитов. Правда, Андерс и Ева-Лотта ему помогали, но ведь это он, Калле, благодаря своей проницательности и наблюдательности напал на след преступников.

В тот раз Андерс и Ева-Лотта признали, что он настоящий сыщик, знающий свое—дело. А теперь дразнят его, словно этого никогда и не было! Словно вообще на свете нет преступников, за которыми чуть не доглядишь — таких дел натворят! Как будто он какой-то чудака-мечтатель, вбивший себе в голову бог знает что!

— Когда мы прошлым летом поймали тех бандитов, вы не очень-то ехидничали! — Он негодуяюще плюнул. — Небось тогда сыщик Блюмквист был хорош!

— Да тебя и сейчас никто не упрекает, — возразил Андерс. — Но ты же понимаешь, что такие вещи случаются раз в жизни. Наш городишко существует с четырнадцатого века, и, насколько мне известно, здесь никогда не бывало никаких преступников, кроме той тройки. Да и то уже целый год прошел. А ты все лежишь под своей грушей и решаешь уголовные проблемы. Калле, голубчик, брось ты это, брось! Ей-богу, не скоро еще у нас здесь опять появятся бандиты.

— И вообще всякому овощу свое время, — заметила Ева-Лотта. — Надо знать, когда охотиться за преступниками, а когда делать отбивные котлеты из Алых.

— Вот именно, отбивные из Алых! — радостно воскликнул Андерс. — Алая роза опять объявила нам войну Только что заявился с посланием Бенка. На, читай!

Он вынул из кармана большой лист бумаги и протянул его Калле. Калле прочел:

Война! Война!

Слабоумному вождю преступной шайки, именующей себя Белой розой.

Настоящим уведомляется, что во всей стране Швеции ни у одного крестьянина нет поросенка хоть вполовину такого глупого, как вождь Белой розы. Доказательством этого служит следующий факт" когда вчера это отребье человечества встретило посреди площади нашего великодушного и всеми уважаемого вождя, то вышеупомянутое отребье не пожелало посторониться, а в своей невообразимой глупости осмелилось пихнуть нашего благородного, овейного славой вождя и разразиться гнусными ругательствами. Это оскорбление можно смыть только кровью.

Начинается война Алой и Белой розы, и смерть поглотит тысячи тысяч душ и унесет их в свое черное царство.

Благородный Сикстен, вождь Алой розы.

— Уж мы им зададим перцу! Пойдешь с нами? Лицо Калле озарилось счастливой улыбкой. Война роз была не такой штукой, от которой добровольно отказываются. Вот уже не первый год она скрашивала летние каникулы, которые иначе могли бы показаться несколько однообразными.

Кататься на велосипеде, купаться, поливать клубнику, выполнять разные поручения в лавке отца, удить рыбу, торчать в саду у Евы-Лотты, играть в футбол — разве одним этим заполнишь все время! Ведь летние каникулы такие длинные...

Да, летние каникулы длятся долго — к счастью. Калле считал их величайшим изобретением на земле. Даже странно, что взрослые до этого додумались. Как это они разрешают детям два с половиной месяца болтаться на солнышке и ни капельки не думать про Тридцатилетнюю войну и тому подобное. То ли дело война Роз!

— Еще бы не пойти, — отозвался Калле. — Спрашиваешь тоже!

При таком скудном урожае на преступников, как за последнее время, Калле был только рад взять кратковременный отпуск и целиком отдаться благородной войне Роз. И вообще интересно посмотреть, что там придумали Алые на этот раз.

— Я, пожалуй, пойду сейчас на разведку, — вызвался Андерс.

— Давай, — сказала Ева-Лотта. — А мы выйдем через полчаса. Я только сначала кинжалы поточу.

Это звучало внушительно и угрожающе. Андерс и Калле одобритительно кивнули. Ева-Лотта — настоящий воин, на нее можно положиться!

Под кинжалами, которые следовало наточить, подразумевались всего-навсего хлебные ножи булочника, но все-таки! Ева-Лотта обещала папе покрутить точильный камень, прежде чем она убежит. Стоять под палящим солнцем и крутить тяжелый камень — дело нелегкое, но, если представить себе, что ты точишь оружие против Алых, сразу становится гораздо легче.

— «...и смерть поглотит тысячи тысяч душ и унесет их в свое черное царство», — бормотала Ева-Лотта себе под нос и крутила камень так усердно, что на лбу у нее выступили капельки пота, а светлые волосы на висках завились колечками.

— Что ты сказала? — спросил булочник, подняв глаза от ножей.

— Ничего.

— Ничего, говоришь? — Он попробовал пальцем лезвие. — Ну, беги тогда!

И Ева-Лотта побежала. Она молниеносно проскользнула через щель в заборе, отделявшем ее сад от сада Калле. С незапамятных времен там не хватало одной доски, и можно не сомневаться, что, пока это зависит от Калле и Евы-Лотты, она не будет вставлена.

Случалось, бакалейщик Блюмквист, человек очень аккуратный, говорил булочнику, когда они сидели в беседке летним вечером:

— Послушай, друг, забор-то надо бы поправить, а то неаккуратно как-то.

— Ладно уж, подождем, пока ребята подрастут настолько, что станут застревать в этой дыре, — отвечал булочник.

Несмотря на усердное поглощение булок, Ева-Лотта все равно оставалась худой, как щепка, и без труда пролезала сквозь узкую щель...

С улицы послышался свист. Это вернулся из разведки Андерс, вождь Белой розы.

— Они у себя в штабе! — крикнул он. — Вперед, на бой, победа за нами!

Когда Ева-Лотта пошла точить кинжалы, а Андерс от правился в разведку, Калле опять занял прежнюю позицию под грушей. Короткое затишье перед тем, как разразиться войне Роз, он использовал для важного разговора.

Да-да, он вел разговор, хотя ни одного живого существа поблизости не было. Знаменитый сыщик Блюмквист беседовал со своим воображаемым собеседником, верным спутником, который сопровождал его уже много лет. О. это был замечательный человек! Он относился к выдающемуся сыщику с глубоким уважением, которого тот так заслуживал и которое ему так редко оказывали другие, меньше всего Андерс и Ева-Лотта. Сейчас он сидел у ног своего наставника, благоговейно вслушиваясь в каждое его слово.

«Пренебрежение к преступности в нашем обществе, которое проявляют господин Бенгтссон и фрекен Лисандер, достойно сожаления, — заверил господин Блюмквист своего собеседника, серьезно глядя ему в глаза. — Стоит наступить малейшему затишью, как они тотчас теряют всякую бдительность. Они не понимают, как обманчиво такое спокойствие».

«Обманчиво?» — воскликнул воображаемый собеседник, потрясенный до глубины души.

«Вот именно, — подчеркнул знаменитый сыщик. — Этот очаровательный мирный городок, сияющее летнее солнце, этот идиллический покой — все это может мгновенно перемениться. В любую минуту преступление может все отравить своим ядовитым дыханием».

Воображаемый собеседник ахнул.

«Господин Блюмквист, вы меня пугаете!» — пролепетал он и боязливо оглянулся,

словно боясь, что преступление уже притаилось за углом.

«Положитесь на меня, — важно произнес знаменитый сыщик. — Не бойтесь. Я начеку».

Собеседник едва мог говорить — настолько он был растроган и благодарен. К тому же его невнятные выражения благодарности прервал воинственный крик Андерса:

— Вперед, на бой, победа за нами!

Знаменитый сыщик Блюмквист взвился, словно его оса ужалила. Еще раз быть обнаруженным под грушей ему вовсе не хотелось.

«Прощайте», — сказал он воображаемому собеседнику с таким чувством, будто расстается с ним надолго.

Война началась! Теперь Калле некогда будет лежать на травке и беседовать на криминалистические темы. Ну и ладно. По правде говоря, это же адский труд — найти преступника в этом городишке. Подумать только, с тех пор как поймали тех троих, прошел целый год! Если бы не война Роз, то хоть с тоски пропадай!

Воображаемый собеседник печально и с тревогой смотрел ему вслед.

«Прощайте, — еще раз сказал знаменитый сыщик. — Меня призывают на военную службу. Но вы не беспокойтесь! Не думаю, чтобы именно сейчас могло случиться что-нибудь серьезное».

Не думаю! Не думаю!.. Вон бежит знаменитый сыщик, призванный стоять на страже общественной безопасности. Он мчится по садовой тропинке к Андерсу и Еве-Лотте, мелькая загорелыми ногами и весело насвистывая.

Не думаю... На сей раз ваша проницательность вам изменила, господин знаменитый сыщик!

— У нас в городе всего две улицы, — объяснял обычно булочник проезжим.

И действительно, в городе только и было, что Большая улица и Малая улица, да еще Большая площадь. А остальное — мощенные булыжником бугристые улочки и переулки, ведущие вниз к реке или внезапно упирающиеся в какой-нибудь полуразвалившийся дом, который по-стариковски упрямо сопротивлялся всякому благоустройству. Кое-где на окраинах можно было, конечно, встретить модные одноэтажные виллы, утопающие в роскошных садах, но они составляли исключение. Большинство садов — такие, как у булочника: порядком запущенные, со старыми корявыми яблонями и грушами, с неухоженными, плешивыми газонами. Дома тоже были в большинстве своем такие, как у булочника, — громоздкие, деревянные. Когда-то, давным-давно, некий строитель, дав волю буйной фантазии, украсил их самыми невероятными выступами, зубцами и башенками.

Строго говоря, городок вряд ли можно было назвать особенно красивым, но он дышал старинным покоем и уютом. Была в нем какая-то своя прелесть, по крайней мере в такой солнечный июльский день, когда розы, левкой и пионы цвели во всех садах и липы на Малой улице тихо смотрелись в медленно и задумчиво текущую речку.

Направляясь вприпрыжку к штабу Алых роз, Калле, Андерс и Ева-Лотта меньше всего задумывались над тем, красив ли их городок. Они знали только, что он отлично подходит для войны Роз. Столько закоулков, где можно прятаться, заборов, через которые можно перелезть, кривых переулочков, чтобы отделяться от преследователей, крыш, чтобы лазить, сараев и будок, где можно забаррикадироваться... Городу с такими неоценимыми достоинствами красота ни к чему. Достаточно того, что солнце светит и от теплых камней мостовой через босые пятки по всему телу разливается приятное ощущение лета. Чуть затхлый запах с реки, иногда смешивающийся с шалым ароматом роз из какого-нибудь сада поблизости, тоже говорил о лете. А что до красоты, то киоск «Мороженое» на углу вполне достаточно украшал город, во всяком случае по мнению Калле, Андерса и Евы-Лотты. Какая еще красота нужна?

Они купили себе по порции мороженого и продолжали свой путь. розле моста им повстречался полицейский Бьорк. Его форменные пуговицы блестели на солнце.

— Привет, дядя Бьорк! — крикнула Ева-Лотта.

— Привет! — сказал полицейский. — Здравствуй, знаменитый сыщик, — добавил он дружелюбно и потрепал Калле по затылку. — Никаких новых происшествий на сегодняшний день?

Калле надулся. Дядя Бьорк тоже пожинал плоды прошлым летом, когда Калле выследил преступников. Чего же он сейчас смеется?

— Нет, никаких новых происшествий, — ответил Андерс за Калле. — Воры и убийцы получили приказ прекратить свою деятельность до завтра, потому что Калле сейчас не до них.

— Да, сегодня мы обкорнаем уши Алой розе, — сказала Ева-Лотта и мило улыбнулась Бьорку. Он ей очень нравился.

— Ева-Лотта, иногда мне кажется, что тебе не мешало бы быть немножко поженственной, — заметил Бьорк, озабоченно глядя на худенькую, загорелую амазонку.

Она стояла в канаве и пыталась большим пальцем ноги подцепить коробку из-под сигарет. Ей это удалось, и коробка полетела в реку.

— Женственной — пожалуйста, но только по понедельникам, — согласилась Ева-Лотта, все так же мило улыбаясь. — Пока, дядя Бьорк, нам некогда.

Бьорк покачал головой и медленно пошел дальше, продолжая обход.

Когда проходишь по мосту, каждый раз испытываешь сильное искушение. Можно, конечно, переходить мост самым обыкновенным способом. Но ведь есть еще перила, притом довольно узкие. И если идти по ним, то можно испытать приятное щекотание под ложечкой. Того и гляди, оступишься и бултыхнешься в воду. Правда, этого еще ни разу не случилось, хотя они часто переходили мост таким манером. Но ручаться ни за что нельзя. И, несмотря на то что операция по обкорнанию ушей Алой розе была очень спешной, Калле, Андерс и Ева-Лотта считали, что могут уделить несколько минут упражнению в равновесии. Это, разумеется, строго запрещалось, но Бьорк ушел, и никого другого поблизости не было.

Нет, кто-то был! Как раз когда они решительно влезли на перила и в самом деле почувствовали сладкое замирание в животе, на противоположном конце моста появился, ковыляя, старик Грен. Но кто же обращал внимание на Грена!

Старик остановился перед ребятами, вздохнул и произнес, обращаясь неизвестно к кому:

— Так-так, веселые детские забавы! Веселые невинные детские забавы!

Старик Грен всегда так говорил, и они его иногда передразнивали. Конечно, чтобы он не слышал. Когда Калле попадал футбольным мячом прямо в витрину папы Блюмквиста, или когда Андерс как-то слетел с велосипеда и угодил лицом прямо в крапиву, Ева-Лотта вздыхала и говорила:

«Так-так, веселые детские забавы, так-так!»

Они благополучно пересекли мост. И на этот раз никто не свалился. Андерс оглянулся на всякий случай, чтобы убедиться, что их никто не видел. Малая улица оставалась пустынной. Только старик Грен шел вдали. Его всегда можно было узнать по ковыляющей походке.

— Никто так чудно не ходит, как этот Грен, — сказал Андерс.

— Грен вообще чудной, — заметил Калле. — Может быть, потому, что он такой одинокий?

— Бедняга! — вздохнула Ева-Лотта. — Подумать только, жить одному в таком мрачном доме, и никого нет, кто бы убирал, или готовил, или вообще помогал.

— Вот еще! — возразил Андерс поразмыслив. — Без уборки вполне можно обойтись. Да и одному пожить некоторое время тоже неплохо. Можно хоть спокойно заняться моделями.

Человек, который, подобно Андерсу, должен уживаться в малюсенькой квартирке с кучей сестреночек и братишек, не прочь бы получить в свое распоряжение целый дом!

— Да ты через неделю свихнешься, — сказал Калле. — То есть, я хочу сказать, ты станешь еще чуднее, чем сейчас. Такой же, как Грен.

— Папа не любит этого Грена, — сообщила Ева-Лотта. — Он говорит, что Грен ростовщик.

Ни Андерс, ни Калле не знали, что такое ростовщик, но Ева-Лотта объяснила.

— Папа говорит, что ростовщик — это такой человек, который одалживает людям деньги.

— Смотри, какой молодец! — заметил Андерс.

— Совсем даже не молодец, — возразила Ева-Лотта. — Тут вот в чем дело. Представь себе, что тебе нужно занять двадцать пять эре, ну просто до зарезу понадобились двадцать пять эре.

— На мороженое, — предположил Калле.

— Вот именно, — подхватил Андерс. — Я уже чувствую, что они мне нужны!

— Так вот, тогда ты идешь к Грену, — продолжала Ева-Лотта, — или еще к какому-нибудь ростовщику, и он тебе дает двадцать пять эре.

— Ну да? — спросил Андерс, приятно удивленный наличием такой возможности.

— Да. Но ты должен обещать, что вернешь их через месяц. И мало того — ты должен вернуть не двадцать пять, а пятьдесят эре.

— Дудки, — возмутился Андерс. — С какой это стати?

— Ребенок! — сказала Ева-Лотта. — Ты что, никогда не проходил проценты в школе? Грен хочет получать проценты на свои деньги, понимаешь?

— Уж брал бы тогда по-божески! — Калле встревожился за бюджет Андерса.

— Вот этого-то ростовщики никогда не делают, — объяснила Ева-Лотта. — Они не берут по-божески. Они берут слишком большие проценты. А по закону этого делать нельзя. Поэтому папа и не любит Грена.

— Но почему же люди такие чудачки и занимают деньги у ростовщиков? удивился Калле. — Неужели больше не у кого на мороженое занять?

— Балда ты! — сказала Ева-Лотта. — Тут, может, речь идет совсем не о двадцати пяти эре на мороженое, а о тысячах крон. Может быть, есть люди, которым вот сию минуту нужно получить пять тысяч крон, и никого нет, кто бы мог дать. Никого, кроме таких ростовщиков, как Грен.

— К черту Грена! — воскликнул Андерс, вождь Белой розы. — Вперед, на бой, победа за нами!

* * *

Вон и дом почтмейстера, а за ним, в саду, — сарай, который служит одновременно гаражом и штабом Алой розы, потому что вождь этой таинственной ватаги — сын почтмейстера, Сикстен.

Судя по всему, сейчас гараж пустовал. Уже издали было видно, что к двери приколот лист бумаги. Проще простого пройти через садовую калитку к гаражу и прочесть, что там написано. Но кто же станет так поступать во время войны Роз? Вдруг там засада! Что, если Алые залегли в штабе, готовые броситься на простаков, которые осмелятся появиться поблизости?

Вождь Белых роз наставлял свое войско:

— Калле, пробирайся за кустами, пока не окажешься позади штаба, вне поля зрения врага. Влезь на крышу. Достань лист живой или мертвый!

— Лист живой или мертвый — что ты хочешь этим сказать? — спросил Калле.

— Да ну тебя! Это ты живой или мертвый, неужели не понятно? Ева-Лотта, ты тихонько лежи здесь и высматривай их из-за кустов. Если заметишь, что Калле угрожает опасность, свистни, как условлено.

— А ты что будешь делать?

— Я пойду спрошу мамашу Сикстена, где он.

Все принялись за дело. Калле быстро добрался до штаба. Вскрабкаться на крышу — дело нехитрое. Калле это часто делал раньше. Надо было только пробраться сквозь кусты и влезть на мусорный ящик позади гаража, а уже с него — на сарай.

Как можно тише, чтобы враг его не услышал, полз Калле по крыше. В глубине души он отлично знал, что гараж пуст, знала это и Ева-Лотта и, разумеется, Андерс, который пошел в дом спрашивать, где Сикстен. Но война роз велась по всем правилам, — и поэтому Калле полз так, словно его жизни действительно грозила опасность, а Ева-Лотта напряженно следила за каждым его движением, готовая свистнуть по-разбойничьи, если это, против ожидания, будет необходимо.

Вернулся Андерс: мама Сикстена понятия не имела, где пропадает ее любимое чадо.

Калле осторожно перегнулся через край крыши и, сильно вытянувшись, ухитрился схватить бумагу. Затем вернулся тем же путем, тихо и осторожно. Ева-Лотта не сводила с него глаз до последней секунды.

— Чистая работа, молодец! — сказал Андерс одобрительно, когда Калле передал ему бумагу. — Ну-с, посмотрим!

Подписал знаменательное послание «Благородный Сикстен, вождь Алой розы». Правда, для благородного рыцаря послание было составлено в удивительно сильных выражениях. От столь знатного вельможи следовало ожидать более утонченных оборотов...

Вы — подлые псы, да, именно вы, Белые розы, отравляющие своим мерзким присутствием сей город! Сим извещаем вас, что мы, благородные рыцари Алой розы, отправились на поле битвы в Прерии. Приходите туда как можно скорее, чтобы мы могли уничтожить отвратительный сорняк, именуемый себя Белой розой, и высыпать его прах во двор к Юханссону на навозную кучу, где он по праву должен находиться. А ну, выходите, подлые псы!!!

Ни один человек, читая эти теплые слова, не догадался бы, что Алые и Белые розы на самом деле закадычные друзья. Если не считать Калле и Евы-Лотты, Андерс не знал товарища лучше, чем Сикстен; разве что Бенка и Йонте могли с ним сравниться — тоже отличные Алые розы. И если кого ценили действительно высоко в этом городе Сикстен, Бенка и Йонте, так это «подлых псов» Андерса, Калле и Еву-Лотту.

— Так, значит, — заключил Андерс, окончив чтение, — в Прерии! Вперед, на бой, победа за нами!

3

Хорошо, что на свете существовали Прерии! Хорошо для многих поколений детей, которые играли там с незапамятных времен. Сердца старых суровых отцов семейств смягчались, когда они вспоминали свое детство и игры в индейцев в Прериях.

Детям последующих поколений это было очень выгодно. Если Калле приходил вечером домой в разодранной рубашке после особенно жаркой баталии, то бакалейщик Блюмквист не слишком журил его, потому что вспоминал рубаху, разодранную весенним вечером в Прериях лет тридцать тому назад. И как бы фру Лисандер ни хотела, чтобы ее юная дочь побольше времени проводила в обществе своих сверстниц, вместо того чтобы гонять с мальчишками по Прериям, настаивать на этом не имело смысла, потому что булочник лукаво смотрел на нее и говорил:

— Послушай, Миа, дорогая, когда ты была маленькая, кто из здешних девчонок больше всех пропадал в Прериях?

Прериями называли большой, чуть всхолмленный пустырь на окраине города. Он весь порос короткой травкой, по которой приятно было ходить босиком. Весной травка будто светилась сочным зеленым светом, и Прерии превращались в зеленое море с желтыми пятнами одуванчиков. Но тут принималось за работу летнее солнце, и Прерии становились бурными и сухими.

Калле, Андерс и Ева-Лотта не замедлили откликнуться на вежливое приглашение

Сикстена. Щурясь от яркого света, они осматривали поле битвы, пытаясь обнаружить своих врагов. Алых нигде не было видно. Но большие участки Прерий поросли орешником и можжевельником, и там вполне могли залечь рыцари Алой розы.

Белые розы издали свой самый ужасающий воинственный клич и ринулись в заросли. Они обыскали каждый кустик, но сколько ни рыскали и ни вынюхивали врагов, найти не могли. Вот уже и край Прерий, у самой Усадьбы, а противника нет как нет.

— Что это еще за дурацкие шутки? — возмутился Андерс. — Их же нигде нет!

И тут тишину Прерий рассек громкий ехидный смех из трех глоток.

— Пойдите... — сказала Ева-Лотта и беспокойно оглянулась. — Да они, кажется, в Усадьбе.

— Ну да, конечно, там! — крикнул Калле восхищенно.

На краю Прерий, среди дрожащих осин, стоял старинный дом, благородное сооружение XVIII века, некогда выдавшее лучшие времена. Это и была Усадьба. А из окна дома, в задней его стене, высунулись три торжествующие мальчишечьи физиономии.

— Горе тому, кто приблизится к новому штабу Алой розы! — воскликнул Сикстен.

— Да как же вы... — начал Андерс.

— Ишь, чего захотели узнать! Дверь была открыта, вот и все.

В Усадьбе уже много лет никто не жил, и дом разрушался. Муниципалитет давным-давно решил его реставрировать и перенести в городской парк, чтобы устроить краеведческий музей. Но денег не было, пожертвования поступали туго, и дело почти не подвигалось. А здание между тем все ветшало и ветшало. До последнего времени замки защищали его от городских ребят. Но теперь полуистлевшие двери не могли больше охранять дом от захватчиков, и требовалось срочное вмешательство муниципалитета, пока уцелело хоть какое-то подобие краеведческого музея.

Судя по шуму в Усадьбе, Алые без всякого почтения к старине носились среди панелей XVIII века. Старые половицы жалобно стонали от диких, восторженных прыжков, которые совершали счастливые обладатели нового штаба.

— Мы захватим в плен этих подлых псов, запрем их здесь и оставим подыхать с голоду! — восторженно вопил Сикстен.

Намеченные им жертвы, предвкушая битву не на жизнь, а на смерть, бежали навстречу своей судьбе. Алые не делали ничего, чтобы им помешать: Сикстен решил до последней капли крови отстаивать верхний этаж, наиболее удобный для обороны. Туда вела роскошная лестница, на ней и стояли сейчас Алые, воинственными жестами давая понять, что верхом счастья для них будет жаркая схватка с врагом.

Белые розы храбро бросились в атаку. Шум и грохот поднялся такой, что, услышь его члены краеведческого общества, они стали бы рвать на себе волосы. Будущий музей трещал по всем швам, резные перила парадной лестницы жалобно скрипели. Дикие вопли неслись к лепному потолку, и вождь Белой розы скатился с лестницы с таким громом и гвалтом, что призраки прошлого, если они там водились, наверное, побледнели еще больше и в страхе забились по углам.

Военное счастье изменчиво. Только что Белые розы оттеснили своих противников вверх почти до самого конца лестницы, а вот уже, не выдержав ужасающего натиска Алых, вынуждены беспорядочно отступать на нижний этаж. Добрых полчаса битва продолжалась с переменным успехом. Наконец обеим сторонам наскучило такое однообразие, и Белые розы оттянулись назад, чтобы подготовиться к последнему, сокрушающему удару. В тот же миг Сикстен тихо отдал какое-то приказание своим войскам. Внезапно Алые оставили свои позиции на лестнице и молниеносно ретировались на верхний этаж.

Здесь было множество комнат и чуланов. Сикстен и его команда еще с утра тщательно облазили весь дом. И, когда Андерс, Калле и Ева-Лотта опрометью взлетели по лестнице, Алых словно ветром сдуло: они успели прошмыгнуть в чулан и теперь сквозь удобную щель в двери наблюдали, как Белые розы под самым их носом спешно держат совет.

— Рассыпьтесь, — говорил вождь Белой розы. — Отыщите врага, в какой бы дыре он

ни сидел, дрожа за свою жизнь. Не церемоньтесь с ним, когда найдете!

Алые розы в чулане с восторгом выслушали этот приказ. Но Белые розы ничего не подозревали...

«Рассыпьтесь», — сказал их вождь. Ничего глупее он не мог придумать. Судьба его была предрешена... А пока он не замедлил «рассыпаться» сам и исчез за углом.

Как только Андерс скрылся, Калле и Ева-Лотта осторожно направились в противоположную сторону. Путь им преградила дверь. Они открыли ее и увидели красивую солнечную комнату. И, хотя Белые розы отлично видели, что в ней никого нет, они вошли и позволили себе небольшой перерыв в военных действиях, чтобы выглянуть в окно. Роковая оплошность! Когда Калле и Ева-Лотта вернулись к двери, ее как раз запирали снаружи! Пленники услышали безжалостный смех и ужасный торжествующий крик вождя Алой розы:

— Ага, подлые собаки, вот вам и крышка! Живыми отсюда не выйдете!

А потом звонкий голос Бенки:

— Будете здесь сидеть, пока мохом не обрастете! А мы как-нибудь забежим вас проведать — на Новый год" например!

И Йонте:

— Да-да, не беспокойтесь, на Новый год обязательно зайдём! Что вам принести в подарок?

— Ваши головы на блюде! — крикнула Ева-Лотта.

— С гарниром, какой полагается к поросычьим головам! — поддержал Калле.

— Наглость до последней минуты, — грустно отметил вождь Алых, обращаясь к своим братьям по оружию. Потом он возвысил голос и крикнул пленникам:— Есть ли у вас какое-нибудь последнее желание, чтобы я мог передать вашим близким?

— Да! Попроси папу позвонить в исправительный дом и сообщи им, куда за тобой приехать! — сказала Ева-Лотта.

— Прощайте, подлые псы! — ответил Сикстен. — Крикните, когда проголодаетесь, мы вам травки нарвем.

Он повернулся к Бенке и Йонте и, довольно потирая руки, произнес:

— Итак, мои дорогие соратники, в этом доме укрывается сейчас маленькая жалкая крыса, которая называет себя вождем Белой розы. Он одинок и беззащитен! Ищите его! Ищите!

Алые расшибались в лепешку. Они крались на цыпочках вдоль длинных коридоров, тянувшихся по всему верхнему этажу. Они осторожно заглядывали в каждую комнату. Они устраивали засады у дверей чуланов. И они знали, что, где бы ни прятался вождь Белой розы, он должен понимать, какая страшная опасность ему угрожает. Его союзники заперты. Он один против троих. А эти трое горят желанием его изловить. Поймать вождя противника считалось в войне роз величайшим деянием, вроде как если бы союзники в войну ухитрились выкрасть Гитлера из Берлина.

Но вождь Белой розы спрятался хорошо. Сколько Алые ни шныряли вокруг, все тщетно.

Вдруг Сикстен услышал слабый скрип над головой.

— Он на чердаке, — прошептал Сикстен.

— Разве здесь есть чердак? — удивленно спросил Йонте.

Алые розы утром так тщательно обследовали весь дом, а чердака не заметили. Впрочем, ничего удивительного тут не было: кто не знал о существовании чердачной лестницы, вполне мог не заметить маленькую дверцу в стене, оклеенную теми же обоями, что и все помещение.

Зато когда Алые наконец обнаружили ход, все остальное свершилось быстро. Андерс, разумеется, стоял на чердаке в полной боевой готовности и громогласно советовал всем и каждому написать завещание, прежде чем приближаться к нему. Увы, это ему не помогло!

Сикстен, необычайно рослый и сильный для своего возраста, шел во главе, Бенка и Йонте ему помогали, когда требовалось, и в итоге отчаянно брыкающегося Андерса

потасили вниз по лестнице навстречу неизвестной судьбе. Калле и Ева-Лотта утешали его из-за запертой двери.

— Мом-ы сос-кок-о-ро-о поп-ро-ип-дод-е-мом и осос-вов-о-боб-о-дод-и-мом тот-е-боб-я! — кричали они, что означало на тайном языке Белой розы: «Мы скоро придем и освободим тебя!»

Лучшего способа раздражить Алых не было. Они уже давно и безуспешно пытались научиться понимать это странное наречие, которым их враги владели в совершенстве. Белые розы трещали на своем тайном языке с такой невероятной скоростью, что для непосвященного их разговор звучал совершенной тарабарщиной.

Ни Сикстен, ни Бенка, ни Йонте никогда не видели, как пишут на этот язык, иначе они бы без труда разгадали тайну: слова были самые обыкновенные, только каждая согласная удваивалась, а в середину вставлялась буква "о". Например «Калле» писалось так: «Кок-а-лол-лол-е», а «Андерс» — «А-нон-дод-е-ро-сос».

Ева-Лотта узнала этот разбойничий язык от своего отца. Однажды вечером булочник случайно рассказал дочери, как он объяснялся в детстве со своими друзьями, когда не хотел, чтобы другие их поняли. Бурный энтузиазм Евы-Лотты по поводу «разбойничьего» языка несколько удивил ее отца. Он ни разу не замечал в ней такого восторга, когда речь шла о неправильных немецких глаголах... Но булочник послушно просидел целый вечер, обучая ее, а на следующий день Ева-Лотта передала свои знания Андерсу.

Одной из главных целей Алых в войне роз было выпытать у противника ключ к тайному языку. Но еще важнее было вернуть себе Великого Мумрика.

Внушительное имя «Великий Мумрик» носил совсем незначительный предмет — небольшой камешек странной формы, который где-то нашел Бенка. Ничего не стоило вообразить себе, что камешек напоминает старичка, маленького задумчивого старичка, сидящего, словно Будда, и созерцающего свой пуп.

Алые немедленно объявили камень священным талисманом и приписывали ему множество необычайно ценных свойств. Этого было, разумеется, достаточно, чтобы Белые розы сочли своим святым долгом попытаться им завладеть. Сколько жарких схваток происходило из-за Великого Мумрика! Может показаться странным, что маленькому камешку приписывали такое большое значение. Но почему бы Алым розам не почитать своего Мумрика так же глубоко, как, например, шотландцы почитали свой коронационный камень? Почему бы Алым не волноваться так же сильно, когда Белые розы коварно захватили драгоценный талисман, как волновались шотландцы, когда англичане поместили их коронационный камень в Вестминстерское аббатство?

И Алые страшно переживали потерю Мумрика. А Белые тщательно прятали свой трофей. Вообще говоря, спрятать Мумрика в каком-нибудь таком месте, где обнаружить его было бы выше человеческих возможностей, не составляло большого труда. Но война роз велась по своим, особым правилам. Тот, у кого в данный момент находился Мумрик, обязан был так или иначе намекнуть врагу, где его искать. Темной ночью в почтовый ящик противника подбрасывали, скажем, хитроумный ребус или загадочную карту, составленную так, чтобы подольше поводить неприятеля за нос. Призвав на помощь всю свою сообразительность, из чертежей можно было уяснить себе, что Мумрик спрятан в пустом вороньем гнезде на вязе, который растет в северном углу кладбища, или под одной из черепиц на крыше сарая сапожника Бенгтссона.

Но сейчас Великого Мумрика не было ни в одном из указанных тайников. Он находился совсем в другом месте. И одной из основных причин, почему в этот жаркий июльский день вновь вспыхнула война Роз, было как раз то, что Алым не терпелось точно узнать, где находится тайник. А имея заложником вождя Белых роз, выведать это, пожалуй, не так уж трудно!

«Мы скоро придем и освободим тебя!» — обещали Ева-Лотта и Калле. Что ж, их вождь действительно нуждался в ободряющем слове, потому что сильные руки влекли его на мучительный допрос — о Великом Мумрике и тайном языке.

— Я нон-и-чоч-е-гог-о нон-е сос-кок-а-жож-у! — геройски крикнул он, проходя мимо двери, за которой томились его товарищи.

— Ну погоди, не долго тебе еще гогокать! — пригрозил Сикстен и еще крепче ухватил его за руку. — Мы из тебя выжмем, что все это значит, будь спокоен!

— Крепись, не падай духом! — воскликнул Калле.

— Держись! Держись! Мы скоро придем! — кричала Ева-Лотта.

И сквозь запертую дверь услышали они гордые слова своего вождя:

— Да здравствует Белая роза!

И потом:

— Отпусти руку! Я пойду сам. Я готов, господа!

Больше они ничего не слышали. Великая тишина воцарилась в их тюрьме. Враг покинул дом и увел с собой их вождя.

4

Хотя Алые пригрозили, что Калле и Еве-Лотте предстоит томиться в заточении, пока они не порастут мохом, это, конечно, не следовало понимать буквально. Даже в войне роз приходилось считаться с обременительным и хлопотным элементом, именуемым «родители». Разумеется, благородные рыцари искренне досадовали на то, что в самый разгар сражения приходится все бросать и идти домой есть котлеты и компот. Но что поделаешь, если родители вбили себе в голову, что дети должны более или менее вовремя кушать!

В войне роз так и подразумевалось, что этим нелепым родительским требованиям надо уступать, а то еще сорвутся все военные действия. Родители ведь ужасно плохо разбираются в таких вещах и способны не пустить вас из дому как раз в тот вечер, когда намечена решающая битва за Великого Мумрика. Да и вообще родители прискорбно мало понимают в Мумриках, даже если порой воспоминания об их собственных играх в Прериях, словно беглый луч света, озаряют их затуманенную память.

Когда Алые увели Андерса, оставив Калле и Еву-Лотту чахнуть от голода в пустой комнате необитаемого дома, это означало, следовательно, что узники будут чахнуть часа два, то есть до семи вечера. В семь часов на столе у бакалейщика, так же как у булочника и в других семьях в городе, появлялся ужин. Еще задолго до этого критического часа Сикстен должен был послать Бенку или Йонте отпереть незаметно дверь темницы. Поэтому Калле и Ева-Лотта с невозмутимым спокойствием смотрели в глаза голодной смерти.

Но какой позор — так глупо попасться! К тому же это давало Алым огромный, поистине катастрофический перевес, тем более теперь, когда они захватили в плен предводителя Белых роз. Даже то, что Великий Мумрик оставался в руках Белых, не могло уравновесить такое поражение.

Ева-Лотта с отчаянием смотрела в окно вслед уходящим... Вон идет предводитель Белых роз, со всех сторон окруженный врагами... Победители военным шагом пересекают Прерии, направляясь к городу. Скоро они исчезнут.

— Интересно, куда они его повели? — спросила Ева-Лотта.

— Конечно, к Сикстену в гараж, — сказал Калле и добавил озабоченно: Хорошо бы сейчас газету или чтонибудь такое...

— Газету! — воскликнула Ева-Лотта возмущенно. — Какая тут газета — сейчас надо думать, как отсюда выбраться!

— Вот именно! Мы должны отсюда выбраться. Поэтому-то мне и нужна газета.

— Уж не думаешь ли ты вычитать, как лазить по стене?

Ева-Лотта высунулась в окно посмотреть, далеко ли до земли.

— Если мы прыгнем, мы, конечно, разобьемся, — продолжала она. — Но что поделаешь?

Калле радостно свистнул:

— Обои! Я и не подумал про них, а они сгодятся! Он решительно оторвал клочок

болтающихся обоев. Ева-Лотта удивленно смотрела на него.

— В восемнадцатом веке это, наверное, были очень красивые обои, — заметил Калле. Он присел на корточки и сунул оторванный клочок под дверь.

— Азбука сыского дела, — сказал он и вынул из кармана перочинный ножик

Открыв маленькое лезвие, Калле осторожно поковырял им в замочной скважине. За дверью что-то звякнуло: это упал ключ.

Калле потянул обратно кусок обоев. И точно — на нем лежал ключ. Он упал, куда следовало.

— Я же сказал — азбука сыского дела, — повторил знаменитый сыщик Блюмквист, давая понять Еве-Лотте, что ему, как сыщику, повседневно приходится открывать двери тем или иным хитроумным способом.

— Ну, Калле, какой ты молодец! — восхищенно воскликнула Ева-Лотта.

Калле отпер дверь. Они были свободны.

— Постой! Не можем же мы уйти, не извинившись перед Алыми, — спохватился Калле.

Выудив из своего битком набитого кармана огрызок карандаша, он протянул его Еве-Лотте. И она написала на обратной стороне обрывка обоев:

Обормоты из Алой розы!

Ваши опыты по разведению мха позорно провалились, Ровно пять минут и тридцать секунд мы ждали, когда мох прорастет, но теперь уходим. Жалкие сопляки, вы разве не знали, что Белые розы могут проходить сквозь стены?

Они плотно затворили окно и заложили крючки. Потом заперли дверь снаружи, а ключ оставили торчать в замке. На ручке двери висело прощальное письмо.

— Вот поломают голову! Окно заперто изнутри, а дверь — снаружи, пусть-ка догадаются, как мы удрали! — Ева-Лотта чуть не замурлыкала от удовольствия.

— Очко в пользу Белой розы, — сказал Калле.

В гараже Андерса не оказалось. Калле и Ева-Лотта осторожно отправились туда на разведку, чтобы выяснить, как организовать операцию по освобождению. Но в гараже было все так же тихо и пусто.

Мама Сикстена вешала белье в саду.

— Вы не знаете, где Сикстен? — спросила Ева-Лотта.

— Он недавно был здесь, — ответила жена почтмейстера. — С Бенгтом, Андерсом и Йонте.

Видно, Алые повели своего пленника в более надежное место. Но куда?

За ответом далеко идти не пришлось.

Калле увидел его первым. Из травы торчал финский нож, Калле и Ева-Лотта сразу узнали нож Андерса. А на клочке бумаги они прочли одно-единственное слово: «Йонте».

Предводитель Белой розы сумел улучшить момент и оставить это лаконичное сообщение своим товарищам. Калле глубокомысленно наморщил лоб.

— Йонте... — произнес он. — Это может означать только одно: Андерс сидит в плену дома у Йонте.

— Да уж ясно, что не у Бенки, коли написано «Йонте», — сказала Ева-Лотта.

Калле промолчал.

Та часть города, где жил Йонте, называлась «Плутовская горка». Нельзя сказать, чтобы в маленьких домишках Плутовской горки обитали сливки городского общества. Но Йонте вовсе и не стремился принадлежать к ним. Его вполне устраивал ветхий домик его отца: одна комната и кухня, да еще маленькая каморка на чердаке. Правда, наверху можно было жить только летом, зимой становилось слишком холодно. Но сейчас, в июле, на чердаке царил жара, как в камере для пыток, что и делало его самым подходящим местом для допросов.

Йонте был безраздельным хозяином на чердаке. Здесь он спал на раскладушке, здесь стояла его самодельная полка, сколоченная из ящичков из-под сахара, — на ней Йонте хранил приключенческие книжки, коллекцию марок и другие сокровища. Ни один король не

радовался так своему дворцу, как Йонте своей маленькой каморке, где в неподвижном горячем воздухе жужжали под потолком мухи.

Сюда-то и привели Андерса Алые розы. Так удачно сложилось, что папа и мама Йонте как раз сегодня отправились за город, где у них был маленький участок земли. Они взяли с собой еду и собирались пробыть там довольно долго. Йонте должен был сам хозяйничать и жарить себе колбасу с картошкой, если проголодается.

А так как мама Сикстена развешивала белье прямо перед штабом Алых в гараже, то Сикстен решил, что каморка Йонте на Плутовской горке была просто находкой для учинения допросов с пытками.

Калле и Ева-Лотта держали совет. Конечно, можно отправиться в спасательную экспедицию немедленно, но, хорошенько поразмыслив, они решили, что разумнее будет немного подождать. Показываться на глаза Алым сейчас просто глупо. Ведь скоро ужин. Скоро Сикстен пошлет Бенку или Йонте в Усадьбу. Скоро Бенка или Йонте будут стоять там, разинув рот, пораженные бегством Калле и Евы-Лотты. Эта мысль доставляла им несказанное наслаждение. Жаль испортить такое дело!

Калле и Ева-Лотта решили отложить всю спасательную экспедицию на после ужина. Кроме того, они отлично знали, что Андерс получит краткосрочный отпуск под честное слово, чтобы пойти домой поесть. А что может быть унижительнее для спасательной экспедиции, чем прибыть к месту назначения как раз в тот момент, когда тот, кого должны спасти, беспрепятственно отправился ужинать!

— И вот еще что, — заметил Калле. — Если собираешься выследить кого-нибудь, кто находится в доме, то лучше всего это делать, когда стемнеет и в комнатах зажгут свет, а шторы еще не спустят. Это знает любой, кто хоть капельку разбирается в криминалистике.

— У Йонте нет штор, — возразила Ева-Лотта.

— Тем лучше, — сказал Калле.

— А как же мы заглянем в чердачное окно? — спросила Ева-Лотта. — Ноги у меня, конечно, длинные, но...

— Сразу видно, что ты по криминалистике ничего не читала, — наставительно произнес Калле. — Что, например, делают сыщики в Стокгольме? Если им нужно наблюдать за квартирой на третьем этаже, где находятся преступники, они обеспечивают себе доступ в квартиру на другой стороне улицы, лучше всего на четвертом этаже, чтобы быть немного выше, чем преступники. А потом стоят с биноклями и смотрят прямо на жуликов, пока те не опустили шторы.

— Будь я жуликом, я бы сначала опустила шторы, а потом зажигала свет, быстро смекнула Ева-Лотта. — Кстати, в какую, по-твоему, квартиру нам нужно обеспечить себе доступ, чтобы следить за Йонте?

Об этом Калле как-то не подумал. Что и говорить, сыщикам в Стокгольме легче проникать в квартиры: им достаточно только показать полицейский жетон. Едва ли это окажется так же просто для Калле и Евы-Лотты. Да к тому же прямо напротив Йонте нет никакого дома, потому что там протекает речка. Вот рядом с Йонте дом действительно есть — старая двухэтажная развалина старика Грена. Внизу у Грена столярная мастерская, а сам он живет на втором этаже.

«Но как обеспечить себе доступ в квартиру Грена? — подумал Калле. — Войти к нему и вежливо спросить, не разрешит ли он воспользоваться одним из его окон, чтобы немножечко понаблюдать?» Калле и сам понимал, что это нелепая мысль. Кроме того, было еще одно обстоятельство: хотя дома Йонте и старика Грена обращены друг к другу боковыми стенами, но, к сожалению, в верхнем этаже у Грена нет окна, обращенного в сторону Йонте.

— Я знаю, — сказала Ева-Лотта. — Мы влезем к старику Грену на крышу — это единственный способ.

Калле посмотрел на нее с восхищением.

— Если учесть, что ты совсем ничего не читала по криминалистике, ты не такая уж

глупая.

Да, крыша Грена — вот правильное решение! Она как раз настолько выше чердака Йонте, что с нее удобно наблюдать. И у Йонте нет штор.

Великолепный наблюдательный пункт!

Калле и Ева-Лотта с легким сердцем пошли домой ужинать.

5

Было совсем темно и тихо, когда они спустя часа два, крадучись, шли по Плutowской горке. Маленькие деревянные домишки, тесно прижавшись друг к другу, спорили из-за пространства. Между домами еще сохранилось тепло, оставленное жарким июльским солнцем. Всю Плutowскую горку окутал теплый мохнатый мрак. Временами тьму прорезал луч света из маленького окошечка или двери, отворенной в летний вечер.

Темнота была насыщена запахами. Запах кошек, жареной салаки и кофе смешивался с одуряющим благоуханием цветущего жасмина и столь же одуряющим благоуханием какой-нибудь кучи мусора, которую давным-давно пора было вывезти.

Тишина... В переулках ни души. Обитатели Плutowской горки вечера обычно проводили дома. Сейчас все они собрались у домашнего очага после дневных трудов и наслаждались покоем и отдыхом в маленьких тесных кухнях, где на плите ворчал кофейник, а на окне цвела герань.

Тому, кто вечером бродил по Плutowской горке не грозила встреча ни с одним живым существом.

— Тихо, как в могиле, — сказал Калле.

И он был прав. Только изредка слышалось жужжание голосов за освещенным окном. Собака, коротко пролаяв где-то вдали, тут же затихла. Откуда-то донеслись нестройные звуки гармоники, но быстро смолкли, и тишина стала еще глубже.

Зато у Йонте царило оживление. В чердачной каморке горел свет, из открытого окна неслись звонкие мальчишеские голоса. Калле и Ева-Лотта с удовлетворением отметили, что допрос в разгаре. Там, наверное, разыгрывалась захватывающая драма, и Калле с Евой-Лоттой твердо решили насладиться зрелищем из первых рядов партера на крыше старика Грена.

— Нужно только влезть на крышу, — решительно сказала Ева-Лотта.

Да, оставалось только влезть. Калле обошел вокруг дома, чтобы выяснить имеющиеся возможности. Но, как назло, в комнате Грена тоже горел свет! И почему старикам не спится вечерами? И им полезно, и другим удобно без помех гулять по их крышам! Что ж, ничего не поделаешь. Помехи не помехи, а на крышу лезть надо.

Кстати, это было нетрудно: старик Грен любезно приставил лестницу к стене дома. Правда, она стояла перед его окном, тем самым окном, где горел свет. И гардины спущены только наполовину. Вряд ли Грен будет в большом восторге, если, высунув голову в окно, вдруг обнаружит две Белые розы, полным ходом взбирающиеся по его лестнице. Люди, которые охотно предоставляли бы всем и каждому свои крыши для прогулок, — большая редкость. Но в войне роз с такими пустяками считаться не приходится. Надо неотступно следовать по пути долга, даже если этот путь проходит по коньку крыши старика Грена.

— Ты иди первый, — бодро предложила Ева-Лотта.

Калле так и сделал. Он начал потихонечку взбираться по ступенькам, Ева-Лотта бесшумно следовала за ним. Единственное опасное место было на уровне второго этажа, против освещенного окна.

— У Грена гости, — осторожно прошептал Калле. — Я слышу голоса.

— Сунься туда и скажи, что мы тоже хотим вкусненького, — предложила Ева-Лотта и весело фыркнула.

Но Калле ее предложение не показалось таким уж смешным. Он быстро лез дальше. Да и Ева-Лотта тоже стала серьезной, когда достигла опасного места.

Да, у Грена был гость, это было слышно, но ничего вкусенького там не подавали. Кто-то стоял спиной к окну и говорил тихим, взволнованным голосом. Шторы мешали Еве-Лотте увидеть незнакомца целиком, но она разглядела темно-зеленые габардиновые брюки.

— Да, да, да, — повторял гость нетерпеливо, — я постараюсь. Я заплачу и покончу с этим адом!

Послышался скрипучий стариковский голос Грена:

— Вы это уже не первый раз говорите. Я больше не хочу ждать. Я хочу получить свои деньги, понимаете?

— Я же сказал — вы их получите, — ответил незнакомец. — Мы встретимся в среду. Там, где обычно. Захватите с собой все мои векселя. Все до одного, эти треклятые векселя! Я погашу их все. И покончим с этим.

— Зачем же так горячиться? — кротко произнес Грен. — Поймите и меня, я должен вернуть мои деньги.

— Кровопийца! — с чувством сказал незнакомец.

Ева-Лотта стала торопливо карабкаться дальше. Калле дождался ее, сидя на коньке.

— Они там все про деньги болтали, — сообщила Ева-Лотта.

— Вот это самое ростовщичество и есть, — предположил Калле.

— А что это такое «вексель»? — спросила Ева-Лотта задумчиво. Но тут же прервала сама себя: — Ах, да не все ли равно! Пошли, Калле!

Им нужно было попасть на противоположную сторону дома, обращенную к окну Йонте. Жутковато балансировать по самому коньку в темноте, когда на небе ни единой звездочки, которая могла бы дружески осветить опасный путь. Можно, конечно, ухватиться за трубу, но до нее еще надо добраться...

Вот и труба, половина пути пройдена. Как не хотелось отрываться от надежной опоры! Однако при взгляде на окно Йонте они воспрянули духом.

Предводитель Белых роз сидел на стуле, вокруг него стояли Алые розы и кричали, размахивая руками, но он с гордым видом отрицательно качал головой. Ева-Лотта и Калле растянулись на животе, предвкушая удовольствие. Им было слышно и видно все — какой триумф! Если бы знал их вождь, что спасение так близко! Всего лишь в нескольких метрах лежат его преданные воины, готовые для него пожертвовать жизнью и кровью.

Оставалось уточнить лишь одну деталь: как его спасти? Готовность пожертвовать жизнью и кровью, конечно, великое дело, но как это сделать? Ведь их разделяет пропасть шириною в несколько метров.

— Что-нибудь придумаем! — заявил Калле убежденно и улегся поудобнее, насколько позволяли обстоятельства.

Допрос у Йонте продолжался.

— Пленник, тебе предоставляется последняя возможность спасти свою жалкую жизнь, — говорил Сикстен, безжалостно дергая Андерса за руку. — Куда вы спрятали Мумрика?

— Ты вопрошаешь тщетно, — отвечал Андерс. — Могучая Белая роза вечно и неизменно будет владеть Великим Мумриком. Вы его никогда не найдете, хоть пополам разорвитесь, — добавил он несколько менее возвышенно.

Калле и Ева-Лотта, лежа на крыше, молча кивнули в знак одобрения, но Сикстен, Бенка и Йонте не на шутку разозлились.

— Посадить его ко мне в гараж на всю ночь, небось сразу обмякнет! — сказал Сикстен.

— Ха-ха! — усмехнулся Андерс. — Как Калле и Еву-Лотту, что ли? Насколько я знаю, они бежали через пять минут, и я собираюсь сделать то же самое.

Алые розы призадумались: для них оставалось совершенно непостижимым, каким образом Калле и Ева-Лотта ухитрились бежать из плена. Прямо что-то сверхъестественное! Однако не годилось показывать Андерсу, насколько они поражены.

— Не воображай, пожалуйста, что ты король побегов! Мы тебя так запрем, будь

спокоен! Но только сначала я хочу узнать поподробнее об этом вашем языке. Говори все как есть, если надеешься на снисхождение.

— Как бы не так! — ответил Андерс.

— Не упрямься, — настаивал Сикстен. — Скажи хоть чтонибудь. Например, мое имя. Как меня зовут на вашем языке?

— Боб-а-лол-дод-а, — с готовностью сказал Андерс и язвительно засмеялся, чтобы Сикстен понял, что речь идет о тяжком оскорблении.

Как ни соблазнительно было перевести это слово на обычный язык, Андерс удержался: еще разгадают всю тайну! Он ограничился тем, что еще раз ехидно засмеялся, а на крыше напротив ему от души вторили соратники. Если бы только вождь Белых роз знал об этом! Но пока ни он, ни Алые и не подозревали, что выступают перед публикой.

Сикстен скрежетал зубами в бессильной злобе. Алые рисковали остаться в дураках, а это непонятное лолоканье и додоканье могло хоть кого довести до белого каления. Ну, взяли они в плен вождя Белых роз, а что с ним теперь делать? Андерс упорно не соглашался выдавать тайны Белых, а рыцарственные розы ни при каких обстоятельствах не опускались до того, чтобы физическим насилием вынуждать признание. Конечно, дрались они часто так, что пух и перья летели, однако это была честная борьба на поле битвы. Но втроем напасть на одного беззащитного пленника — об этом не могло быть и речи! Впрочем, так ли уж беззащитен был их пленник? Кажется, сам он не очень-то в это верил. Внезапно Андерс сорвался с места и ринулся к двери в отчаянной попытке освободиться. Увы! В ту же секунду три пары цепких мальчишеских рук обвилились вокруг него и бесцеремонно водворили обратно на стул.

— Ишь ты! — сказал Сикстен. — Этот номер тебе не пройдет. Ты выйдешь на свободу, когда я того пожелаю, и ни минутой раньше. Хорошо, если через год, а то и через два! Кстати, куда вы девали Мумрика?

— Да, куда вы, например, девали Мумрика? — спросил Йонте и нетерпеливо ткнул Андерса в бок.

Андерс прыснул и изогнулся, словно червяк. Предводитель Белых роз страшно боялся щекотки! Сикстен даже просиял от такого открытия. Рыцари Алой розы не мучили своих пленников. Но кто сказал, что их нельзя щекотать?

На пробу он легонько тронул Андерса под ложечкой. Результат превзошел все ожидания. Андерс фыркнул, как бегемот, и согнулся пополам.

Воспрянувшие духом Алые дружно бросились на свою жертву. Несчастный вождь Белых роз стонал, пищал и икал от смеха...

— Куда вы спрятали Мумрика? — допытывался Сикстен, ощупывая его ребра.

— О... ой! О... — задыхался Андерс.

— Куда вы спрятали Мумрика? — вторил Бенка, добросовестно щекоча ему пятки.

Новый приступ смеха чуть не задушил пленника.

— Куда вы спрятали Мумрика? — осведомился Йонте, щекоча Андерса под коленкой.

— С-с-да-даюсь! — простонал предводитель Белых. — В Прериях, около Усадьбы, надо идти по той тропинке...

— А потом? — спросил Сикстен, угрожающе держа палец наготове.

Но никакого «потом» не последовало. Случилось нечто совсем непредвиденное. Послышался громкий треск, и комната Йонте погрузилась в непроницаемую тьму. Маленькая электрическая лампочка, единственная в комнате, разлетелась на тысячу кусков.

Пленный вождь был поражен не менее, чем его мучители. Но он раньше их пришел в себя. Под покровом темноты Андерс угрем проскользнул в дверь и был таков. Предводитель Белых роз вырвался на свободу!

А на крыше напротив Калле озабоченно прятал в карман рогатку.

— Придется достать деньги из копилки и купить Йонте новую лампочку, произнес он с раскаянием.

Благородному рыцарю Белой розы не пристало портить чужое имущество, и Калле

твердо знал, что должен возместить потери.

— Но ты ведь понимаешь, это было просто необходимо, — сказал он Еве-Лотте.

Ева-Лотта утвердительно кивнула.

— Совершенно необходимо, — согласилась она. — Нашему вождю грозила опасность. И Мумрику тоже. Это было действительно необходимо.

В комнате Йонте зажегся карманный фонарик. Желтый луч обежал все углы, и Алые с горечью убедились, что пленник исчез.

— Удрал! — закричал Сикстен и метнулся к окну. — Какой еще проклятый пес разбил лампу?

Об этом можно было и не спрашивать. Два тонких силуэта виднелись на крыше напротив. Свист Андерса дал им понять, что их предводитель свободен, и они приготовились отступать.

С риском для жизни Калле и Ева-Лотта кинулись бежать по крыше. Нужно было спуститься вниз и скрыться прежде, чем подспеют Алые. Они бежали уверенно, с легкостью и ловкостью, которую привила их крепким тринадцатилетним телам дикая и вольная жизнь.

Вот они достигли лестницы и начали стремительно спускаться, первая — Ева-Лотта, вплотную за ней — Калле. В комнате Грена было темно, гость, очевидно, ушел. Но они сейчас и не думали о Грене, все мысли были заняты Алыми.

— Да скорей же, мне некогда, — нетерпеливо шептал Калле.

Внезапно шторы с треском взвились вверх, и в окно выглянул старик Грен. От неожиданности и испуга у Калле разжались руки, и он с грохотом свалился на землю, чуть не сбив со ступенек Еву-Лотту.

— Неужели тебе так уж некогда? — язвительно заметила Ева-Лотта.

Судорожно цепляясь за лестницу, чтобы не грохнуться вслед за Калле, она с умоляющим видом повернулась к Грену. Но Грен только взглянул своими грустными стариковскими глазами на Калле, который лежал чуть живой на земле, и произнес грустным стариковским голосом:

— Так-так, веселые детские забавы! Веселые невинные детские забавы, так-так!

6

У Евы-Лотты и Калле не было времени подробно объяснить Грену, почему они очутились на его лестнице. Впрочем, сам Грен как будто не видел в этом ничего особенного или необычного. Видно, понимал, что веселые невинные детские забавы иногда требуют лазания по соседским лестницам. Калле и Ева-Лотта торопливо попрощались и бросились наутек, но старик словно и не заметил этого. Он только тихо вздохнул и опустил шторы.

В темном закоулке позади дома Грена соединились вновь трое рыцарей Белой розы. Они крепко пожали друг другу руки, и вождь сказал:

— Хвалю за доблесть, орлы!

Но теперь надо было бежать, потому что в дальнем конце переулка послышался нарастающий шум. То Алые, наконец, пришли в себя и жаждали мести.

Уснувшие было в своих домишках обитатели Плutowской горки сразу проснулись. Насмерть перепуганные, они спросонок ничего не могли понять. Что это? Шабаш ведьм? Да что же это? Что случилось? Не волнуйтесь: это всего только трое благородных рыцарей Белой розы буйными скачками несутся по бульжной мостовой. А в пятидесяти метрах от них — столь же благородные рыцари Алой розы. Разумеется, их скачки не менее буйны, а пронзительные, возбужденные голоса по силе вряд ли уступают хорошей пожарной сирене.

Расстояние между противниками не сокращалось. Белые розы, петляя между домами, мчались так, что в ушах свистело. Радостной улыбкой встречали они доносившиеся издали громогласные декларации Сикстена о том, что произойдет, когда он их поймают.

Дикое упоение овладело Калле. Вот это жизнь! Это не хуже, чем ловить бандитов! Тем

более что выслеживать бандитов можно было только в воображении, а в действительности их, судя по всему, не существовало. Зато топот преследователей, прерывистое дыхание Андерса и Евы-Лотты, неровные булыжники под ногами, темные улочки и погруженные во мрак заманчивые закоулки и дворы, где можно спрятаться, — все это было на самом деле. И до чего же здорово! Как послушно тело, быстры ноги и как легко дышится! Калле мог бежать так хоть всю ночь. Он чувствовал в себе небывалые силы. Что там Алые, — целая свора гончих собак не догнала бы его сегодня!

А что, если подстроить так, чтобы преследователи гнались за ним одним? Легче будет запутать их совсем и отделаться от погони!

— Спрячьтесь! — крикнул Калле Андерсу и Еве-Лотте. — Я их обману!

Андерс нашел его предложение дельным. Когда надо обмануть Алых, все выдумки хороши! За следующим же углом Андерс и Ева-Лотта мгновенно влетели в темную подворотню и притаились там, безмолвные и запыхавшиеся.

В следующий миг из-за угла выскочили Алые. Они промчались мимо так близко, что Ева-Лотта едва удержалась, чтобы не дернуть Сикстена за рыжий чуб. Но Алые, ничего не заметив, без оглядки пронеслись мимо.

— Надули, как малых детей, — сказал Андерс. — Словно они никогда в кино не ходили, не видели, как это делается.

— А Калле нелегко придется, — Ева-Лотта озабоченно прислушалась к затихающему в темноте топоту. — Три противные рыжие лисицы гонятся за одним белым зайчиком, — добавила она, вдруг преисполнившись состраданием.

Когда Алые наконец сообразили, что часть добычи от них ускользнула, поворачивать было уже поздно. Оставалось только продолжать погоню за Калле. И уж они не жалели сил!

Сикстен летел как угорелый и на бегу клялся страшной клятвой, что если Калле и на этот раз уйдет от своей судьбы, то он, Сикстен, отпустит окладистую рыжую бороду в знак вечной печали и унижения. Вождь Алых слишком спешил, чтобы задуматься над тем, как он заставит бороду расти на своем гладком мальчишеском лице...

Калле тоже спешил. Он носился по переулкам Плutowской горки, выписывая самые замысловатые кривые. Но расстояние между ним и преследователями ни разу не увеличилось настолько, чтобы он мог совсем от них отделаться. Да Калле, наверное, и не хотел этого. Ему нравилось, что Алые розы бегут за ним по пятам, нравилось ощущать близкую опасность.

Погоня продолжалась в полном безмолвии. Вдруг тишину нарушил шум: кто-то заводил поблизости автомобиль.

Калле удивился. Откуда автомобиль на Плutowской горке? Не будь знаменитый сыщик так поглощен войной роз и не наступай сейчас свора Алых ему на пятки, он, наверное, заинтересовался бы этим. Сколько раз твердил он своему воображаемому собеседнику, как полезно быть повнимательнее, когда дело касается необычных явлений! Но сейчас Калле находится на военной службе. Ему было не до автомобиля, тем более что тот, очевидно, уже уехал. Во весь опор он летел дальше.

Ловкость Калле выводила Сикстена из себя. Наконец он предложил Йонте, лучшему бегуну школы, улучшить момент, побежать наперерез Калле и погнать его обратно прямо в объятия к Сикстену. И вот подходящий момент настал. На пути лежал проходной двор. Йонте свернул в него, надеясь перехватить неприятеля. Так и получилось. Мчавшийся очертя голову Калле на всем ходу вдруг застыл как вкопанный. Йонте стоял перед ним, словно вырос из-под земли. Очутившись между двух огней, Калле лихорадочно искал выхода. Пробиваться вперед? Нет, не годится. Пока он будет сражаться с Йонте, к тому подоспеют на помощь Сикстен и Бенка. И Калле решил брать хитростью.

— Ага! — торжествующе закричал Сикстен; всего десять шагов отделяли его от Калле. — Вот когда ты нам попался!

— Как бы не так! — отозвался Калле, и не успели Алые опомниться, как он перемахнул через ближайший забор.

Калле очутился в темном дворе и тут же ринулся дальше. Но Алые не отставали. Он слышал, как они шлепались с забора. Однако прислушиваться было некогда. Требовалось немедленно придумать способ вырваться на улицу, не перелезая через следующий забор. Ибо его владелец, кто бы он ни был, явно не одобрял такие затеи, как война Роз, — об этом красноречиво говорил ряд ужасной колючей проволоки, тянувшейся по верху забора.

— Что делать? — растерянно шептал Калле.

Времени на размышление не оставалось. Надо немедленно действовать! Калле быстро присел на корточки за мусорным ящиком. Сердце отчаянно колотилось. Авось, Алые его не заметят...

А преследователи были уже совсем рядом. Они переговаривались вполголоса и все искали, искали в темноте.

— Через забор он не мог перелезть, — сказал Йонте, — застрял бы на колючей проволоке. Уж я-то знаю, сам один раз пробовал.

— Выйти на улицу можно только через сени этого дома, — заключил Сикстен.

— А дом этот — старухи Карлссон, учти, — добавил Йонте, который знал Плutowскую горку как свои пять пальцев. — А старуха Карлссон злющая ведьма, ей лучше не попадайся!

«Хотел бы я знать, — думал Калле, — что хуже — попасть в лапы к Алым или к старухе Карлссон»

Алые продолжали поиски.

— По-моему, он где-то здесь, во дворе, — уверенно заявил Бенка. Он облазил все углы, и вот ликующий, хотя и приглушенный вопль возвестил, что Калле, притаившийся, словно тень, позади помойки, обнаружен.

Крик Бенки придал новые силы Сикстену и Йонте. Но, кроме того, он поддал силы старухе Карлссон. Почтенная дама уже давно прислушивалась к загадочному шуму у себя на заднем дворе. А она была не из тех, кто терпит у себя на дворе всякие загадочные шумы, когда можно попытаться их прекратить.

К тому времени Калле окончательно решил, что на все готов, только бы не попасться в плен к Алым, даже на небольшое вторжение в дом самой грозной личности на Плutowской горке. Увернувшись в последний миг от Сикстеновых кулаков, он спикировал прямо в сени к старухе Карлссон. Еще мгновение — и Калле прорвется на улицу! Вдруг кто-то преградил ему путь. Старуха Карлссон!..

Фру Карлссон спешила. Ей не терпелось покончить с этим загадочным шумом, кто бы его ни производил — крысы, воры или сам его величество король. Никто, кроме самой фру Карлссон, не имел права шуметь на ее заднем дворе!

Когда Калле, словно загнанный заяц, внезапно влетел в сени, хозяйка была настолько поражена, что от изумления пропустила его мимо себя. Но зато Сикстен, Бенка и Йонте, появившиеся вслед за ним, попали все трое прямо в ее распростертые объятия. Фру Карлссон крепко стиснула их и заорала ефрейторским басом:

— Так это вы здесь хулиганите, паршивцы! На моем дворе! Ну, уж это слишком! Это, ей-богу, слишком!

— Простите, — заговорил Сикстен, — мы только хотели...

— Что вы только хотели? — бушевала фру Карле сон. — Чего вы хотели на моем дворе, а?

Не без труда удалось им вырваться из ее крепких объятий.

— Мы только хотели... — заикался Сикстен, — мы хотели... мы заблудились в темноте.

И друзья опрометью кинулись бежать.

— Вот как! Ну, попробуйте еще раз заблудиться на моем дворе, — кричала им вслед фру Карлссон, — я на вас живо натравлю полицию, узнаете тогда!

Но Алые розы не слышали. Они уже были далеко.

Где же теперь Калле? Преследователи остановились, прислушиваясь, услышали вдали легкое «топ-топ-топ» и ринулись в ту сторону.

Калле слишком поздно понял, что попал опять в тупик. Эта улочка кончалась у реки, ему бы следовало помнить это. Конечно, можно прыгнуть в воду и переплыть на другой берег, но ведь потом всю голову продолбят дома из-за мокрой одежды. Во всяком случае, сначала надо испытать все другие мыслимые выходы.

«Хромой Фредрик! — осенило Калле. — Он живет вон в том домишке! Если его попросить, он наверняка спрячет!»

Хромой Фредрик был не только веселым городским забулдыгой, но и большим поклонником Белой розы. Похоже было, что он еще не спит: в окнах домика горел свет. А возле дома стоял автомобиль.

«Что за нашествие автомобилей сегодня на Плутовскую горку! А может быть, это тот самый, который я слышал недавно?» — недоумевал Калле.

Но гадать было некогда — его враги галопом неслись по улице.

Калле решительно рванул дверь и влетел в комнату.

— Здравствуй, Фредрик... — начал он, но тут же осекся.

Фредрик был не один. Он лежал в постели, а рядом сидел доктор Форсберг и щупал ему пульс. А доктор Форсберг, городской врач, был не кто иной, как Бенкин папа.

— Привет, Калле, — отозвался Фредрик слабым голосом. — Вот видишь, лежу тут, болею. Плохо мне. Скоро, наверное, на тот свет отправлюсь. Если бы ты слышал, как у меня бурчит в животе!

При других обстоятельствах для Калле было бы удовольствием послушать, как бурчит у Фредрика в животе, но только не сейчас. Он видел, что доктор Форсберг недоволен тем, что ему помешали, да Калле и сам понимал, что не годится входить в комнату больного, когда его осматривает врач. Оставалось одно: кинуться на улицу, навстречу опасности.

Но Калле недооценил умственные способности Алых. Они быстро смекнули, что он мог заскочить только к Фредрику, и теперь мчались сюда. Бенка первым ворвался в дверь.

— Ага, подлый пес, попался на месте преступления! — закричал он.

Доктор Форсберг обернулся и взглянул прямо в разгоряченное лицо своего сына.

— Это ты мне? — спросил он.

Бенка разинул рот от изумления и ничего не ответил.

— У вас что, эстафета какая-нибудь проходит через комнату Фредрика? И вообще, почему ты так поздно носишься по улицам?

— Я... я хотел только посмотреть, может быть, у больного... — замялся Бенка.

— Да, я у больного, — подтвердил папа. — Ты действительно, как сам выразился, застал подлого пса на месте преступления. Но я уже кончил, и мы сейчас же идем домой.

— Но, папа! — воскликнул Бенка в полном отчаянии.

Доктор Форсберг решительно захлопнул свой чемоданчик и мягко, но неумолимо взялся за светлые Бенкины кудри.

— Пойдем-ка, сыночек, — сказал он. — Покойной ночи, Фредрик! Вы еще долго проживете, обещаю вам.

Пока происходил этот разговор, Калле стоял в сторонке. На лице его все шире расплывалась улыбка. Какой удар для Бенки, какой ужасный удар! Влететь прямо в объятия к собственному папаше! Теперь отец отведет его домой, словно какую-то мелюзгу. И как раз когда он собирался схватить Калле! Ну, Бенка, держись! Пока длится война Роз, тебе еще не раз придется проглотить горькую пилюлю. Достаточно будет только сказать: «Пойдем-ка, сыночек!»

И, пока сильные руки отца неумолимо влекли Бенку к двери, Бенка осознал весь ужас происходящего. Он обязательно напишет статью в местную газету: «Нужно ли иметь родителей?» Он, конечно, глубоко ценит и отца и мать, но их непостижимая способность неизменно появляться в самые неподходящие моменты может довести до отчаяния самого терпеливого ребенка.

Подбежали запыхавшиеся Сикстен и Йонте, Бенка успел им шепнуть:

— Он в доме.

Потом Бенку повели к докторской машине — почему, ах, почему он не заметил ее раньше! — а Сикстен и Йонте провожали его взглядом, полным безграничного сострадания.

— Бедный парень, — сказал Йонте, глубоко вздохнув.

Но на вздохи и сожаления времени больше не оставалось. Трижды горе Белой розе, которая все еще водит их за нос! Калле должен быть схвачен, и притом сию же минуту!

Сикстен и Йонте ворвались к Фредрику. Но где же Калле?

— Здравствуй, Сикстен, и ты, Йонтик, — произнес Фредрик слабым голосом. Если бы вы только слышали, как у меня в животе бурчит! Так мне плохо...

— Фредрик, ты не видал Калле Блюмквиста? — прервал его Сикстен.

— Калле? Как же, он был здесь только что. Он выпрыгнул в окно, — сообщил Фредрик и коварно улыбнулся. Ага, этот негодяй выпрыгнул в окно! Ну да, оба окна были открыты, потому что доктор Форсберг считал, что в комнате душно. Замызганные, когда-то белые занавески колыхались от вечернего ветра.

— Йонте, давай за ним! — закричал Сикстен. — Каждая секунда дорога!

И они недолго думая кинулись в окна — каждый в свое. Сказано же — каждая секунда дорога!

В следующее мгновение послышался громкий плеск и вопли. Подумать только, даже Йонте, который родился на Плutowской горке, забыл, что окна Фредрикова домика обращены прямо на речку!

— Выходи, Калле, — сказал Фредрик слабым голосом. — Выходи, послушай, как у меня в животе бурчит.

И Калле вылез из шкафа. Приплясывая от удовольствия, он подбежал к окну и высунулся.

— Вы как, плавать умеете? — крикнул он. — Или сбегать за спасательным кругом?

— Лучше брось сюда свою дубовую башку — с ней хоть кто на воде удержится!

Разозленный Сикстен изо всей силы брызнул водой в лицо улыбающемуся врагу. Калле беззаботно вытерся и сказал:

— А вода-то какая теплая! Хорошо! Вы там организуйте себе длительный заплыв для укрепления здоровья!

— Нет, вы лучше ко мне зайдите, — позвал Фредрик слабым голосом. — Валяйте сюда, послушайте, как у меня в животе бурчит.

— Ну пока, я пошел, — попрощаются Калле.

— Скатертью дорожка, — пробурчал Йонте и взял курс на мостки поблизости, где обычно полоскали белье.

Погоня была окончена, Сикстен и Йонте это понимали. Калле пожелал Фредрику спокойной ночи и весело побежал к Ева-Лотте. Как говорилось раньше, в ее саду находилась пекарня, где булочник Лисандер ежедневно выпекал хлеб, булки и крендели на радость горожанам. А на чердаке булочной размещался прославленный штаб Белой розы. Чтобы попасть туда, надо было вскарабкаться по веревке, свисавшей из чердачного люка. Разумеется, на чердак вела также и лестница. Но какой же порядочный рыцарь Белой розы станет пользоваться таким пошлым приспособлением? Верный своему долгу, Калле тоже полез по веревке. Из окошка немедленно высунулись две головы.

— Значит, все в порядке! — радостно приветствовал его Андерс.

— Ага, сейчас услышите, — отозвался Калле.

Карманный фонарик слабо освещал штаб, где у стен был свален всевозможный хлам. На этом фоне и сидели, скрестив ноги, Белые розы и наслаждались рассказом об удивительном спасении Калле.

— Молодец, хвалю за храбрость! — воскликнул Андерс, когда Калле кончил.

— Что ж, по-моему, в первый день войны Белая роза не осрамилась, — подвела итог Ева-Лотта.

Внезапно тишину сада нарушил женский голос:

— Ева-Лотта, если ты сию же минуту не пойдешь домой спать, я пошлю за тобой папу!

— Иду, иду, мама! — крикнула Ева-Лотта.
Ее верные спутники поднялись, чтобы уходить.
— Пока! Завтра увидимся! — сказала она и весело рассмеялась собственным мыслям. — Алые-то думали вернуть себе Мумрика!
— Да только не тут-то было, — усмехнулся Калле.
— Эта ночь не принесла им удачи, — заключил Андерс и с достоинством съехал вниз по веревке.

7

«Наверное, нет на свете другого места, где жизнь была бы такая сонная, однообразная и скучная, как в нашем городишке, — думала фру Лисандер. — Да и как может что-нибудь случиться в такую жару?»

Она медленно шла между прилавками базара, рассеянно выбирая, что купить среди товаров, разложенных для обозрения. День был базарный, на улицах и площадях толпился народ, и, казалось бы, весь городок должен кипеть, но нет — он пребывал в своей обычной дремоте...

Тихо и сонно журчал напротив ратуши фонтанчик с бронзовыми львами, и сами львы тоже казались сонными. Музыка в открытом кафе у реки играла тихо и сонно что-то вроде «Спи моя радость, усни...» — это среди бела дня-то! Воробьи, подбиравшие крошки между столиками, время от времени тяжело подпрыгивали и тоже выглядели сонными и вялыми...

«Сонное царство», — подумала фру Лисандер.

Людям было лень двигаться. Они стояли кучками на базаре и лениво разговаривали друг с другом, и если нужно было сделать пару шагов, то делали их медленно, через силу. Вот что натворила жара.

Что и говорить, в эту последнюю среду июля жара стояла небывалая! Фру Лисандер всегда будет помнить этот день, как один из самых жарких дней в своей жизни. Вообще-то весь месяц держалась жара и засуха. Но сегодня июль, очевидно, решил превзойти самого себя, пока не истекло его время.

— Похоже, будет гроза, — говорили люди друг другу. Многие сельские жители уже запрягали лошадей. Они торопились домой раньше обычного, чтобы не попасть в грозу.

Фру Лисандер купила остаток черешен у крестьянина, который спешил распродать свой товар. Она сунула кулек в сетку, довольная дешевой покупкой, и уже собиралась идти дальше, когда подбежала вприпрыжку Ева-Лотта и загородила ей дорогу.

«Хоть кто-то наконец не сонный», — подумала фру Лисандер. Она нежно оглядела свое дитя, не упуская ни одной подробности: веселое лицо, живые голубые глаза, белокурые растрепанные волосы, длинные загорелые ноги и свежевыглаженное летнее платье.

— Я видела, как фру Лисандер покупала черешни. Нельзя ли ее дочери взять горсточку? — спросила Ева-Лотта.

— Конечно, можно, — сказала мама.

Она открыла кулек, и Ева-Лотта набрала полные пригоршни желто-красных ягод.

— Ты, кстати, куда? — спросила фру Лисандер.

— Этого я тебе не могу сказать, — и Ева-Лотта выплюнула косточку. Секретное задание. Страшно секретное задание!

— Вот как! Ладно, только не опоздай к обеду!

— За кого ты меня принимаешь? — возмутилась Ева-Лотта. — Я же всегда прихожу есть вовремя с тех самых пор, как прозевала манную кашу в день моих крестин.

Фру Лисандер улыбнулась.

— Я тебя люблю, — сказала она.

Ева-Лотта утвердительно кивнула — само собой разумеется! — и направилась дальше через площадь. Ее путь отмечали черешневые косточки.

Мама постояла немного, глядя ей вслед. Вдруг какая-то тревога сжала ее сердце.

Господи, до чего девочка худа, до чего маленькой и беззащитной она выглядит! Ведь не так давно она ела манную кашку, а теперь носится как угорелая с какими-то «секретными заданиями». Да хорошо ли это? Не мешало бы получше присмотреть за ней...

Фру Лисандер вздохнула и медленно пошла домой. Она чувствовала, что скоро сойдет с ума от этой жары, а в таком случае лучше уж сидеть дома.

Зато Еве-Лотте жара была нипочем. Она радовалась жаре, как радовалась людям на улицах и вкусным черешням. День был базарный, а ей нравились базарные дни. Строго говоря, Еве-Лотте нравились все дни, кроме тех, когда в школе был ручной труд. Но сейчас ведь каникулы!

Она медленно пересекла площадь, свернула на Малую улицу, прошла мимо летнего кафе и дальше к мосту. Вообще-то ей вовсе не хотелось удаляться от центра событий, но Ева-Лотта получила секретное задание и его надо было выполнить.

Вождь Белой розы приказал ей забрать Мумрика и перенести в более безопасное место. Ведь во время допроса Андерс чуть-чуть не проговорился. И можно голову дать на отсечение, что Алые с тех пор не переставали искать и перекопали каждый квадратный миллиметр вокруг тропинки позади Усадьбы. Но, поскольку никаких победных кличей не было слышно, можно почти с уверенностью сказать, что Мумрик остается там, куда его поместили Белые розы, — на большом камне у самой тропинки.

Мумрик лежал совсем на виду, в маленьком углублении на камне. Андерс утверждал, что найти его до смешного просто. И вопрос о том, когда Алые вонзят свои когти в драгоценный талисман, был теперь лишь вопросом времени. Но сегодня, в базарный день, Сикстен, Бенка и Йонте, наверное, как пришитые торчат у карусели или в тире в Летнем саду за вокзалом. Сегодня Ева-Лотта без помех может забрать Мумрика из его надежного убежища.

Андерс выбрал новый тайник для талисмана: в развалинах замка, возле колодца, во внутреннем дворе. Это означало, что Ева-Лотта в гнетущую жару и духоту должна сначала пройти длинный путь через Прерии, затем через весь город обратно, да еще потом карабкаться по крутой тропинке к развалинам на пригорке за городом, в стороне, прямо противоположной Усадьбе. Поистине надо быть очень преданным рыцарем Белой розы, чтобы безропотно согласиться на что-либо подобное. Таким преданным, например, например, как Ева-Лотта.

Некоторые могут сказать, что вполне достаточно будет если Ева-Лотта заберет Мумрика и просто-напросто сунет его себе в карман. А в новый тайник можно сходить и попозже, когда станет прохладнее. Но тот, кто так думает, ни бум-бум не понимает в Мумриках и войнах Алой и Белой розы.

Но почему препятать Мумрика поручили именно Еве-Лотте? Разве вождь Белой розы не мог послать Калле? В том-то и дело, что не мог: недогадливый папаша Блюмквист заставил Калле быть мальчиком на посылках и запасным продавцом в бакалейной лавке. День был горячий, деревенские жители приехали в город, чтобы возобновить свои запасы сахара, кофе и селедки.

Почему тогда не пошел сам вождь? Он должен был сидеть в сапожной мастерской своего отца. Сапожник Бенгтссон не любил работать в базарные дни. В такое время он бросал работу и «гулял». Но нельзя же из-за этого закрывать мастерскую. Кто-нибудь может принести ботинки, кто-нибудь может прийти за готовыми, тем более в базарный день. Поэтому сапожник торжественно поклялся хорошенько вздуть сына, если тот отлучится из мастерской хотя бы на пять минут.

Вот почему тайное, священное задание — перенести высокочтимого Мумрика из одного тайника в другой — поручили Еве-Лотте, преданному рыцарю Белой розы. И это было не просто поручение, а настоящая секретная миссия. Пусть солнце невыносимо печет над Прериями и на горизонте собираются черно-синие тучи! Пусть нельзя принять участие в базарной суматохе, пусть приходится покинуть «центр событий»!

И Ева-Лотта, свернув на мост, направилась к Прериям. Да, но только не всегда центр

событий лежит там, где царит базарная суматоха... В этот день центр событий лежал совсем в другом месте.

И голые загорелые ноги Евы-Лотты шагали как раз туда.

Все ниже и ниже нависают тучи. Иссиня-черные, грозные, даже чуть-чуть страшные... Ева-Лотта идет медленно — в Прериях до того жарко, что в воздухе дрожит марево.

Ух, до чего велики и широки Прерии! Пока их пересечешь, целая вечность пройдет. Но Ева-Лотта не одна идет здесь под палящим солнцем. Она почти обрадовалась, когда далеко впереди заметила старика Грена.

Грена ни с кем нельзя спутать. Ни у кого в городе нет такой ковыляющей походки. Похоже, что он тоже направляется к Усадьбе. Ага, вон он входит по той тропинке в орешник и скрывается из виду. Силы небесные, уж не охотится ли он тоже за Мумриком?

Ева-Лотта рассмеялась при мысли об этом. Но она тут же замолкла, пристально всматриваясь в солнечную мглу. Вон показался еще кто-то, с другой стороны, — наверное, не из городских, потому что он шагает по дороге, идущей мимо Усадьбы в деревню. Постой-ка, да это ж тот самый тип в габардиновых брюках! Ну конечно, сегодня ведь среда! Сегодня он должен погасить свои векселя или как он там сказал — векселя. Интересно, как это «гасят векселя»?.. Должно быть, сложная штука. А впрочем, ну его, это ростовщичество! Какой же все-таки чепухой занимаются взрослые!

«Мы встретимся, где обычно», — сказал тогда габардиновый тип. Выходит, это здесь. Но почему обязательно в том самом месте, где хранится Мумрик! Неужели нет других кустов, чтобы заниматься ростовщичеством? Очевидно, нет: вот уже и габардиновые брюки свернули по тропинке в орешник.

Ева-Лотта еще немного замедляет шаг. Особенно ей спешить некуда, пусть этот парень спокойно погасит свои векселя, потом она заберет Мумрика. А пока можно зайти в Усадьбу и попробовать разобраться немного во всех этих комнатах и закоулках. Ведь Усадьба скоро может опять стать театром военных действий, и тогда это здорово пригодится.

Она выглядывает в окно. Ого, все небо почернело! Солнце спряталось, издалека слышится угрожающий гул. Прерии выглядят мрачными и пустынными. Надо торопиться, забирать Мумрика и бежать отсюда! Она выскакивает из дверей, бежит изо всех сил по тропинке через орешник и все время слышит угрожающие раскаты грома, бежит дальше, бежит... и вдруг растерянно останавливается.

Ева-Лотта с размаху налетела на кого-то, кто шел по тропинке с противоположной стороны и так же торопился, как и она. Сначала она различает только темно-зеленые габардиновые брюки и белую рубашку, но потом поднимает голову и видит лицо. О, какое лицо — бледное, исполненное отчаяния и страха! Неужели взрослый мужчина может так бояться грозы? Еве-Лотте почти жаль его.

Но ему, очевидно, не до нее. Он бросает на нее мимолетный взгляд, одновременно испуганный и злой, потом торопится дальше по узкой тропинке.

Ева-Лотта не любит, когда на нее смотрят так неприязненно. Она привыкла, что люди веселят, глядя на нее. И ей хочется, пока он еще не скрылся из виду, показать, что она настроена благожелательно и с ней нужно обращаться подобающим образом.

— Скажите, пожалуйста, который час? — спрашивает Ева-Лотта вежливо, спрашивает просто так, чтобы сказать что-нибудь.

Незнакомец вздрагивает и неохотно останавливается. Сначала кажется, что он не будет отвечать, но наконец он смотрит на часы и бормочет невнятно:

— Без четверти два.

И бросается бежать. Ева-Лотта смотрит ему вслед. Она видит: у него из кармана торчит пачка бумаг. Из кармана зеленых габардиновых брюк.

И вот он ушел. Но на тропинке осталась лежать скомканная белая бумажка. Он уронил ее в спешке.

Ева-Лотта поднимает ее и с любопытством рассматривает. Наверху написано: «Вексель». Так вот они какие, эти векселя! Стоит ли из-за них так беспокоиться?

Оглушительный раскат грома заставляет Еву-Лотту подскочить от испуга. Вообще-то она не боится грозы. Но сейчас, именно сейчас, когда она одна в Прериях! Ой, как неприятно здесь стало вдруг! В кустарнике темно, и в самом воздухе чувствуется что-то страшное и зловещее. Почему она не дома?.. Надо спешить, спешить изо всех сил.

Но сперва надо забрать Мумрика. Рыцарь Белой розы остается верен своему долгу, даже если сердце ушло в пятки. До камня остается всего несколько шагов, мимо вон тех кустов... Ева-Лотта бежит...

...Сначала она только тихонечко всхлипывает. Стоит совсем неподвижно, смотрит и всхлипывает. Может быть, о, может быть, это ей только снится?.. Может быть, там вовсе и не лежит... не лежит кто-то, скорчившись, возле камня?..

Потом Ева-Лотта закрывает лицо руками, поворачивается и бежит. Странные, ужасные звуки рвутся из ее груди. Она бежит, хотя ноги ее дрожат. Она не слышит раскатов грома и не чувствует дождя. Не чувствует, как ветви орешника бьют не по лицу. Она бежит, как бегут во сне от неведомой опасности.

Через Прерии... Через мост, по хорошо знакомым улицам, вдруг опустевшим под проливным дождем...

Дома! Дома! Наконец-то! Ева-Лотта толкает садовую калитку. Там, в пекарне, — папа. В белой пекарской одежде он стоит среди своих противней. Большой, спокойный, как всегда. Стоит только подойти к нему поближе, как ты весь окажешься в муке.

Да, папа — такой же, как всегда, хотя мир вокруг переменялся, и стал страшным, и в нем больше невозможно жить... Ева-Лотта опрометью кидается в объятия отца, прижимается к нему, крепко-крепко обвивает руками его шею, прячет залитое слезами лицо у него на груди и жалобно всхлипывает:

— Папочка, помоги! Старик Грен...

— Что случилось, доченька, что с ним такое?

А она отвечает совсем тихо, дрожа всем телом:

— Он лежит мертвый в Прериях.

8

Неужели это тот самый городок, который совсем недавно был сонным, спокойным, тихим?

Сейчас его не узнать.

За какой-нибудь час все переменялось. Городок жужжал, словно пчелиный улей. Полицейские машины приезжали и уезжали, телефоны звонили, жители обсуждали, строили догадки и предположения, волновались, спрашивали полицейского Бьорка, правда ли, что убийца уже схвачен. И озабоченно качали головами: «Вот ведь как нехорошо вышло с беднягой Греном... да-а-а... А впрочем, он и сам-то был не такой уж чистенький, так что, может, оно и не удивительно... хотя все же... Вот ужас-то какой!»

Огромные толпы любопытных устремились в Прерии. Но вся территория вокруг Усадьбы была оцеплена и никого не пропускали. Полиция удивительно быстро перебросила туда своих людей.

Расследование было в полном разгаре. Все фотографировалось, каждый метр земли исследовался, все заносилось в протокол. Оставил ли преступник хоть какие-нибудь следы? Нет, ничего! Если что-нибудь и было, все смыл проливной дождь. Даже окурка не осталось. Судебный врач, обследовавший тело, мог только установить, что Грен убит выстрелом в спину. Бумажник и часы его остались целы. Очевидно, убийство было совершено не с целью ограбления.

Комиссар уголовной полиции хотел поговорить с девочкой, которая обнаружила тело, но доктор Форсберг не разрешил. Девочке надо успокоиться и прийти в себя, сказал он. Как ни тревожила комиссара такая задержка, пришлось повиноваться. Во всяком случае, доктор Форсберг смог ему рассказать, что девочка плакала и часто повторяла: «Он в зеленых

габардиновых брюках!» Очевидно, она имела в виду убийцу.

Но нельзя же рассылать по всей стране описание примет, где будет значиться лишь пара зеленых габардиновых брюк! Даже если девочка видела именно убийцу, в чем комиссар не был убежден, тот к этому времени наверняка успел переодеться. И все же на всякий случай комиссар разослал во все полицейские участки телеграммы с указанием следить за всеми подозрительными габардиновыми брюками. Оставалось только продолжать расследование и ждать, пока девочка настолько поправится, что с ней можно будет обстоятельно поговорить.

Ева-Лотта лежала в маминой постели. Более безопасного места она не могла себе представить. Приходил доктор Форсберг и дал ей лекарство, чтобы она хорошо спала и не видела страшных снов. К тому же мама и папа обещали сидеть около нее всю ночь.

И все равно... Назойливые мысли путались в голове у Евы-Лотты. Зачем только она пошла в эту Усадьбу! Теперь все разбито. Никогда в жизни ей уже не будет весело. Да и как веселиться, когда люди поступают так плохо друг с другом! Конечно, она и раньше знала, что случаются такие вещи, но знала не так, как сейчас. Подумать только: еще вчера они с Андерсом дразнили Калле и говорили об убийцах, как о чем-то смешном, даже подшучивали! Сейчас ей становилось не по себе при одной мысли об этом. Больше она никогда так не будет делать! О таком нельзя даже в шутку говорить, потому что можно накликасть беду и все произойдет на самом деле. А вдруг это она виновата, что Грена... что Грена... нет, она не хочет об этом думать. Но она теперь станет совсем другой, да, да, обязательно! Она станет немножко женственнее, как тогда сказал дядя Бьорк, и никогда больше не будет участвовать в войне Роз — ведь именно из-за этой войны Ева-Лотта оказалась замешанной в ужасном... Нет, лучше не думать, а то голова лопнет...

Все, с войной роз покончено. Она никогда не будет больше играть. Никогда! Ой, до чего же будет скучно!

Глаза Евы-Лотты опять наполнились слезами, и она схватила мамину руку.

— Мама, я чувствую себя такой старой, — сказала она плача. — Как будто мне пятнадцать лет!

Потом Ева-Лотта уснула. Но, прежде чем погрузиться в целительный сон, она вспомнила про Калле. Что он думает обо всем этом? Калле столько лет выслеживал преступников — что он делает сейчас, когда на самом деле появился убийца?

* * *

Весть об ужасном событии застала знаменитого сыщика Блюмквиста за прилавком отцовского магазина. Он как раз заворачивал покупателю две селедки в газетную бумагу; в этот момент в лавку на всех парусах влетела фру Карлссон с Плutowской горки, нафаршированная новостями. В две минуты лавка превратилась в кипящий котел — вопросы, восклицания, крики ужаса... Торговля прекратилась, все окружили фру Карлссон. А она тархтела без умолку, рассказывая все, что знала, и даже больше.

Знаменитый сыщик Блюмквист, человек, призванный охранять безопасность общества, стоял за прилавком и слушал. Он ничего не говорил. Он не задавал вопросов. Он стоял будто парализованный. Выслушав основное, он незаметно выскользнул в кладовку и уселся на пустой ящик.

Калле сидел там долго. Вы полагаете, он разговаривал со своим воображаемым собеседником? Действительно, момент как будто подходящий! Но нет, он ни с кем не разговаривал. Он думал.

«Калле Блюмквист, — думал он, — ты тюфяк. Обыкновенный драный тюфяк, вот ты кто! Знаменитый сыщик? Да из тебя такой же сыщик, как из старой рогатки — ружье! В городе могут происходить самые ужасные преступления, а ты стоишь себе за прилавком и заворачиваешь селедку. Что ж, продолжай в том же духе, хоть какая-нибудь польза от тебя!»

Так он сидел, положив голову на руки, погруженный в мрачные раздумья. Ну почему имекно сегодня он должен был помогать в лавке? Ведь иначе Андерс послал бы его, а не Еву-Лотту. И тогда убитого обнаружил бы Калле. А может быть, он пришел бы как раз вовремя, чтобы предотвратить преступление и с многочисленными увещеваниями препроводить преступника за решетку? В общем, так, как он это обычно делал...

Но тут же Калле со вздохом вспомнил, что он это делал лишь в воображении. Вдруг Калле полностью осознал все, что произошло, и случившееся потрясло его настолько, что он сразу потерял всякое желание быть знаменитым сыщиком. Это не убийство понарошку, которое можно с блеском разоблачить, а потом сидеть и хвастаться перед воображаемым собеседником. Нет, это действительность, настолько страшная и отвратительная, что Калле почти стало нехорошо. Он презирал себя за это, но он радовался, искренне радовался, что не был сегодня на месте Евы-Лотты. Бедняжка Ева-Лотта!

Калле решил уйти из лавки не спрашиваясь. Ему было совершенно необходимо поговорить с Андерсом. О том, чтобы прорваться к Еве-Лотте, он и не мечтал, фру Карлссон, причитая, сообщила, что «булочникова девочка еле жива, и у нее врач», и теперь об этом знал уже весь город.

Один только Андерс ничего не знал. Он сидел в мастерской и читал «Остров Сокровищ». С самого утра к нему никто не заходил, и слава богу, ибо Андерс пребывал сейчас на тропическом острове, окруженный злобными пиратами, — до подметок ли тут? Когда Калле без стука толкнул дверь, Андерс уставился на него так, словно ожидал увидеть самого одноногого Джона Сильвера, и был приятно удивлен, обнаружив, что это всего лишь Калле. Он вскочил со своей трехногой табуретки и с увлечением загорланил:

Пятнадцать человек на сундук мертвеца,

Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Калле передернуло.

— Замолчи, — сказал он. — Да замолчи ты!

— Во-во, учитель пения то же самое говорит, как только я запою, — охотно согласился Андерс.

Калле хотел что-то сказать, но Андерс предупредил его:

— Не знаешь, Ева-Лотта забрала Мумрика?

Калле взглянул на него с упреком. Сколько еще глупостей Андерс успеет нагородить, прежде чем Калле сможет ему рассказать все? Он еще раз попытался заговорить, но Андерс опять перебил. Предводитель Белой розы слишком долго сидел молча, и теперь его прорвало. Он сунул под нос Калле «Остров Сокровищ».

— Вот это книга! Мировая! — горячился он. — До того интересно, ну просто невозможно. Вот когда надо было жить! Тогда были приключения! А сейчас и не случается ничего.

— Ничего? — воскликнул Калле. — Да ты понимаешь, что ты говоришь?

И он рассказал Андерсу, что случается в наше время. Темные глаза Андерса потемнели еще больше, когда он услышал, к чему привел его приказ о перемещении Мумрика. Он хотел сию же минуту бежать к Еве-Лотте и если не утешить ее, то хотя бы как-то показать, что считает себя последней свиньей за то, что послал ее с этим поручением.

— Но ведь я же не мог знать, что там будут лежать мертвецы! — пробурчал он уныло.

Калле сидел напротив и рассеянно вколачивал в стол деревянные гвоздики.

— Откуда же ты мог знать, — отозвался он. — Это ведь не часто бывает.

— Что?

— Да мертвецы возле Усадьбы.

— Вот именно, — сказал Андерс. — А с Евой-Лоттой ничего страшного не будет, вот увидишь. Другая бы девчонка сразу — брык в обморок, а Ева-Лотта нет. Она еще расскажет полиции кучу важных сведений.

Калле кивнул.

— Она, может, видала кого-нибудь... ну, того, кто мог это сделать.

Андерс вздрогнул. Но он был далеко не так подавлен, как Калле. Необычайные события, пусть даже страшные, только будили жажду деятельности в этом веселом, рассудительном и очень активном парне. Ему хотелось что-то делать сейчас же, немедленно. Кинуться выслеживать преступника и изловить его — хорошо бы в течение одного часа. Он не был мечтателем, как Калле.

Конечно, было бы несправедливо утверждать, будто мечтательность мешает Калле быть деятельным, — некоторые на собственной шкуре убедились в обратном, — но деятельности Калле всегда предшествовали длительные размышления. Он любил посидеть и подумать и, надо признать, выдумывал иногда хитроумнейшие вещи, но чаще всего это все же были беспочвенные фантазии.

Андерс не фантазировал. Он не тратил зря время на размышления. Энергия из него так и была ключом, сидеть спокойно для него было истинным мучением. Не случайно он стал вождем Белой розы. Жизнерадостный, говорливый, находчивый, всегда готовый стать во главе, что бы ни затевалось, он больше всех подходил для этого.

Более слабая натура на его месте страдала бы от таких домашних условий, под гнетом отца-тирана. Но не таков был Андерс. Он только старался поменьше бывать дома, а стычки с отцом переносил с неизменным душевным спокойствием. Всякая ругань отскакивала от Андерса, как от стенки горох, и через пять минут после самой основательной выволочки он вылетал на улицу такой же веселый, как всегда. Для Андерса было просто невысказано сидеть в мастерской сложа руки, когда более важные вещи требовали его немедленного вмешательства.

— Пошли, Калле, — решительно сказал он. — А мастерскую я запру, и пускай папаша делает что хочет.

— Ты думаешь, ничего? — спросил Калле. Он хорошо знал нрав сапожника.

Но Андерс только свистнул в ответ.

Однако надо же как-то объяснить клиентам, если они придут, почему мастерская закрыта, да еще и среду. Андерс взял карандаш и написал печатными буквами на клочке бумаги:

ЗАКРЫТО ПО ПРИЧИНЕ УБИЙСТВА

Затем прикрепил бумажку к двери и повернул ключ.

— Да ты что, с ума сошел? — встрепнулся Калле, увидев объявление. — Так нельзя.

— Разве нельзя? — произнес Андерс нерешительно.

Он склонил голову набок и подумал. А может, Калле прав — еще истолкуют не так! Он сорвал бумажку, влетел в мастерскую и написал новое объявление. В следующее мгновение Андерс уже быстро шагнул прочь, сопровождаемый Калле.

А немного спустя из дома напротив пришла фру Магнуссон забрать туфли из починки. Она остановилась перед дверью и, вытаращив глаза от изумления, прочла:

ПО СЛУЧАЮ ПОДХОДЯЩЕЙ ПОГОДЫ СИЯ МАСТЕРСКАЯ ЗАКРЫТА

Фру Магнуссон покачала головой. У этого сапожника и раньше были не все дома, но теперь, видно, дело приняло серьезный оборот. «Подходящая погода», — слышали вы что-либо подобное?!

* * *

Андерс торопился в Прерии. Калле шел за ним очень неохотно, его туда ничуть не

тянуло. Но Андерс был твердо убежден, что полиция с нетерпением ждет помощи Калле. Конечно, Андерс не раз подтрунивал над причудами знаменитого сыщика. Однако теперь, когда было совершено настоящее преступление, он забыл об этом. Теперь он помнил только о замечательных успехах Калле в прошлом году. Ведь это благодаря ему поймали тогда бандитов! Что и говорить, Калле — выдающийся сыщик. Андерс охотно признавал его превосходство и не сомневался, что полиция не забыла заслуг Калле Блюмквиста.

— Ну как ты не понимаешь — они же будут рады, если ты предложишь им свои услуги. Да для тебя разобраться в этом — плевое дело! А я буду у тебя помощником.

Калле очутился в трудном положении. Не мог же он объяснить Андерсу, что запросто управляется лишь с незаправдашними убийцами, а настоящие вызывают в нем только отвращение. Он плелся так медленно, что у Андерса лопнуло терпение.

— Да пошевеливайся ты! — воскликнул он наконец. — Ведь в таких случаях каждая секунда дорога! Как будто не знаешь.

— По-моему, пускай полиция сама этим занимается, — сказал Калле, чтобы выйти из затруднения.

— И это говоришь ты! — пришел в ярость Андерс. — Ты же знаешь, как они могут запутать дело, сам сколько раз говорил. Не валяй дурака, пошли!

Он схватил упирающегося сыщика за руку и потащил за собой.

Так они дошли до оцепленного места.

— Послушай, — спохватился Андерс, — мы же совсем забыли!

— Что забыли?

— Мумрика-то оцепили! Если Алые захотят его взять, им надо прорываться через полицейский кордон.

Калле задумчиво кивнул. Многого пришлось пережить Мумрику, но под охраной полиции он находился впервые.

В оцеплении патрулировал полицейский Бьорк, и Андерс подскочил прямо к нему. Он приволок за собой Калле и поставил его перед Бьорком — ни дать ни взять пес, который притащил хозяину вещь и ждет за это похвалы.

— Дядя Бьорк, вот Калле пришел, — произнес он с надеждой.

— Вижу, — отозвался Бьорк. — А что ему нужно?

— Как — что? Пустите его туда, чтоб он мог поразведать. Обследовать место преступления...

Но Бьорк покачал головой, и вид у него был ужасно серьезный.

— Идите-ка отсюда, ребятки. Идите домой! И скажите спасибо, что вы еще такие маленькие и ничего не понимаете.

Калле покраснел. Он прекрасно понимал. Отлично понимал, что здесь не место знаменитому сыщику Блюмквисту с его волевым лицом и громкими словами. Но как растолковать это Андерсу?

— Вот всегда так! — язвительно заметил Андерс, когда они брели обратно в город. — Даже если бы ты разоблачил все убийства с времен доисторического человека, все равно полиция лопнет, а не признает, что частный сыщик на что-нибудь годится.

Калле было очень не по себе. Что-то в этом роде он сам говорил десятки раз. Он искренне хотел, чтобы Андерс переменял тему. Но Андерс продолжал:

— Рано или поздно они-таки сядут в лужу. Но ты обещаешь мне, что не возьмешься за дело, пока они не станут умолять тебя на коленях.

Калле охотно обещал.

На каждом шагу им попадались молчаливые кучки людей. Они неотступно смотрели в сторону кустарников, где следователи пытались сейчас найти разгадку драмы, стоившей человеку жизни. Сегодня в Прериях было удивительно тихо. Калле ощущал небывалую тяжесть на душе. Даже на Андерса подействовала наконец гнетущая атмосфера. Может быть, дядя Бьорк прав? Пожалуй, эта задача и в самом деле не по плечу Калле, каким бы искусным сыщиком он ни был. Друзья уныло плелись домой...

Сикстен, Бенка и Йонте тоже направлялись домой из Прерий. Сегодня они, как и предполагал Андерс, взяли себе выходной от войны роз и провели немало счастливых часов, катаясь на карусели и стреляя в цель в тире. Но полчаса назад ужасная новость долетела до парка, и он тут же опустел. Сикстен, Бенка и Йонте вместе со всеми кинулись в Прерии — лишь для того, чтобы убедиться, что с таким же успехом могли идти прямо домой. В тот самый момент, когда они пришли к этому выводу, им встретились Андерс и Калле.

Сегодня Алые и Белые розы не обменивались взаимными оскорблениями. Неустрашимые войны притихли, и физиономии у них были бледные. Дружной стайкой все пятеро направились в город, по дороге думая о смерти больше, чем когда-либо за всю свою мальчишечью жизнь Ребята глубоко сочувствовали Еве-Лотте.

— Ведь, правда, жалко ее, — сказал Сикстен, — говорят, она совсем скисла. Все лежит и плачет.

Во всей этой ужасной истории именно это обстоятельство, пожалуй, больше всего потрясло Андерса. Несколько раз он судорожно глотнул. Ведь это из-за него плачет Ева-Лотта...

— Ее бы навестить надо, — вымолвил он наконец, — цветочков передать или что-нибудь такое...

Остальные четверо вытаращили на него глаза. Разве с Евой-Лоттой настолько плохо? Посылать цветы девчонке — да он, должно быть, убежден, что Еве-Лотте совсем конец приходит!

Однако чем больше они размышляли, тем благороднее казалась им мысль Андерса. Ева-Лотта должна получить цветок, она его честно заслужила. Глубоко взволнованный Сикстен пошел домой, стянул одну из маминых красных гераней, и все пятеро торжественно отправились с цветком к Еве-Лотте.

Ева-Лота спала, и ее нельзя было беспокоить. Но мама взяла цветок и поставила у ее изголовья, чтобы она увидела его, когда проснется. Это был не последний подарок Еве-Лотте за ее участие в драме...

9

На веранде сидели в ожидании комиссар полиции, полицейский Бьорк и один из приехавших сыщиков. Важно, чтобы девочка не волновалась на допросе, считал комиссар. Она и без того напугана. Очень хорошо, что с ними Бьорк: он работает здесь и знает девочку. А чтобы придать всему характер небольшой дружеской беседы, допрос будет происходить здесь, у девочки дома, на солнечной веранде, а не в полицейском участке. Незнакомое окружение всегда нервирует детей, считал комиссар. Чтобы девочку не беспокоить лишний раз, ее показания запишут на магнитофон. Ей же легче будет забыть, когда она расскажет все, что знает. Забыть, что на свете есть такие страшные вещи.

Так считал комиссар. И вот теперь они сидели и ждали, когда выйдет Ева-Лотта. Было раннее утро, и она еще только встала. Пока они ждали, фру Лисандер подавала кофе со свежими булочками. Это было очень кстати, потому что бедняги полицейские работали почти всю ночь и не успели ни поесть, ни поспать.

А утро выдалось чудесное. Воздух чист и свеж после вчерашней грозы, розы и пионы в саду чисто умыты, на старой яблоне возле дома весело щебечут синицы и зяблики. На веранде приятно пахнет кофе. Полный уют! Трудно было поверить, что трое мужчин за столом — полицейские при исполнении служебных обязанностей и что они заняты расследованием убийства. В такое безмятежное летнее утро не хотелось верить, что существует что-либо подобное.

Комиссар взял третью булку и сказал:

— Откровенно говоря, сомневаюсь, что девочка — ее, кажется, зовут Ева-Лотта? — сможет нам рассказать что-нибудь существенное. Вряд ли ее показания продвинут нас сколько-нибудь значительно вперед. Дети не способны к дельным наблюдениям. У них

слишком развито воображение.

— Ева-Лотта довольно дельный ребенок, — заметил Бьорк.

На веранду вышел булочник. Лоб его пересекала морщинка, которой обычно не было. Он глубоко переживал за свое единственное и любимое дитя, а тут еще пришлось разрешить полицейским мучить ее вопросами.

— Она сейчас придет, — сдержанно сообщил он. — Разрешите мне присутствовать?

Подумав, комиссар согласился, При условии, что булочник не произнесет ни слова и никак не будет вмешивать в допрос.

— Ну что ж, оставайтесь. Ева-Лотта будет чувствовать себя спокойнее. А то еще испугается меня.

— Почему это я должна вас бояться? — послышался из дверей спокойный голос, и Ева-Лотта вышла на солнышко.

Она серьезно глядела на комиссара. Да, почему она должна его бояться? Ева-Лотта не привыкла бояться людей. Ей чаще всего встречались симпатичные, приветливые и доброжелательные люди. Только вчера она впервые по-настоящему поняла, что среди людей могут быть и злые. Но у нее не было никаких оснований причислять к ним комиссара полиции. Она знала, что он пришел сюда выполнять свой долг. Знала, что должна все рассказать ему об этой ужасной истории в Прериях, и приготовилась это сделать. Чего же тут бояться?

Голова у нее была тяжелая после всех слез и глубокого сна. Куда подевалась ее веселость... Но Ева-Лотта была теперь спокойной, совершенно спокойной.

— Доброе утро, Л иза-Л отточка, — бодро сказал комиссар.

— Ева-Лотта, — поправила Ева-Лотта. — Доброе утро!

— Да-да, конечно, Ева-Лотта! Иди сюда и садись, Ева-Лотточка, мы немножко поболтаем. Совсем немного, а потом ты сможешь опять заняться своими куклами.

И это он говорил Еве-Лотте, которая чувствовала себя такой старой, почти пятнадцатилетней!

— В куклы я перестала играть лет десять назад, — сообщила Ева-Лотта.

А Бьорк, похоже, прав — ребенок и вправду дельный!

Комиссар понял, что ему надо переменить тон и говорить с Евой-Лоттой, как со взрослой.

— Ну, рассказывай все, — предложил он. — Ты ведь была на месте преступл... ты ведь была в Прериях вчера днем? Как это получилось, что ты пошла туда совсем одна?

Ева-Лотта поджала губы.

— Это... этого я не могу сказать. Это секрет. Я выполняла секретное задание.

— Дорогое мое дитя, — возразил комиссар. — Мы расследуем убийство и не признаем никаких секретов. Так зачем ты отправилась вчера к Усадьбе?

— Забрать Мумрика, — ответила Ева-Лотта надувшись.

Потребовалось довольно обстоятельное объяснение, чтобы комиссар полностью уяснил себе, что за штука был Мумрик. А в протоколе, составленном после допроса, значилось очень кратко: «О себе Лисандер рассказала, что 28 июля после полудня она отправилась на пустырь, расположенный к западу от города, чтобы забрать так называемого Мумрика».

— Ты кого-нибудь там видела? — спросил комиссар, когда прояснилась тайна Мумрика.

— Да, — Ева-Лотта кивнула, — Грена... и еще одного... Комиссар оживился.

— Расскажи поподробней, как и где ты их видела. И Ева-Лотта рассказала. Она увидела Грена со спины, на расстоянии около ста метров.

— Стоп, — возразил комиссар. — Как ты могла узнать Грена на таком большом расстоянии?

— Сразу видно, что вы не здешний, — сказала Ева-Лотта. — Да здесь каждый узнал бы Грена по походке. Разве не так, дядя Бьорк?

Бьорк подтвердил, что это так. Ева-Лотта продолжала свой рассказ о том, как Грен

свернул на тропинку и исчез в кустах, как потом с другой стороны появился тот тип в темно-зеленых брюках и исчез в том же направлении...

— Ты не помнишь, в котором часу это было? — спросил комиссар, хотя отлично знал, что дети редко указывают точное время.

— В половине второго, — ответила Ева-Лотта.

— Откуда ты знаешь, ты смотрела на часы?

— Нет, — сказала Ева-Лотта и побледнела. — Я спросила уб... убийцу минут через пятнадцать.

Комиссар взглянул на своих коллег. Слыхали вы что-нибудь подобное? Пожалуй, допрос даст больше, чем он ожидал!

Он наклонился и внимательно посмотрел Еве-Лотте прямо в глаза.

— Ты говоришь, что спросила убийцу. И ты берешь на себя смелость решить, кто убил Грена? Может, ты видела, как это произошло?

— Нет. Но если я вижу, как человек скрывается в кустах, а за ним туда кидается другой человек, и потом я через несколько минут нахожу первого человека мертвым, то, естественно, подозреваю второго, кого же еще? Конечно, Грен мог споткнуться, упасть и разбиться, но пускай мне это еще докажут.

Да, Бьорк действительно прав, очень дельный ребенок!

А Ева-Лотта уже рассказывала, как зашла в Усадьбу переждать, когда те двое направились по тропинке, где лежал Мумрик. И что она там оставалась самое большее пятнадцать минут.

— А потом? — спросил комиссар.

Глаза Евы-Лотты потемнели, ей было тяжело. О том, что произошло потом, рассказывать было трудней всего.

— Я наскочила прямо на него на тропинке, — произнесла она тихо. — Я спросила, который час, он ответил: «Без четверти два».

Комиссар был доволен. Судебный врач смог установить, что убийство произошло что-то между двенадцатью и тремя, а показания этой девчужки давали возможность определить время гораздо точнее — между половиной второго и без четверти два. Очень важно знать, когда именно было совершено преступление. Ева-Лотта оказалась поистине бесценным свидетелем!

Он продолжал спрашивать:

— Как этот мужчина выглядел? Расскажи все, что ты помнишь, все подробности.

Ева-Лотта опять назвала темно-зеленые габардиновые брюки. Потом стала вспоминать еще. Белая рубашка... Темно-красный галстук... Ручные часы... Да, и много-много черных волос на руках.

— Какое у него лицо? — Комиссар даже привстал от волнения.

— У него усы и длинные темные волосы, они ему падали на лоб. Он не такой уж старый. Лицо довольно приятное. Только он был очень испуганный и злой. И бросился от меня бежать. Он так торопился, что уронил один вексель и не заметил.

У следователя дух захватило.

— Что, что ты говоришь? Что он уронил?

— Вексель, — важно повторила Ева-Лотта. — Вы разве не знаете, что это такое? Просто такая маленькая бумажка, и на ней написано «Вексель». Уверяю вас, самая обыкновенная бумажка. А из-за этих векселей, знаете, такой шум бывает!

Комиссар опять взглянул на своих коллег. Вчерашний допрос соседей Грена на Плutowской горке показал, что старик неплохо прирабатывал, ссужая деньги под проценты. Многие заметили, что по вечерам к нему приходили какие-то таинственные личности, хотя и не так часто. Очевидно, Грен предпочитал встречаться со своими клиентами за городом. При обыске у него дома обнаружили множество векселей на разные фамилии. Полиция записала все фамилии, чтобы отыскать его таинственных клиентов. Ведь один из них мог оказаться убийцей! Комиссар с самого начала догадывался о причине убийства: кто-то, запутавшись в

своих денежных делах, решил разом покончить со всеми осложнениями. Да, скорее всего, так и было. И, конечно, идя на такое дело, преступник был уверен, что сумеет уничтожить все опасные для него бумаги.

И вот сейчас девочка говорит, что убийца потерял один вексель. Вексель, на котором стоит его фамилия, фамилия убийцы! Комиссар так волновался, что голос его невольно дрожал, когда он задавал следующий вопрос:

— Ты подняла вексель?

— Конечно.

— Что же ты с ним сделала? — спросил комиссар затаив дыхание.

Ева-Лотта задумалась. Стало совсем тихо. Только зяблик на яблоне продолжал чирикать.

— Не помню, — сказала наконец Ева-Лотта.

Комиссар издал тихий стон.

— Честное слово, это была просто маленькая бумажечка, — повторила еще раз Ева-Лотта, чтобы его утешить.

Тогда комиссар, взял ее за руку и с чувством, с толком, с расстановкой объяснил: вексель — это довольно важная бумага, в ней человек подтверждает, что одолжил у кого-то деньги и обязуется их вернуть. Обязательство он скрепляет своей подписью. Тот, кто убил Грена, очевидно, поступил так потому, что не имел денег расплатиться. Он хладнокровно застрелил человека, чтобы отобрать у него те самые векселя, которые Ева-Лотта считала такими пустяками. И на бумажке, которую он уронил, написана его фамилия. Теперь-то Ева-Лотта понимает, что она непременно должна попытаться вспомнить, куда дела вексель.

Ева-Лотта поняла и старалась изо всех сил. Она помнила, как стояла там с векселем в руке. Помнила, что именно в тот момент раздался страшный удар грома. Но дальше она ничего не помнила... Кроме, конечно, самого ужасного, что произошло после. Нет, она не помнит, куда дела вексель. Упавшим голосом Ева-Лотта призналась в этом комиссару.

— Ты случайно не прочитала фамилию на векселе?

— Нет.

Комиссар вздохнул, но потом подумал, что нельзя же ждать, чтобы все само шло в руки. Допрос девочки и без того дал очень много. Нельзя же требовать, чтобы имя убийцы принесли ему на тарелочке. Все же, прежде чем продолжить разговор с Евой-Лоттой, он позвонил в участок и распорядился тщательно обыскать все Прерии. Место преступления, разумеется, уже обследовали самым тщательным образом, но бумажку могло унести ветром. А ее надо найти, во что бы то ни стало найти!

Потом Ева-Лотте пришлось рассказать, как она обнаружила Грена. Она говорила теперь очень тихо и время от времени проглатывала комок в горле. А ее папа опустил голову, чтобы не видеть горестных глаз дочери. Впрочем, теперь, наверное, уже недолго осталось. У комиссара было еще лишь несколько вопросов.

Ева-Лотта уверяла, что преступник не мог быть жителем их городка, иначе она бы его узнала. И теперь комиссар спросил ее:

— А ты узнаешь его, если увидишь опять?

— Да, — тихо сказала Ева-Лотта. — Я бы его узнала из тысячи других.

— А раньше ты его никогда не видала?

— Нет. — И, поколебавшись, добавила: — То есть да... отчасти.

Комиссар выпучил глаза. Еще один сюрприз!

— Как это «отчасти»?

— Я только брюки его видала, — пояснила Ева-Лотта неохотно.

— Объясни, пожалуйста, понятнее.

Ева-Лотта поежилась в замешательстве.

— Это обязательно? — спросила она.

— Ты же прекрасно знаешь, что обязательно. Так где же висели его брюки?

— Они не висели. Они торчали из-под штор. А в них был убийца.

Комиссар быстро схватил оставшуюся булочку. Он почувствовал, что настал момент подкрепиться. А еще он подумал, что Ева-Лотта, пожалуй, не такая уж дельная, как ему показалось. Не фантазирует ли она?

— Итак, — сказал он, — брюки убийцы торчали из-под штор. Чьих штор?

— Грена, чьих же еще?

— А ты-то где была?

— На лестнице снаружи. Мы с Калле лезли по ней. В десять часов вечера в понедельник.

У комиссара не было детей, и сейчас он благодарил бога за это.

— Да что же вы делали на лестнице Грена в понедельник вечером?!

Тут он вспомнил тайну, в которую его только что посвятили, и добавил:

— А, понимаю! Вы гонялись за каким-нибудь другим Мумриком, да?

Ева-Лотта взглянула на него почти презрительно.

— Что ж, по-вашему. Великие Мумрики на деревьях, что ли, растут? На свете есть только один Мумрик, во веки веков, аминь!

И Ева-Лотта рассказала о ночном переходе через крышу Грена. Бедный булочник озабоченно качал головой. А еще говорят, что девочек иметь спокойнее!

— Откуда же ты знала, что это брюки убийцы?

— А я не знала. Если б я знала, я б его арестовала.

— Но ты же сказала... — возразил раздраженно комиссар.

— Да нет, я уже потом сообразила. Ведь это были такие же темно-зеленые габардиновые брюки, как те, которые я встретила на тропинке.

— Это могло быть случайностью. Не надо делать поспешных выводов.

— А я и не делаю. Я же слышала, как они там в комнате шумели из-за векселей, и тот, в брюках, сказал: «Мы встретимся в среду на обычном месте! Захвати все мои векселя!» Так сколько же зеленых брюк Грен может встретить за одну несчастную среду?

Комиссар был убежден, что Ева-Лотта права. Теперь все ясно: мотивы, место, время. Дело стало лишь за одним — поймать преступника.

Комиссар поднялся и потрепал Еву-Лотту по щеке.

— Большое спасибо, — сказал он. — Ты умница. Ты даже не понимаешь, как ты нам помогла. А теперь забудь обо всем!

— Постараюсь! — обещала Ева-Лотта.

Комиссар повернулся к Бьорку.

— Теперь нужно только отыскать этого Калле, чтобы он подтвердил показания Евы-Лотты. Где его можно найти?

— Здесь, — раздался спокойный голос с балкона над верандой, и удивленный комиссар, подняв глаза, увидел над перилами две головы — одну светлую, другую темную.

Рыцари Белой розы не оставляют товарища в трудные минуты полицейских допросов и других испытаний. Как и булочник, Калле и Андерс хотели присутствовать на допросе. Но предпочли, на всякий случай, разрешения не спрашивать.

10

Все газеты страны поместили на первых страницах сообщение об убийстве и много писали о показаниях Евы-Лотты. Правда, они не упоминали ее имени, зато очень много говорили о «наблюдательном тринадцатилетнем ребенке», который «держался молодцом» и сообщил полиции «необычайно ценные сведения».

Местная газетка оказалась менее сдержанной в отношении имен. Ведь в городке абсолютно все знали, что «наблюдательный тринадцатилетний ребенок» — не кто иной, как Ева-Лотта Лисандер, и редактор не видел причины, почему не написать об этом в газете. Такой великолепной темы у него давно уже не было, и он выжал из нее все, что мог. В длинной и слащавой статье он писал, что «прелестная маленькая Ева-Лотта играет сегодня

среди цветов в саду своих родителей так беззаботно, словно совсем забыла то, что ей пришлось пережить в среду в обдуваемых ветрами Прериях».

И редактор в упоении продолжал: «Да где же еще могла она забыть, где еще могла почувствовать себя в безопасности, как не здесь, у папы и мамы, в хорошо знакомой среде детства, где запах свежее испеченного хлеба из папиной пекарни как бы служит залогом того, что есть еще мир покоя и уюта, которого не могут поколебать никакие вторжения из мира преступлений».

Редактору очень нравилось такое начало. Дальше он распространялся о том, какая Ева-Лота умница и какое исчерпывающее описание убийцы она дала. Правда, он не писал прямо «убийца», а «человек, который, как предполагают, владеет разгадкой тайны». Он привел также слова Евы-Лотты, что она узнает этого человека, если встретится с ним еще раз, и особо подчеркнул, что маленькая Ева-Лотта Лисандер, возможно, в конце концов окажется тем орудием, которое приведет бесчеловечного преступника к заслуженному наказанию.

И, таким образом, он написал как раз все то, что не следовало писать.

Полицейский Бьорк был очень встревожен, когда подал еще пахнущую краской газету комиссару. Тот прочел статью и взревел:

— Написать такое — да это же возмутительно! Безобразие, да и только!

Еще более крепкое выражение употребил булочник, примчавшись немного погодя в редакцию. От ярости у него жилы вздулись на висках, и он хлопнул кулаком по столу перед носом у редактора.

— Ты что, не понимаешь, что это преступление? — воскликнул он. — Неужели не соображаешь, что это может быть опасно для моей дочки?

Нет, редактор об этом не подумал.

— А почему опасно?

— Не строй ты из себя большего дурака, чем ты есть. Дальше уж некуда! — сказал булочник, и он был несомненно прав. — Как ты не понимаешь, что человек, убивший один раз, запросто может убить еще раз, если сочтет это необходимым. А ты любезно сообщил ему фамилию и адрес Евы-Лотты. Надо уж было заодно и телефон дать, чтобы он заранее позвонил и назначил время.

Ева-Лотта тоже считала, что статья возмутительная, по крайней мере некоторые места.

Вместе с Андерсом и Калле она сидела на чердаке и читала газету.

— «Прелестная маленькая Ева-Лотта играет сегодня среди цветов в саду своих родителей», — и как только разрешают такие глупости писать в газетах!

Калле взял у нее газету, прочел все от начала до конца и озабоченно покачал головой. Уж настолько-то он разбирался в этих делах, чтобы понять, каким безумием было написать такую статью. Но вслух он ничего не сказал.

Впрочем, редактор был прав, когда писал, что Ева-Лотта как будто забыла о своих ужасных переживаниях. Конечно, она продолжала чувствовать себя старой, почти пятнадцатилетней, но, к счастью, Ева-Лотта обладала даром юности забывать неприятное чуть ли не на следующий день. Только по вечерам, в постели, ей иногда невольно вспоминалось то, о чем не хотелось вспоминать. Первые ночи она спала довольно беспокойно, иногда вскрикивала во сне, и маме приходилось будить ее. Но днем, когда светило солнце, Ева-Лотта была спокойной и веселой, как прежде. Ее обета стать немножко более женственной и бросить войну роз хватило ровно на два дня. Больше она не выдержала. Она сама чувствовала, что чем неистовее будут их игры, тем скорее то, другое, померкнет в ее сознании.

Полицейскую охрану с Усадьбы уже сняли. Но еще перед этим из оцепления был вынесен Мумрик. Высокой чести забрать Мумрика удостоился дядя Бьорк. После допроса на веранде, когда тайну существования Мумрика пришлось раскрыть, Андерс отвел Бьорка в сторону и спросил, не может ли он помочь им вызволить Мумрика из плена. Дядя Бьорк охотно это сделал. Откровенно говоря, ему очень хотелось взглянуть, что это за штука такая

— Мумрик.

Таким образом, Великого Мумрика под охраной полиции препроводили из неприятного убежища и вручили вождю Белых роз. Сейчас он лежал в ящике комода на чердаке, где Белые розы обычно хранили свои сокровища. Но он лежал там временно. Скоро ему предстояло переменить свое местопребывание.

Основательно поразмыслив, Андерс решил, что укрыть Мумрика возле колодца в развалинах замка вовсе не так уж здорово.

— Его бы надо спрятать в более необыкновенное место, — предложил он.

— Бедный Мумрик! — заметила Ева-Лотта. — По-моему, с него хватит необыкновенных мест.

— Да нет, в другом смысле необыкновенное, — объяснил Андерс.

Он выдвинул ящик комода и с нежностью взглянул на Мумрика, лежащего в коробке из-под сигар на ложе из розовой ваты.

— О, сколь много повидали твои мудрые очи, Великий Мумрик!.. — произнес он. Сейчас Андерс более чем когда-либо верил в магическую силу талисмана.

— Придумал! — воскликнул Калле. — Мы его спрячем у кого-нибудь из Алых!

— Ты что? — удивилась Ева-Лотта. — Чтобы мы добровольно отдали его Алым?

— Да нет, они не будут об этом знать. А раз они не знают, значит, у них его все равно что нету. Представляете, как они потом взбесятся, когда мы им скажем!

Андерс и Ева-Лотта нашли идею Калле гениальной. После горячего обсуждения различных возможностей условились спрятать Мумрика в комнате Сикстена, а для этого незамедлительно направиться туда и высмотреть подходящее место.

Сказано — сделано. Трое друзей мигом соскользнули вниз по веревке, помчались к реке и переправились по досочке, которую Ева-Лотта перебросила специально для войны Роз. Здесь проходил кратчайший путь к гаражу Сикстена.

Изрядно запыхавшись, они примчались в сад почтмейстера, где Сикстен, Бенка и Йонте как раз сидели и пили морс. Андерс провозгласил радостную новость, что Ева-Лотта больше не отказывается носить оружие и война Роз, следовательно, может вспыхнуть вновь. Алые выслушали сообщение с глубочайшим удовлетворением. Решение Евы-Лотты стать более женственной сильно опечалило их всех, и им никогда еще не было так скучно, как последние дни.

Сикстен гостеприимно пригласил врагов присесть и выпить морсу. Враги не заставили себя упрашивать, но Андерс, коварный, как змея, сказал:

— Почему бы нам не выпить морсу у тебя в комнате, Сикстен?

— Что с тобой, или на солнце перегрелся, — вежливо осведомился хозяин. Сидеть в душной комнате, когда здесь такой чистый воздух!

Пришлось пить морс на чистом воздухе.

— Можно посмотреть твоё духовое ружье? — спросил Калле немного погодя.

Духовое ружье было самым драгоценным сокровищем Сикстена. Оно висело на стене в его комнате, и счастливый обладатель так любил его показывать, что давно уже всем надоел. А Калле это несчастное Сикстеново ружье прямо осточертело. Но сейчас ведь речь шла о тайном замысле Белых роз!

Сикстен просиял.

— Хочешь посмотреть ружье? Одну минуту!

Он сбегал в гараж и принес ружье.

— Что это? — протянул Калле разочарованно. — Ты его теперь в гараже держишь?

— Ага! Понимаешь, там оно всегда под рукой, — объяснил Сикстен и принялся демонстрировать свое сокровище.

Андерс с Евой-Лоттой так хохотали, что захлебнулись, и морс попал им не в то горло. И Ева-Лотта поняла, что если они вообще собираются сегодня проникнуть в комнату к Сикстену, то без женской хитрости не обойтись.

Она подняла глаза к окну Сикстена и с невинным видом произнесла:

— У тебя, должно быть, хороший вид из комнаты, а?
— Да, уж будь спокойна, видик что надо.
— Ну конечно. Если бы вон те деревья были пониже, ты бы, наверное, даже водонапорную башню видел.
— А ее и так видно! — сказал Сикстен.
— Факт, видно, — вставил Бенка, как всегда верный своему предводителю.
— Так уж и видно! Ни за что не поверю! — с вызовом возразила Ева-Лотта.
— Вранье! — решительно подхватили Андерс и Калле. — Никакой башни оттуда не видно.
— Чем зря трепаться, пошли ко мне, я вам покажу такую башню, что вы ахнете!
И вся компания во главе с Сикстеном направилась в дом. На полу в прохладных сенях лежал пес, шотландская овчарка. Увидев ребят, он вскочил и залаял.
— Тише, Беппо, — успокоил его Сикстен. — Это просто трое слабоумных, которые хотят посмотреть из моего окна на водонапорную башню.
Они поднялись в комнату, и хозяин, торжествуя, подвел их к окну.
— Вот! — воскликнул он гордо. — По-моему, это называется водонапорной башней, хотя, конечно, на вашем языке это может быть колокольня или что-нибудь другое.
— Что, съели? — торжествовал Йонте.
— Вот как! — заметила Ева-Лотта, насмешливо улыбаясь. — Значит, видно, говоришь? А ты и рад, да?
— Ты чего это? — разозлился Сикстен.
— Да ничего. Шутка ли, всю башню видно! — сказала Ева-Лотта и ехидно засмеялась.
Андерса и Калле меньше всего интересовал вид из окна Сикстена. Они стреляли глазами по всей комнате, усердно высматривая подходящее местечко для Мумрика.
— Ничего у тебя комнатка, — говорили они Сикстену, словно не бывали здесь сотни раз раньше.
Они шныряли вдоль стен, ощупывали постель Сикстена и, словно невзначай, выдвигали ящики его письменного стола.
Ева-Лотта всячески старалась задержать Алых у окна. Она перечисляла и показывала все, что только можно было увидеть оттуда, а увидеть можно было немало.
На комодѣ стоял глобус. Андерса и Калле осенило одновременно. Ну конечно же — глобус! Они переглянулись и утвердительно кивнули друг другу.
Друзья знали, что глобус развинчивается на две половинки. Сикстен иногда разбирал его от нечего делать, и поэтому глобус был немножко потерт вокруг экватора, судя по нему, большая часть Экваториальной Африки оставалась еще не исследованной, столько белых пятен было на карте.
Конечно, они рисковали. Ведь Сикстен мог вдруг развинтить глобус и наткнуться на Мумрика! Андерс и Калле отлично это понимали, но что за война роз без риска?
— По-моему, мы уже все посмотрели, — многозначительно сказал Андерс Еве-Лотте, и она с облегчением покинула свой пост у окна.
— Да, спасибо, все, что нам нужно, мы уже посмотрели, — подтвердил Калле, удовлетворенно ухмыляясь. — Пошли!
— Гог-дод-е? — нетерпеливо спросила Ева-Лотта.
— Гог-лол-о-боб-у-сос, — ответил Калле.
— Зоз-дод-о-рор-о-вов-о, — просияла Ева-Лотта.
Сикстен свирепо уставился на них, когда они принялись «гогокать», но ограничился тем, что вежливо заметил:
— Заходите, если захочется еще башню посмотреть.
— Да, милости просим, — поддержал Йонте, и его карие глаза взглянули на них насмешливо и надменно.
— Подлые псы! — заключил Бенка.
Белые розы зашагали к двери. Она открылась с жалобным скрипом.

— «А дверь у тебя скрипит, и это не так уже плохо...» — пропел Андерс. Почему бы тебе ее не смазать, а?

— А почему бы тебе не заткнуться, а? — ответил Сикстен.

Белые розы вернулись к себе в штаб. Место было выбрано, оставалось только решить, когда и как туда попадет Мумрик.

— В полночь, при свете полной луны, — произнес Андерс самым что ни на есть мрачным и глухим голосом. — Великий Мумрик будет препровожден в свои новые покои. И совершить это суждено мне!

Ева-Лотта и Калле одобрительно кивнули. Пробраться к Сикстену в комнату, когда он сам там спит, — это же лишнее очко в их пользу!

— Недурно придумано, — сказала Ева-Лотта и пустила по кругу большую коробку шоколадных конфет, которую вынула из ящика комода.

Последнее время она буквально купалась в лакомствах, так много ей их присылали. Как совершенно правильно писал редактор в своей статье: «В эти дни маленькая Ева-Лотта стала очень популярной. Со всех концов, от знакомых и незнакомых, получает она подарки — свидетельство искреннего расположения. Наш любезный почтальон Петерссон приносит ей леденцы и шоколад, игрушки и книжки. Многочисленные друзья стремятся выразить свое участие девочке, которая нежданно-негаданно оказалась замешанной в столь мрачную трагедию».

— А что ты будешь делать, если Сикстен проснется? — спросил Калле.

Андерс ответил невозмутимо:

— Скажу, что пришел спеть ему колыбельную песенку и посмотреть, не сбросил ли он одеяло во сне.

Калле рассмеялся.

— Послушай, популярная Ева-Лотточка, дай-ка мне еще шоколадку, ты станешь тогда популярнее по крайней мере вдвое.

До самого вечера сидели они на захлапленном, но уютном чердаке, поглощая конфеты и строя планы. Друзья предвкушали новое торжество над Алыми. Что за чудесная вещь все-таки война Роз! Наконец они покинули штаб. Надо было «проверить обстановку», как выражался Андерс. Вдруг подвернется что-нибудь подходящее. На худой конец всегда можно спровоцировать небольшую стычку с Алыми. Они спустились вниз по веревке, и Ева-Лотта рассеянно произнесла:

— Так-так, веселые детские забавы, невинные детск... Внезапно она умолкла и побледнела. Потом всхлипнула и стремительно побежала прочь. В тот день Ева-Лотта больше не играла.

11

— Я это сделаю сегодня ночью, — сказал Андерс два дня спустя.

Переселение Великого Мумрика в глобус к Сикстену по разным причинам сразу осуществить не удалось. Впервых, они дожидались полнолуния. Полнолуние было необходимо: при свете полной луны все кажется волшебным и увлекательным, а кроме того, даже в комнате можно обойтись без фонариков или ламп. Во-вторых, последнее время у почтмейстера гостили две молодые тетки Сикстена.

— А в доме, где полным-полно тетюшек, нечего и соваться, — заявил Андерс, когда Калле спросил его, будет он наконец что-нибудь делать или нет. Понимаешь, чем больше людей в доме, тем больше риска, что кто-нибудь проснется и испортит все дело.

— Да, тетки иногда ужасно чутко спят, — согласился Калле.

И поэтому Сикстена, к его удивлению, то и дело спрашивали, как поживают его тетюшки и долго ли еще они будут гостить. В конце концов ему это надоело.

— Да что вы привязались ко мне с этими тетками? — воскликнул он, когда Андерс в сотый раз заговорил об этом. — Мешают они тебе, что ли?

— Что ты, конечно, нет! — кротко ответил Андерс.

— То-то же... Они, наверное, в понедельник уедут. А вообще-то жалко, они мне нравятся, особенно тетя Ада. И пока они сидят у нас дома и не бегают как чумовые по всему городу, они, по-моему, никому не мешают.

После такой отповеди Андерс больше не решался спрашивать: это могло показаться подозрительным.

Но вот наступил понедельник. Андерс сам видел, как жена почтмейстера провожала своих сестер к утреннему поезду, а ночью должно было наступить полнолуние.

— Сегодня ночью! — сказал Андерс решительно.

Ребята сидели в беседке в саду булочника и ели свежие булки, которые Ева-Лотта выпросила у своего слабохарактерного папы.

Только что мимо прошли Алые розы. Они направлялись к своему новому штабу в Усадьбе. Полицейские ушли, и в Прериях царила такая тишина, словно их безмятежный покой никогда не нарушался ничем более серьезным, чем война Алой и Белой розы. Усадьба была слишком удобным убежищем, чтобы отказаться от нее, и Алые розы постарались забыть о том, что случилось тогда поблизости.

— Хотите, чтобы вас поколотили — приходите к Усадьбе! — крикнул Сикстен, проходя мимо сада булочника.

Ева-Лотта вздрогнула. В Усадьбу она не пойдет ни за что на свете!

— Ой, до чего же я сыт! — вздохнул Калле, когда Алые розы скрылись, а он уничтожил шестую булку.

— Ты-то что! Вот я сыт — это да! — возразил Андерс, хлопнув себя по животу. — Но это здорово, а то у нас дома опять вареная треска на обед.

— От рыбы очень умнеют, — напомнила Ева-Лотта. — Тебе бы нужно есть побольше вареной трески, Андерс.

— Ну вот еще! Сначала я хочу узнать, насколько я поумнею и сколько рыбы должен съесть.

— Так ведь это зависит и от того еще, сколько ума было у человека раньше, — вмешаются Калле. — Тебе, например, вполне достаточно съесть в неделю одного кита средней упитанности.

После того как Калле, спасаясь от Андерса, три раза обежал вокруг беседки и мир был восстановлен, Ева-Лотта сказала:

— Интересно, есть сегодня в почтовом ящике как-нибудь новые подарки? За последнее время я получила всего три кило шоколаду. Не понимаю, о чем люди думают! Придется позвонить на почту и пожаловаться.

— Не говори про шоколад, — произнес Андерс с отвращением.

И Калле его поддержал.

До сих пор они храбро справлялись с лавиной сластей, которая обрушилась на Еву-Лотту, но теперь не могли больше съесть ни кусочка.

А Ева-Лотта уже вернулась от калитки, где висел почтовый ящик, с плотным конвертом в руках. Она разорвала конверт — ну, конечно, опять шоколадная плитка! Огромная чудесная плитка молочного шоколада. Калле и Андерс смотрели на него, как на касторку.

— Тьфу! — в один голос воскликнули они.

— Как не стыдно! — возмутилась Ева-Лотта. — Ведь могут пасть дни, когда вы будете рады самым паршивым леденцам!

Она разломала плитку пополам и заставила каждого взять свою долю. Друзья уступили — без всякого восторга, просто чтобы не обижать Еву-Лотту, — и равнодушно сунули шоколад в свои и без того переполненные карманы.

— Вот это правильно — поберегите на черный день, — сказала Ева-Лотта.

Она сделала из конверта мячик и бросила его через забор на улицу.

— Вот что: будем кататься на велосипеде и купаться. Сегодня, пожалуй, больше ничего не придумаешь, — предложил Калле.

— Ты прав, как всегда, — согласился Андерс. — Давайте заключим перемирие до вечера, но уж тогда... Когда через минуту пришел Бенка, чтобы подобающими случая оскорблениями разжечь воинственный дух Белых роз, беседка была уже пуста. Только маленькая трясогузка сидела на качелях и клевала крошки.

...Наступила полночь, взошла луна. Калле и Ева-Лотта спокойно спали. Но Андерс не спал. Вернее, он лег в обычное время и старался храпеть самым замысловатым образом, чтобы родители думали, что он спит. Но это привело лишь к тому, что мать встала и с беспокойством спросила:

— Что с тобой, сынок, ты нездоров?

— Да нет, — сказал Андерс и уже не храпел так устрашающе.

Наконец по тихому посапыванию сестренок и братишек и ровному дыханию родителей он понял, что все уснули. Андерс осторожно выскользнул в кухню, где на стуле лежала его одежда, и быстро сбросил ночную рубаху. Стоя без единой нитки на своем худеньком, костлявом теле, он настороженно прислушался. Все спокойно... Тогда он быстро надел штаны и рубашку и неслышно спустился по лестнице. Сбежать на чердак булочной и взять Мумрика было делом нескольких минут.

— О Великий Мумрик, — прошептал Андерс, — охрани нас своею могучею дланью! А то нам обоим может быть крышка.

В одной рубашке Андерс слегка дрожал от ночной прохлады. Кроме того, он немного побаивался: ему не так уж часто приходилось идти по улицам среди ночи, когда кругом все спят.

Крепко зажав в руке Мумрика, Андерс побежал через мостик Евы-Лотты. Деревья на берегу казались совсем черными, а вода в речке ярко блестела в лунном свете.

— Скоро мы будем у цели, — шепнул он на всякий случай, чтобы Мумрик не беспокоился. Да, вскоре они действительно достигли цели. Вот уже показался дом почтмейстера — темный и притихший. Все кругом было спокойно, только трещали сверчки.

Андрее предполагал, что хоть одно окно в доме должно быть оставлено открытым. Он не ошибся. Кухонное окно было открыто настежь. Для такого ловкого физкультурника, как Андерс, забраться на подоконник и проскользнуть в кухню было пустячным делом. А чтобы освободить себе обе руки, он сунул Мумрика в карман. Конечно, Великому Мумрику не подобало находиться в таком месте, но что поделаешь!

— Прости, о Великий Мумрик! — сказал Андерс.

Он пошевелил пальцами в кармане и нащупал что-то липкое. Так это же шоколад! Андерс обрадовался. Сейчас он не был так привередлив, как утром. Эх, и вкусно будет съесть это клейкое месиво! Но прежде всего он должен сделать то, для чего сюда пришел. Андерс переложил Мумрика в другой карман, начисто облизал пальцы и решительно полез на подоконник. Приглушенное рычание напугало его чуть не до потери сознания. Беппо! Он совсем забыл про Беппо! Забыл, что это окно оставляют открытым специально для Беппо, чтобы он мог выйти ночью, если ему понадобится.

— Беппо, — умоляюще прошептал Андерс, — это же я! Беппо сразу узнал одного из тех веселых мальчишек, которых хозяин часто приводил с собой, и рычание его перешло в восторженный лай.

— Миленький, хорошенький Беппо, пожалуйста, помолчи, — молил Андерс.

Но Беппо считал, что если уж ты радуешься, то должен это показать, то есть лаять и вилять хвостом, и он усердно делал и то и другое.

В отчаянии Андерс вытащил шоколад и сунул его Беппо.

— На, только молчи! — шепнул он.

Беппо принял. И так как он счел, что приветственные излияния длились ровно столько, сколько требовали честь и достоинство дома, он перестал лаять и улегся с довольным видом, чтобы насладиться чудесным клейким блюдом, которое преподнес ему гость, — очевидно, в благодарность за радушный прием.

Андерс облегченно вздохнул и тихонечко открыл дверь в переднюю. Там начиналась

лестница на второй этаж. Теперь оставалось только...

В этот момент наверху раздались шаги. Кто-то спускался, тяжело ступая по лестнице. Сам почтмейстер, в широкой ночной рубахе до пят! Его разбудил лай Беппо, и он пошел проверить, в чем дело.

Андерс окаменел. Однако он тут же опомнился и нырнул за пальто, которые висели в углу передней.

«Если я не рехнусь после всего этого, значит я настоящий герой!» — сказал он себе.

Только сейчас до него дошло, что семье почтмейстера, может быть, вовсе не нравится, когда к ним ночью лазят в окна. Для Сикстена это будет в порядке вещей, он ко всему привык в войне Роз, а вот почтмейстер — другое дело.

Андерс даже задрожал при мысли о том, что с ним сделают, если заметят.

— Только бы не заметил, только бы не заметил! — шептал он, зажмурившись, когда почтмейстер, сердито ворча, прошел совсем рядом.

Почтмейстер открыл дверь в кухню. Беппо, освещенный луной, лежал и смотрел на него.

— Мальчик, — сказал почтмейстер, — ты что это лаешь среди ночи?

Беппо не ответил. Он осторожно положил лапу на вкусное липкое угощение. Дело в том, что отец его хозяина делал иногда странные вещи. Не дальше как вчера он забрал чудную мозговую кость, которой Беппо как раз собирался полакомиться, уютно расположившись на ковре в гостиной. Кто его знает, как он отнесется к этой вкусной штуке. На всякий случай Беппо зевнул и огляделся с самым независимым видом. Почтмейстер успокоился, но все же выглянул в окно для порядка.

— Есть здесь кто-нибудь? — негромко крикнул он. Ему ответил лишь ночной ветерок. Почтмейстер не мог слышать, как Андерс бормотал в своем углу:

— Нет, нет, никого там нет. Уверяю вас — ни души!

Андерс долго оставался в своем убежище. Лучше не шевелиться, пока он не убедится, что почтмейстер опять уснул! Ждать было невыносимо скучно. Ему уже стало казаться, что лучшие годы своей юности он провел, завернувшись в эти шерстяные пальто, от которых так щекотало в носу. Ждать — что могло быть хуже для такого деятельного человека, как Андерс! Наконец он не выдержал — вышел из своего угла и начал осторожно подниматься по лестнице. Каждую минуту он останавливался, прислушиваясь, но кругом царила полная тишина...

— Порядок! — с присущим ему оптимизмом заключил Андерс.

Но как еще поведет себя скрипучая дверь в комнате Сикстена? Он взялся за ручку, осторожно потянул... Вот здорово — дверь ни чуточки не скрипела! Она открылась совсем беззвучно и легко. Видно, ее только что смазали.

Андерс усмехнулся. Сикстен смазал дверь себе же на погибель. До чего добрые враги! Только им намекнешь на какое-нибудь неудобство, как они сломя голову кидаются тебе помогать, чтобы их же самих было легче оставить в дураках.

«Спасибо, милый Сикстен», — подумал Андерс и взглянул на постель, где спал этот несчастный, не подозревая, что Великий Мумрик сегодня ночью поселится в его доме.

Глобус стоял на комод, ярко освещенный луной. Ловкие руки Андерса быстро развинтили его. Великолепное убежище для Мумрика! Он вынул талисман из кармана штанов и поместил его в новое обиталище.

— О Великий Мумрик! — сказал Андерс, когда все было готово. — Совсем недолго придется тебе побыть среди язычников, не знающих закона! Белая роза скоро вновь вернет тебя в лоно христиан и порядочных людей.

На комод около глобуса лежали ножницы. Андерс заметил их, и его вдруг осенило: в старину, когда лазутчик пробирался в стан спящего врага, он обычно отрезал кусочек вражеского плаща, — по крайней мере, так в книжках написано. Этот трофей служил неопровержимым доказательством того, что враг был у тебя в руках, но твое благородное сердце не позволило тебе причинить ему зло. А на следующий день ты мог прийти, помахать

лоскутом перед носом у врага и воскликнуть: «Падай ниц и благодари меня за то, что я даровал тебе жизнь, слизняк!»

Именно это и собирался сделать Андерс. Правда, у Сикстена не было плаща, зато был отличный рыжий чуб. Прядку из этого чуба Андерс намеревался захватить, как трофей. Наступит день, когда Мумрик будет надежно спрятан в другом месте. Придется тогда Алым до дна испить чашу позора! Они услышат горькую правду о Мумрике в глобусе! И они увидят клочок волос, который вождь Белых роз срезал с черепа вождя Алых роз в полночь при свете полной луны.

Правда, луна вовсе не освещала Сикстена — кровать стояла в тени, у самой стены, — но это не смутило Андерса. Держа ножницы в одной руку, он другой рукой пытался нащупать чуб Сикстена.

Вождь Алых беззащитен. Вот его голова лежит на подушке! Андерс осторожно, но крепко схватил прядь волос и шелкнул ножницами.

И вдруг тишину ночи прорезал громкий крик. Но что это? Вместо грубоватого ломающегося мальчишеского голоса Андерс услышал пронзительный женский визг! Кровь застыла в жилах Андерса, он ощутил леденящий ужас и опрометью бросился к двери.

Верхом на перилах он соскользнул вниз, затем толкнул кухонную дверь, в два прыжка достиг окна и выпрыгнул с такой быстротой, словно за ним гналась целая стая злых духов. Так он несся до самого моста. Наконец он остановился, чтобы немного перевести дух. Локон он все еще держал в кулаке, не решился выбросить по дороге.

Андерс стоял, тяжело дыша, и с отвращением глядел на злополучный клочок волос. Белокурый локон несомненно, принадлежал какой-нибудь из тетушек, кто его знает, какой именно. Очевидно, только одна из них уехала утренним поездом, но кто же мог знать! Ну разве он был неправ, когда говорил, что соваться в дом, где полным-полно тетушек, опасно для жизни. Какой позор, какой ужасный позор! Охотиться за скальпом предводителя Алых роз и возвратиться с локоном белобрысой тетки! Такого унижения Андерс еще ни разу не испытывал в своей жизни. Нет, он не расскажет об этом ни одному человеку на земле! Это будет страшной тайной всей его жизни, и он унесет ее с собой в могилу.

А теперь — избавиться от локона, и как можно скорее! Андерс протянул руку через перила моста и разжал пальцы. Черная вода тихо приняла странный дар, спокойно журча под мостом, словно ничего особенного не произошло.

...А в доме почтмейстера царил страшный переполох. Почтмейстер и его жена, перепуганные, прибежали к тете Аде, даже Сикстен примчался из своего чулана на чердаке, куда его выселили на время пребывания тетушек.

Почтмейстер допытывался, почему, ради всего святого, тетя Ада вдруг так дико закричала среди ночи. «Потому что здесь был вор», — утверждала тетя Ада. Почтмейстер зажег свет во всем доме, обследовал все углы, но никаких воров не обнаружил. Столовое серебро было на месте. Не хватало только Беппо, но он, наверное, вышел погулять в сад, как обычно. Как тетя Ада не понимает — будь это действительно вор, Беппо залаял бы и поднял тревогу. Ей просто приснился нехороший сон, вот и все. Они постарались успокоить ее и уговорить уснуть опять.

Но, оставшись одна, тетя Ада не могла уснуть. Она была слишком взволнована. Что бы там ни говорили, а она-то твердо знала, что в комнате кто-то побывал. Тетя Ада закурила сигарету, немного успокоилась, потом достала зеркальце, чтобы посмотреть, не оставило ли пережитое потрясение следов на ее красивом лице.

И тут она увидела — следы остались: у нее была теперь новая прическа! Большая прядь волос была отрезана, и получилась маленькая пикантная челочка.

Пораженная, смотрела тетя Ада на свое отражение, но постепенно лицо ее стало озаряться улыбкой. Какой-то безумец вломился в дом ночью только для того, чтобы срезать локон ее волос!

Мужчины и раньше совершали безумства ради тети Ады, она к этому привыкла, но этот, кажется, побил все рекорды. Она немножко поломала голову над тем, кто же был ее

неизвестный поклонник. Увы, это так и осталось для нее загадкой. Однако кто бы он ни был, тетя Ада решила его простить. Нет, она его не выдаст! Пусть думают, что ей все приснилось.

Тетя Ада вздохнула и легла. А утром надо будет пойти к парикмахеру и подровнять челку... Чуть-чуть.

12

Калле и Ева-Лотта с самого утра нетерпеливо ждали Андерса в саду булочника, чтобы выслушать его отчет о ночных событиях. Но время шло, а Андерс все не показывался.

— Странно, — сказал Калле. — Неужели его опять взяли в плен?

Они совсем было собрались идти разыскивать Андерса, когда он наконец появился. Он не бежал, как обычно, а медленно шел, и физиономия у него была необычайно бледная.

— Как ты ужасно выглядишь! — забеспокоилась Ева-Лотта. — Может, ты «жертва жары», как в газетах пишут?

— Я жертва вареной трески, — ответил Андерс. — Не переносу рыбу, сколько раз маме говорил. И вот вам доказательство.

— Какое? — спросил Калле.

— Да тошнило всю ночь. Я только и делал, что вскакивал и ложился, вскакивал и опять ложился.

— А Мумрик? Так и остался в комодке?

— Ты что! С этим я, конечно, раньше справился. Уж что я должен сделать, я сделаю, хоть на меня чума напади. Великий Мумрик — в глобусе!

У Калле и Евы-Лотты заблестели глаза.

— Здорово! — воскликнул Калле. — Расскажи! Сикстен не проснулся?

Они уселись втроем на мостик Евы-Лотты. Здесь, на речке было прохладно, ольха давала приятную тень. Ребята болтали ногами в теплой воде. Андерс сообщил, что это действует успокаивающе на треску у него в животе.

— Я вот думаю, — заметил он, — может, это не только из-за трески, может, это нервы тоже. Ведь я сегодня был в доме ужасов.

— Выкладывай все с самого начала, — сказала Ева-Лотта. И Андерс начал сначала. Он обрисовал очень драматично свою встречу с Беппо и то, как он заставил пса замолчать. Калле и Ева-Лотта то ужасались, то восторгались. Они были идеальными слушателями, и Андерс просто наслаждался рассказывая.

— Понимаете, если бы я не дал Беппо шоколаду, я бы пропал, — говорил он.

Затем Андерс описал еще более страшную встречу с почтмейстером.

— А ты бы и ему шоколаду сунул, — вставил Калле.

— Да я уже все Беппо отдал.

— Ну, а потом? — спросила Ева-Лотта.

Андерс рассказал, что было потом. Он рассказал все: про дверь Сикстена, которая даже не скрипнула, про тетку Сикстена, которая, наоборот, очень здорово скрипела, про то, как кровь застыла у него в жилах, когда она завопила, и как ему пришлось поспешно убежать. Единственное, о чем Андерс не упомянул, был теткин локон, который он утопил в реке.

Похождение Андерса захватили Калле и Еву-Лотту сильнее любой приключенческой повести, и они снова и снова заставляли его повторять все подробности.

— Вот это ночь! — с завистью воскликнула Ева-Лотта, когда Андерс наконец кончил.

— Так не мудрено и состариться раньше времени, — отозвался Андерс. — Ладно, главное — что Мумрик на месте. Калле усиленно забил ногами по воде.

— Мумрик — в глобусе! Попробуйте-ка придумать что-нибудь подобное!

Но ни Андерс, ни Ева-Лотта ничего подобного придумать не могли. Они пришли в еще больший восторг, увидев идущих вдоль берега Сикстена, Бенку и Йонте.

— Смотрите, какие красивые белые розы растут вон на той ветке! — сказал Сикстен, когда его отряд подошел к мостику.

Бенка хотел воспользоваться случаем и свалить все три Белые розы в речку, но Сикстен остановил его. Алые пришли сюда не драться, они пришли жаловаться.

По законам войны Алой и Белой розы, тот, кто в данный момент владел Мумриком, был обязан хотя бы очень отдаленно намекнуть, где его надо искать. Подсказать лишь чуть-чуть, самую капельку. А разве Белые розы это сделали? Нет! Правда, их вождь, когда его как следует пощекотали, брякнул что-то насчет тропинки позади Усадьбы. Алые для пущей верности вчера еще раз облазили все вокруг и окончательно уверились, что Белые розы перенесли Мумрика в другое место. И вот сейчас они вежливо, но настойчиво требовали необходимых сведений.

Андерс спрыгнул в воду. Она ему доходила только до колен. Он стоял, расставив ноги, упершись руками в бока и весело сверкая темными глазами.

— Пожалуйста, мы вам подскажем, — сказал он. — Ищите в недрах земли!

— Благодарю вас, вы очень любезны, — ответил Сикстен. — Где прикажете начать, здесь или на Северном полюсе?

— Отличный намек! — подхватил Йонте. — Вот увидите, наши внуки найдут Мумрика прежде, чем сойдут в могилу.

— С такими вот мозолями на руках! — добавил Бенка.

— А вы лучше пошевелите мозгами, если они у вас есть, аленькие розочки! — возразил Андерс и провозгласил с театральным жестом: — Если вождь Алых пойдет к себе домой и исследует недра земли, он найдет то, что ищет!

Калле и Ева-Лотта изо всех сил заколотили ногами по воде, прыснув со смеху.

— Вот именно, ищите в недрах земли, — подтвердили они с загадочным видом.

— Подлые псы! — сказал Сикстен.

После чего Алые пошли домой и развернули обширные земляные работы в саду почтмейстера. Весь день они рыли и копали во всех местах, которые казались им хоть немного подозрительными. Наконец пришел почтмейстер и спросил, так уж ли это необходимо — портить именно его газоны или ребята могут доставить ему удовольствие и разорят чей-нибудь другой сад.

— Кстати, Сикстен, ты бы поискал Беппо, — добавил он.

— Разве он еще не пришел? — Сикстен даже перестал копать. — Где же он может быть?

— Вот я и говорю, что тебе надо пойти поискать.

Сикстен вскочил.

— Пойдете со мной? — спросил он Бенку и Йонте.

Конечно, Бенка и Йонте пошли. Но не только они хотели помочь в розысках Беппо. Андерс, Калле и Ева-Лотта, которые уже целый час лежали в кустах, любясь усердием Алых, вылезли и предложили свою помощь. Сикстен с благодарностью принял их предложение. В трудную минуту розы забывали о вражде.

В самом сердечном согласии вся компания двинулась на поиски пса.

— Он никогда не уходил надолго, — заметил Сикстен озабоченно. — Ну, может быть, часа на два, не больше. А вчера ушел часов в одиннадцать, и с тех пор его нет.

— Нет, в двенадцать. Ведь... — Андерс осекся и залился краской.

— Ну да, с двенадцати, — ответил Сикстен рассеянно.

Но вдруг он подозрительно взглянул на Андерса.

— Постой, а ты откуда знаешь?

— А я, понимаешь, вроде ясновидца, — вывернулся Андерс.

Он надеялся, что Сикстен не будет вдаваться в подробности. Не мог же он сказать, что когда пришел с Мумриком около двенадцати часов, то видел Беппо в кухне, а когда через час удирал обратно через окно, Беппо уже не было на месте.

— Вот как! Выходит, нам повезло — нам как раз нужен ясновидец, — сказал Сикстен. — Не можешь ли ты посмотреть, где сейчас Беппо?

Но Андерс ответил, что может предсказать только время, а не место.

— Когда же мы найдем Беппо? — пожелал узнать Сикстен.

— Мы найдем его примерно через час, — совершенно уверенно заявил Андерс.

Но на этот раз ясновидец ошибся. Найти Беппо оказалось не так-то просто.

...Они искали везде. Они прочесали весь город. Они обошли всех собак, к которым обычно ходил в гости Беппо. Они спрашивали всех встречных. Но никто не видел Беппо. Он исчез.

Сикстен совсем приуныл. Он шел и чуть не плакал от волнения, но ни за что на свете не показал бы этого. Он только ужасно часто сморкался.

— С ним что-то случилось, — повторял Сикстен время от времени. — Он раньше никогда не пропадал.

Ребята старались его успокоить.

— Да что ты — ничего с ним не случилось, — говорили они.

Но они совсем не так твердо были в этом уверены, как хотели показать.

Долго они шли молча.

— Он был такой славный пес! — сказал наконец Сикстен дрожащим голосом. Все-все понимал, что ему говорили!

Пришлось опять высморкаться.

— Да перестань ты так говорить! — попросила Ева-Лотта. — Можно подумать, что он умер.

Сикстен ничего не ответил, только шмыгнул носом.

— Он всегда так преданно смотрел! — вспоминал Калле. — То есть я хочу сказать, он всегда так преданно смотрит, — поспешил он добавить.

Опять все долго молчали. Когда молчать стало невозможно, Йонте сказал:

— Да, собаки очень славные животные.

Они уже возвращались домой. Продолжать поиски не имело смысла. Сикстен шел на полметра впереди других и толкал ногой камешек. Ребята прекрасно понимали, как ему тяжело.

— Слушай, Сикстен, а вдруг Беппо пришел домой, пока мы тут ходили и искали его! — воскликнула с надеждой Ева-Лотта.

Сикстен остановился посреди дороги.

— Если Беппо пришел, — торжественно произнес он, — я исправлюсь. О, до чего же хорошим я стану! Буду мыть уши каждый день и...

И он побежал, подгоняемый вновь пробудившейся надеждой. Ребята бежали за ним. Как они все хотели, чтобы Беппо с веселым лаем встретил их у калитки!

Но Беппо не было. Щедрое обещание Сикстена ежедневно мыть уши не произвело никакого впечатления на силы, управляющие собачьими жизнями и поступками. И уже без всякой надежды Сикстен спросил у мамы, стоящей на веранде:

— Беппо не приходил?

Мама покачала головой.

Сикстен молча отошел в сторону и сел на траву. Друзья нерешительно окружили его, сясь найти слова для утешения, но слова не находились.

— Я его взял совсем маленьким щеночком, — объяснял Сикстен дрожащим голосом.

Они же должны понять, что если у тебя была собака, которую ты взял совсем маленьким щенком, то ты имеешь право ходить с красными глазами, когда эта собака пропала.

— Знаете, что он однажды сделал? — продолжал Сикстен, словно для того, чтобы помучить себя. — Я вернулся домой из больницы — мне там аппендицит вырезали, — а Беппо встречал меня у калитки. Он был так рад, что повалил меня на землю, у меня даже все швы разошлись.

Все очень растрогались. Действительно, разве мог пес лучше доказать свою преданность хозяину, чем опрокинув его на землю, да так, что у него швы разошлись!

— Да, собаки славные животные, — подтвердил Йонте еще раз.

— Особенно Беппо, — сказал Сикстен и высморкался.

Калле впоследствии так и не мог понять, что заставило его заглянуть в дровяной сарай почтмейстера. «Собственно говоря, это было бессмысленно», думал он. Ведь если бы Беппо случайно заперли там, пес лаял бы до тех пор, пока кто-нибудь не пришел бы и не открыл.

Но, хотя заглядывать в сарай было абсолютно бессмысленно, Калле все же заглянул. Он открыл дверь настежь, чтобы дать доступ свету, и в самом дальнем углу увидел Беппо. Пес лежал совсем тихо, и в первый момент Калле подумал с отчаянием, что он мертв. Но, когда Калле подошел поближе, Беппо с трудом приподнял голову и тихо заскулил. Тогда Калле выскочил и закричал что было мочи:

— Сикстен! Сикстен! Он здесь, в сарае!

— Беппо! Мой бедный, маленький Беппо! — говорил Сикстен дрожащим голосом.

Он стоял на коленях около собаки, и Беппо смотрел на него, словно спрашивая, почему хозяин так долго не приходил. Он ведь лежит здесь ужасно давно, ему было так плохо, он не мог даже лаять! Пес пытался обо всем рассказать своему хозяину, и голос его звучал необычайно жалобно.

— Послушайте, он же плачет! — И Ева-Лотта сама заплакала.

Да, несомненно, Беппо тяжело заболел. Он настолько ослаб, что совсем не мог двигаться. Он только тихонько лизал руку Сикстена, благодаря за то, что его больше не оставляют одного такого больного.

— Я сейчас же бегу за ветеринаром, — сказал Сикстен.

Но едва он поднялся, как Беппо отчаянно заскулил.

— Он боится, что ты уйдешь от него, — понял Калле. — Я сам сбегаю.

— Скажи, чтоб он поторопился. И объясни, что пес съел крысиный яд.

— Откуда ты знаешь? — удивился Бенка.

— Знаю, — сказал Сикстен. — Это видно. Все эти проклятые бойни! Раскидывают везде отраву, чтобы уморить своих крыс. Беппо туда ходит иногда за костями.

— А может Беппо... может собака умереть от этого? — спросил Андерс, широко открыв глаза от ужаса.

— Замолчи! — рассердился Сикстен. — Только не Беппо! Беппо не умрет! Ведь я взял его совсем маленьким щеночком. Эх, Беппо, и зачем ты съел этот крысиный яд?

Беппо преданно лизнул его руку и ничего не ответил.

13

Калле спал беспокойно. Ему свилось, что он опять пошел искать Беппо. Он бродил один по бесконечно длинным пустынным дорогам, которые терялись в пугающем мраке. Калле надеялся встретить кого-нибудь и спросить про Беппо, но никто не показывался. Во всем мире было безлюдно и темно. И вдруг все переменялось. Он искал уже не Беппо, а что-то другое. Что-то гораздо более важное, только он никак не мог вспомнить, что именно. Калле чувствовал, что непременно должен вспомнить, словно от этого зависела его жизнь. Где-то там, в темноте, таился ответ, но он не мог его найти. И Калле до того измучился, что даже проснулся. Слава богу, это был только сон! Калле взглянул на часы. Всего лишь пять! Надо попытаться опять заснуть. Он зарылся носом в подушку, но странный сон не давал ему покоя. Даже проснувшись, Калле чувствовал, что должен что-то вспомнить. Это «что-то» сидело где-то глубоко в мозгу и ждало, когда его выпустят. Какая-то маленькая клеточка там, в глубине, знала, в чем дело. Калле озабоченно скреб себе затылок и сердито бормотал:

— Ну, давай же!

Но ничего не получалось, и Калле устал. Теперь он хотел спать и почувствовал, как им овладевает приятная дремота, означавшая, что сон близок.

И вдруг, когда он уже наполовину спал, маленькая клеточка в мозгу выпустила то, что держала. Это была всего одна фраза, произнесенная голосом Андерса:

— Если бы я не дал Беппо шоколаду, я бы пропал.

Калле подскочил и сел в постели. Куда только сон девался!

— Если бы я не дал Беппо шоколаду, я бы пропал, — повторил он медленно.

Что ж тут особенного? Почему ему так нужно было вспомнить именно эту фразу?

Да потому что... потому что... есть такая страшная возможность, что и...

Зайдя настолько далеко в своих размышлениях, Калле улегся и с головой укрылся одеялом.

«Калле Блюмквист, — предостерегающе сказал он себе, — не принимайся опять за старое! Не фантазируй, пожалуйста. Ведь мы, кажется, договорились: с этими глупостями покончено. Ты должен уснуть. Должен!»

«Я жертва вареной трески».

Опять голос Андерса. Как назло, не дает спать, да и только. И чего это он притащился и трещит без умолку? Лежал бы дома и болтал сам с собой, если уж его так распирает.

Увы, ничего не помогало. Страшные мысли просились наружу. Отогнать их было невозможно.

Что, если Андерса тошнило вовсе не от трески? Вареная треска гадость, что правда, то правда, но не будет же от нее тошнить всю ночь напролет. Что, если Беппо наелся вовсе не крысиного яду? Что, если это был... это был... отравленный шоколад?

Калле еще раз попытался осадить себя.

«Я вижу, знаменитый сыщик читал газеты, — издевался он, — и следил, очевидно, за всеми преступлениями последних лет. Но если даже кого-нибудь и отправили на тот свет отравленным шоколадом, то это еще не значит, что каждая шоколадка насквозь пропитана мышьяком».

Он продолжал размышлять. Мысли были тревожные.

«Ведь газеты читаю не я один, — думал он, — уголовной хроникой интересуюсь тоже не я один. Например, этим может заниматься некто в зеленых габардиновых брюках. Он очень боится. И он тоже мог прочесть статью, где говорится, как много сладостей Ева-Лотта получила по почте. Ту самую статью, где написано, что Ева-Лотта может послужить оружием, которое разоблачит убийцу или как там еще... Ой, а вдруг это все и вправду так?»

Калле пулей выскочил из постели. Другая половина плитки ведь у него! Он и забыл совсем! Куда же он ее дел?

Вспомнил — в кармане синих штанов. Он с тех пор их и не надевал. И повезло же ему, если все было, как он предполагал.

А вообще-то что только не лезет в голову, когда проснешься в такую рань. Самое невероятное может показаться возможным. И, когда Калле при свете утреннего солнца отправился в одной пижаме в чулан разыскивать синие штаны, ему опять подумалось, что он просто вбил себе все это в голову, как всегда!

«И все-таки небольшое исследование для порядка никогда не повредит! — заключил он. — Азбука сыскного дела!»

Его воображаемый собеседник, долго державшийся в стороне, очевидно, только и ждал этой заветной фразы.

Он не замедлил явиться, чтобы выяснить, что задумал знаменитый сыщик.

«Что собирается делать господин Блюмквист?» — спросил он благоговейно.

«Я же сказал — небольшое исследование».

Калле вдруг опять стал знаменитым сыщиком. Стал, и все тут! Он уже давно не был им, да ему и не хотелось. Когда дошло до дела, ему сразу расхотелось быть сыщиком. Но сейчас он сам настолько сомневался в справедливости своих подозрений, что невольно поддался искушению поиграть в старую игру.

Калле вытащил из кармана синих штанов кусок шоколада и показал своему воображаемому собеседнику.

«У меня есть основания предполагать, что этот шоколад отравлен мышьяком».

Воображаемый собеседник поежился от страха.

«Ведь такие вещи случались и раньше, — безжалостно продолжал знаменитый

сыщик. — А преступники часто подражают друг другу».

«Но как же узнать, есть там мышьяк или нет?» — спросил воображаемый собеседник, растерянно глядя на шоколад.

«Надо сделать небольшой опыт, — спокойно ответил знаменитый сыщик. — Способ Марша. Я как раз этим и собираюсь заняться».

Воображаемый собеседник восторженно оглядел чулан.

«Да у вас здесь прелестная лаборатория! — воскликнул он. — Насколько я понимаю, вы сведущий химик».

«Как вам сказать... сведущий... Конечно, большую часть своей долгой жизни я посвятил изучению химии, — согласился знаменитый сыщик. — Химия и криминалистика неразделимы, мой юный друг. Понимаете?»

Если бы здесь присутствовали бедные родители Калле, они могли бы подтвердить, что большая часть долгой жизни знаменитого сыщика была действительно посвящена изучению химии, и как раз в этом чулане. Правда, они, скорее всего, выразились бы несколько иначе. Они, пожалуй, предпочли бы сказать, что он несколько раз пытался взорвать себя и весь дом, чтобы удовлетворить свое исследовательское любопытство, которое не всегда подкреплялось точными знаниями.

Но воображаемому собеседнику был чужд скепсис, свойственный родителям. Он с интересом наблюдал, как знаменитый сыщик доставал с полки какие-то приборы, спиртовку, разные стеклянные трубки и банки.

«А как его делают, этот опыт?» — спросил он нетерпеливо.

Знаменитый сыщик только и ждал случая просветить своего собеседника.

«Прежде всего нам нужен аппарат для получения водорода, — важно сказал он. — Вот он. Это обыкновенная колба, в которую я наливаю серную кислоту и кладу несколько кусочков цинка. Тут выделяется водород, так? Если теперь сюда ввести мышьяк в каком угодно виде, то получится газ $A\delta H_3$ — мышьяковистый водород. Отсюда газ поступает для просушивания в трубку с сухим хлористым кальцием, а затем вот в эту узенькую трубочку. Здесь мы подогреваем газ на спиртовке, и он распадается на водород и чистый мышьяк, причем мышьяк осаждается на стенках трубки в виде блестящего серо-черного налета. Так называемое мышьяковое зеркало — надеюсь, вы о нем слышали, мой молодой друг?»

Его молодой друг никогда ни о чем не слышал, но он с неослабевающим интересом следил за всеми приготовлениями.

«Но не забудьте — я вовсе не утверждаю, что в шоколаде действительно есть мышьяк, — заметил Калле, когда он наконец зажег спиртовку. — Просто я для порядка делаю небольшой опыт и искренне надеюсь, что мои подозрения неосновательны».

В чулане воцарилась тишина. Знаменитый сыщик настолько погрузился в исследования, что совсем позабыл о своем юном друге.

Стеклянная трубочка подогрета. Калле измельчил кусочек шоколада, высыпал его через воронку в колбу и принялся ждать затаив дыхание.

Что такое? Да это же оно! Мышьяковое зеркало!

Страшное доказательство его правоты. Не веря своим глазам, Калле уставился на пробирку. В глубине души он все время сомневался. Теперь сомнения рассеялись. Но ведь это означает... означает что-то ужасное!

Дрожащими руками он погасил спиртовку. Воображаемого собеседника уже не было. Он исчез в тот самый момент, когда знаменитый опытный сыщик опять превратился в маленького испуганного Калле.

Немного погодя Андерс разбудил свист под окном — условный сигнал Белой розы. Среди гераней и фикусов на подоконнике показалась его сонная физиономия. Возле мастерской стоял Калле и махал ему.

— Что, пожар, что ли? Чего ты будишь людей в такую рань?

— Не болтай и выходи! — отрезал Калле.

Когда Андерс наконец спустился, Калле посмотрел на него серьезно и спросил:

— Пробовал ты тот шоколад, прежде чем дать Беппо?

Андерс изумленно вытаращил глаза.

— И ты примчался сюда в семь утра, только чтоб меня об этом спросить?

— Да, потому что в нем был мышьяк, — сообщил Калле спокойно и тихо.

Лицо Андерса вытянулось и побледнело.

— Не помню, — прошептал он. — То есть я облизал пальцы... Я же Мумрика вымазал в этой каше, которая получилась у меня в кармане... А ты уверен, что...

— Да, — сказал Калле сурово. — Теперь пошли в полицию.

На ходу он рассказал Андерсу об опыте и страшной истине, которую обнаружил. Друзья думали про Еву-Лотту, и на душе у них было мрачно, как никогда в жизни. Они решили, что Еве-Лотте пока ничего не нужно говорить.

Потом Андерс подумал про Беппо.

— Ведь это я его отравил! — Он чуть не плакал. — Если Беппо умрет, я никогда больше не смогу посмотреть в глаза Сикстену!

— Беппо не умрет. Ты же знаешь, что ветеринар сказал, — утешал его Капле. Ему целую кучу лекарств дали, и промывание желудка сделали, и все на свете. Еще хорошо, что Беппо съел шоколад, а не ты и не Ева-Лотта.

— И не ты, — добавил Андерс.

Они оба содрогнулись.

— Так или иначе одно мне совершенно ясно, — сказал Андерс, когда они свернули к полицейскому участку.

— Что?

— Этим делом должен заняться ты, Калле, иначе никакого толку не будет. Я же с самого начала говорил.

14

— Мы должны найти убийцу, должны! — сказал комиссар полиции, ударяя тяжелым кулаком по столу.

Вот уже четырнадцать дней он бьется над этим необычайно запутанным делом. А сейчас ему нужно уехать. Поле деятельности государственной полиции обширно, и его ждут дела в другом месте. Но он оставляет здесь троих сотрудников. С утра пораньше он собрал их на совещание с участием местной полиции.

— Насколько я понимаю, — продолжал он, — за эти четырнадцать дней мы добились лишь одного: ни один человек не осмеливается теперь надеть зеленые брюки.

Он уныло покачал головой. Они работали не покладая рук. Они исследовали все возможные варианты. Но положение не прояснилось ни на йоту. Убийца возник из ничего и канул в ничто. И никто его не видал, кроме одного-единственного человека — Евы-Лотты Лисандер.

Общественность помогала по мере сил. Поступило множество сообщений о людях, носящих темно-зеленые кабардиновые брюки. Некоторые на всякий случай доносили обо всех им известных синих, серых и даже коричневых габардиновых брюках. А вчера комиссар получил анонимное письмо следующего содержания: «У портного Андерссона парень жулик у него черные штаны чистая правда так что не сумлевайтесь посадите ево».

— Если от нас хотят, чтобы мы арестовывали людей за то, что они носят черные брюки, то неудивительно, что все зеленые габардиновые брюки исчезли, как по волшебству, — сказал, смеясь, комиссар.

Еву-Лотту несколько раз вызывали для очной ставки с разными типами, которые казались комиссару особенно подозрительными. Их ставили в ряд со множеством других людей, одетых почти так же; затем Еву-Лотту спрашивали, нет ли среди них того, кого она видела тогда в Прериях.

— Нет, — каждый раз отвечала Ева-Лотта.

Ей пришлось также просмотреть огромное количество фотографий, но и на них она никого не узнала.

— Они такие все добрые, — говорила она, с любопытством рассматривая изображения убийц и воров.

Всех без исключения обитателей Плутовской горки допросили, что они знают о личной жизни Грена. Полицию особенно интересовало, не заметил ли кто чего-нибудь особенного вечером того дня, когда, как было установлено, к Грену приходил человек в габардиновых брюках. Как же, как же — именно в тот вечер почти все заметили нечто совершенно из ряда вон выходящее. На Плутовской горке стоял такой шум и гам, словно по меньшей мере с десяток убийц истребляли друг друга!

Это было небезынтересно. Но комиссар быстро выяснил, что речь шла всего-навсего о войне Роз. Правда, некоторые лица, в том числе Калле Блюмквист, показали, что как раз в то время они слышали шум отъезжающего автомобиля. Было установлено, что это не мог быть автомобиль, в котором доктор Форсберг приезжал навестить Хромого Фредрика.

Дядя Бьорк поддел Калле.

— Эх, ты, а еще знаменитый сыщик! Не мог сбегать номер записать! Так-то ты выполняешь свой долг?

— Да за мной же трое Алых гнались как угорелые! — защищался пристыженный Калле.

Чтобы связаться с клиентами Грена, пришлось как следует поработать. Большинство людей, фамилии которых стояли на векселях, удалось разыскать. Они жили в самых различных уголках страны.

— Некто, у кого есть машина... Что ж, возможно, — произнес комиссар, встряхнувшись, словно сердитый пес. — Он вполне может жить за тысячу километров отсюда. Он мог оставить машину около Усадьбы, затем быстро вернуться к ней и укатить к черту на кулички, прежде чем мы вообще что-либо узнали.

— Тем более что возле Усадьбы никто не живет, — сказал Бьорк, — и дороги вокруг пустынные. Да, трудно придумать лучшее место для такой встречи.

— А это свидетельствует о некотором знании местности, не так ли? — заметил комиссар.

— Возможно, — ответил Бьорк. — Но это могло быть и чистой случайностью.

Сразу после того как нашли Грена, полиция тщательно изучила все окрестные дороги — искали следы машины. Тщетно. Проливной дождь оказал преступнику неоценимую услугу.

А как они искали потерянный вексель! Осмотрели каждый куст, каждый камень, каждую кочку. Но роковая бумага как сквозь землю провалилась.

— Исчезла так же бесследно, как убийца, — комиссар вздохнул. — Удивительно — чтоб человек не подавал ни малейших признаков жизни!

В передней послышались возбужденные мальчишечьи голоса. Ребята, судя по всему, хотели видеть комиссара полиции, было слышно, как молодой полицейский уверял их, что у комиссара совещание и его нельзя беспокоить. Ребячьи голоса стали настойчивее:

— А мы должны его видеть во что бы то ни стало!

Бьорк узнал голос Андерса и вышел.

— Дядя Бьорк, — заторопился Андерс, как только увидел его, — мы насчет того убийства... Теперь Калле взялся...

— Ничего я не взялся, — возмущенно перебил Калле, — только...

Дядя Бьорк смотрел на них с упреком.

— Я ведь говорил, кажется, что это дело не для мальчиков и знаменитых сыщиков, — сказал он. — Можете спокойно доверить расследование государственной полиции. Марш домой!

Но тут Андерс разозлился на самого дядю Бьорка, которого всегда глубоко ценил и уважал.

— Марш домой?! — закричал он. — Марш домой, и пускай убийца отравит мышьяком весь город, так, да?

Калле поспешил на помощь. Он вытащил остатки шоколадной плитки и объяснил серьезно:

— Дядя Бьорк, кто-то прислал Еве-Лотте отравленный шоколад.

Глаза Калле выражали мольбу. Но Бьорк больше не упрямылся.

— Идите сюда, — сказал он и пропустил мальчиков вперед.

* * *

Когда Калле и Андерс окончили свой рассказ, стало совсем тихо, долго никто не говорил ни слова. Наконец комиссар сказал:

— Кажется, я жаловался, что убийца не подает никаких признаков жизни?

Он взвесил шоколад в руке. Да, не такие признаки жизни он имел в виду. Потом он испытующе посмотрел на Андерса и Калле. Конечно, не исключена возможность, что они ошибаются. Он же не знал, в какой мере можно положиться на познания Калле в химии и насколько верить его показаниям о мышьяковом зеркале. Может быть, у мальчишки просто фантазия разыгралась. Ладно, химическая экспертиза покажет.

А эта история с собакой несомненно подозрительна! Неплохо было бы произвести анализ и другой половины плитки, той, которую съела собака. Ведь Беппо сильно рвало. Но мальчишки уверили, что вчера вечером они тщательно убрали за ним. Иными словами, сделали все, чтобы уничтожить следы... И в довершение всего, как утверждали друзья, Ева-Лотта выбросила конверт, в котором был прислан шоколад. «Да этот ребенок просто бросается ценными бумагами!» — подумал комиссар. Но откуда она могла знать, что конверт будет иметь какое-то значение? Как бы там ни было, его надо попробовать найти, хотя шансов на успех очень мало. Он повернулся к Андерсу.

— У тебя не осталось хоть малюсенького кусочка твоей половины плитки? спросил он.

Андерс покачал головой.

— Нет, я все Беппо отдал. А сам только пальцы облизал.

— Ну, а в кармане? Карман, наверное, испачкался?

— Мама вчера же штаны постирала.

— Жаль, — сказал комиссар.

Он помолчал немного, потом пристально взглянул в глаза Андерсу.

— Во всем этом меня занимает одна вещь. Ты сказал, что вчера ночью тебе что-то нужно было в кухне у почтмейстера. Ты влез в окно, когда все спали. Сам понимаешь — как старый полицейский я нахожу все это довольно странным. Нельзя ли точнее узнать, что именно тебе там было нужно?

— Ну... это... — пробормотал Андерс, вконец смутившись.

— Так что же? — повторил комиссар.

— Мы Мумрика...

— Ради бога, только не говори, пожалуйста, что опять он тут замешан! — взмолился комиссар. — Этот ваш Мумрик становится уже подозрительным. Всякий раз, когда что-нибудь случается, он тут как тут.

— Мне только надо было положить его в глобус к Сикстену, — стал объяснять Андерс извиняющимся тоном.

Но его прервал дикий вопль Калле:

— Мумрик! На нем еще должен быть шоколад — Андерс его вымазал, когда сунул в карман!

Лицо комиссара озарила широкая улыбка.

— Пожалуй, настало время господину Великому Мумрику предоставить себя в распоряжение полиции, — объявил он.

Таким образом, Мумрику предстояло еще раз путешествовать в сопровождении полицейского эскорта! Бьорк срочно направился в дом почтмейстера. За ним по пятам следовали Калле и Андерс.

— Избалуем мы Мумрика, — сказал Калле. — Кончится тем, что он при каждом переезде будет требовать, чтобы его сопровождала конная полиция!

Несмотря на мрачность обстоятельств, которые вынуждали забрать Мумрика, и несмотря на подавленное настроение, друзья невольно в какой-то мере смотрели на происходящее глазами рыцарей Белой розы. Ведь теперь, когда выяснилось, что Андерс, сам того не зная, отравил Беппо, тайну убежища Мумрика все равно уже нельзя было скрыть... Предстояло все рассказать Сикстену, а это означало, что он тут же захватит талисман.

И вдруг вмешивается полиция и берет Мумрика под свою охрану! Как ни переживали Калле и Андерс за ЕвуЛотту и Беппо, они не могли отметить, что это получается просто здорово!

— И вообще, если хочешь знать, Мумрик спас нам жизнь, — заключил Калле, потому что если бы ты не пошел спрятать его в глобус, Беппо не съел бы тот шоколад. А если бы Беппо не съел шоколад, все могло обернуться куда хуже. Ведь не все же так хорошо переносят мышьяк, как Беппо!

Дядя Бьорк и Андерс согласились с этим.

— Великий Мумрик — особа, достойная всяческого уважения, — сказал Бьорк, открывая калитку почтмейстерского сада.

Беппо лежал в корзинке на веранде, все еще слабый, но бесспорно живой. Сикстен сидел рядом и смотрел на пса взглядом, полным преданности и обожания. Ведь он взял эту собаку совсем маленьким щеночком и не собирается с ней расставаться!

Услышав стук калитки, он повернулся, и глаза его округлились от изумления.

— Привет, Сикстен, — поздоровался Бьорк. — Я пришел за Мумриком.

15

По правде говоря, люди помнят о совершившемся преступлении не так уж долго. Некоторое время они говорят о нем, обсуждают, строят догадки, ужасаются, переживают, возмущаются нерасторопностью полиции, но в конце концов теряют интерес к случившемуся, находят новые темы для разговоров, новый повод ужасаться и негодовать.

Быстрее всех забыли об этом, конечно, самые молодые — участники войны Роз, завоеватели Великого Мумрика. У них столько дел и всяческих забот. И кто это сказал, что летние каникулы длинные? Какая чепуха! Они ужасно, немилосердно коротки, просто хоть плачь! Золотые деньки так и бегут. Жалко упустить хоть минуту. Нельзя же позволить, чтобы последняя солнечная неделя каникул была омрачена мыслями о страшном преступлении.

А вот матери забывают не так скоро. Они еще долго держат дома своих маленьких светловолосых дочек, боятся выпустить их из виду. Если мамы не слышат, как их сыновья галдят неподалеку, они с беспокойством выглядывают из окон. Время от времени они опрометью выбегают из дому, чтобы убедиться, что с их любимцами ничего не приключилось. И долго еще с волнением обследуют содержимое почтовых ящиков, боясь обнаружить там что-нибудь опасное.

Но в конце концов и матери устают волноваться. Их мысли переключаются на другое. А сыновья и дочери, которые терпели массу неприятностей из-за всех этих треволнений, облегченно вздыхают и снова приходят на свои излюбленные места войн и игр.

И только один человек не забывает — сам преступник. Он помнит, что сделал. Помнит, когда ложится спать, помнит, когда встает, помнит каждую минуту, днем и ночью, помнит даже во сне.

Он знает, что есть человек, который видел его лицо в самый неподходящий момент, и он боится этого человека. Насколько возможно, он пытается изменить свою внешность. Он

бреет усы и стрижется ежиком. Он никогда больше не надевает зеленые габардиновые брюки, они спрятаны у него в "гардеробе, и он не решается их продать, чтобы не вызвать подозрений. И все-таки боится.

Еще он боится, что кто-нибудь найдет в конце концов вексель, который он потерял. Вексель с его именем.

Каждый день он боится раскрыть газету, чтобы не прочесть там, что бумага наконец найдена и преступник вот-вот будет схвачен. Он в таком страхе, что не может удержаться и время от времени идет на место преступления, чтобы поискать в зарослях потерянный вексель, хотя знает, что это бесполезно.

Он должен еще и еще раз убедиться, что страшная бумажка не лежит где-нибудь в прошлогодней траве или под камнем. Поэтому он иногда садится в машину и мчит за шестьдесят километров, к хорошо знакомому месту на окраине Прерий. Ведь он пошел на все, не остановившись даже перед убийством, чтобы только избавиться от своих бесконечных долгов, которые не давали ему спокойно жить. Так неужели он теперь пропадет из-за какой-то ничтожной бумажки?

Он ни разу не подумал, что оборвал человеку жизнь, что по его вине старик никогда не увидит, как это лето сменится осенью. Он думает только о себе. Он должен спастись любой ценой. Но он боится. А когда человек боится, он очень опасен.

* * *

Мумрик еще не вернулся из Стокгольма, с химической экспертизы, но полицию уже известили, что в мельчайших частицах шоколада, прилипших к Мумрику, действительно обнаружены следы мышьяка. А в той части плитки, что была у Калле, мышьяку оказалось достаточно, чтобы убить человека. Какое счастье, что ребятам опротивел шоколад и они даже не притронулись к этой плитке!

Покушение не удалось сохранить в тайне от Евы-Лотты. Все газеты писали о нем. Кроме того, комиссар считал своим долгом предупредить ее. Конечно, после настойчивых обращений во всех газетах поток подарков и лакомств совершенно прекратился, но Ева-Лотте все же лучше быть настороже. Человек, дошедший до крайности, мог найти и другой способ причинить ей зло. И, хотя комиссар опасался, что бедная девочка может опять заболеть от потрясения, когда узнает страшную правду, он все же пришел в дом булочника и серьезно поговорил с ней.

Но он ошибся в своих предположениях. Ева-Лотта несколько не заболела. Она рассердилась, и притом не на шутку.

— Беппо же мог умереть! — кричала она, — ни за что ни про что чуть не погубить несчастную собаку, которая никому не делала зла!

В глазах Евы-Лотты это было ни с чем не сравнимое злодеяние.

Впрочем, природная беззаботность помогала ей забывать страшное. Через несколько дней она опять была весела. Она забыла, что на свете есть нехорошие люди, и знала только, что сейчас летние каникулы и жизнь чудесна.

Да, но до начала занятий осталась всего только однаединственная неделя! Все рыцари Белой и Алой розы считали, что эту короткую неделю надо использовать для чего-нибудь поинтереснее, чем печальные размышления о случившемся. Все равно ничего не изменишь!

Беппо совсем поправился, и Сикстен, сидевший около него как пришпиленный, снова был охвачен жадной деятельностью.

Он опять созвал под знамена свои войска. Они собрались в гараже и принялись плести интриги. Ибо час мщения пробил, и Алые собирались рассчитаться с Белыми розами за Мумрика в глобусе и за другие безобразия.

То, что Андерс нечаянно отравил Беппо, сюда не причислялось. Сикстен от всего сердца простил его, и к тому же Андерс самым трогательным образом ухаживал за Беппо во

время его болезни.

Белая и Алая розы начали свои войны еще задолго до появления Мумрика. И, хотя Мумрик со всеми приписываемыми ему магическими свойствами был идеальным поводом для войны, существовали еще и другие сокровища, которые можно было отвоевывать у противника. Например, Белая роза овладела жестяной коробкой, битком набитой тайными бумагами. Андерс считал, что коробку эту можно без особого риска хранить в комодe на чердаке. В обычное время, возможно, это было и так, но сейчас, когда Мумрик находился в служебной командировке, Сикстен пришел к выводу, что коробка Белой розы — отличная драгоценность и ее стоит похитить, даже если придется бороться до последнего человека. Бенка и Йонте, конечно, тут же согласились. Трудно себе представить двоих ребят, которые больше были бы преисполнены решимости бороться до последнего человека.

После того как героическое решение было подкреплено страшными клятвами в гараже, Сикстен однажды вечером тихо и спокойно пошел в штаб Белых роз и взял коробку. Однако ожидаемого вопля со стороны Белых роз не последовало — по той простой причине, что они ничего не заметили. Наконец терпение Сикстена истощилось, и он послал Бенку с высочайшим письмом к Белым розам, чтобы они очнулись и поняли, что произошло. Письмо было следующего содержания:

Где же тайная коробка Белой розы,
Где же ее тайные бумаги?
Там, где кончаются Прерии, стоит дом,
В том доме есть комната,
В той комнате есть угол,
В том углу есть бумага,
На бумаге — карта,
На карте... вот именно!
О белые мокрицы, бегите,
В том доме поищите!

— Не пойду я туда ни за что на свете, — сначала сказала Ева-Лотта.

Но, поразмыслив, решила, что не может же она на всю жизнь отказаться от Прерий: ведь другого такого места для игр не сыскать! Весной и осенью, летом и зимой Прерии оставались одинаково заманчивыми, таящими множество всяких возможностей. Если навсегда отказаться от Прерий, так уж лучше идти в монастырь.

— Я пойду с вами, — объявила она после короткой внутренней борьбы. — Лучше с этим сразу покончить, а то я всю жизнь буду трусить.

На следующее утро Белые розы поднялись ни свет ни заря, чтобы враги не застали их врасплох во время поисков. На всякий случай Ева-Лотта не сказала дома, куда она отправляется. Она на цыпочках вышла через садовую калитку и присоединилась к ожидавшим ее Андерсу и Калле.

Прерии оказались вовсе не такими страшными, как думала Ева-Лотта. Здесь было мирно и тихо, как всегда. В воздухе с веселым свистом носились ласточки — чего же гут бояться? Усадьба выглядела почти приветливо. Она уже не производила впечатления заброшенной и необитаемой — просто люди еще не совсем проснулись. Скоро они распахнут окна, шторы затрепещут от утреннего ветерка, комнаты наполнятся оживленными голосами, а из кухни послышится приятный звон посуды, предвещающий заэтрак. Действительно, бояться абсолютно нечего.

Но, когда друзья вошли в дом, они все-таки почувствовали, что это мертвый дом. В углах паутина, обои позваны, окна разбиты... И никаких других голосов, кроме их собственных, разумеется, не слышно.

«Белые мокрицы, бегите, в том доме поищите!» — так обратился к ним Алый вождь, и они старались изо всех сил. Искать пришлось долго — дом был большой, с массой комнат и

углов, — но в конце концов поиски увенчались успехом. Впрочем, Алые так и рассчитывали, ибо Сикстен на этот раз задумал такую хитрость, которая сулила Белым розам сокрушительное поражение.

Совершенно верно — на бумаге была нарисована карта, и не так уж трудно было сообразить, что она изображает сад почтмейстера. Вот дом, вот гараж, сарай, уборная, — в общем, все, а в одном месте — кружок и надпись: «Копайте здесь!»

— Что там ни говори, а изобретательности у Алых маловато, — заявил Андерс, проштудировав карту.

— Да, не очень-то остроумно, — подтвердил Калле. — Это же ребенок поймет, даже стыдно. Так пошли копать, что ли?

Да, надо было идти. Но сначала они хотели сделать кое-что другое.

Ребята не были в Прериях с той роковой среды. Тогда им не разрешил дядя Бьорк, но сейчас их охватило какое-то нездоровое любопытство: почему бы не пойти на то место, раз уж они здесь!

— Только без меня, — заявила Ева-Лотта категорически. Она бы лучше умерла, чем еще раз идти по той тропинке в орешнике. Но, если Андерсу и Калле охота, пусть идут, она не против. А Ева-Лотта останется здесь, в доме. Только чтоб они потом пришли за ней.

— Жди нас минут через десять, — ответил Калле.

И они ушли.

* * *

Оставшись одна, Ева-Лотта занялась меблировкой. В воображении она убрала и обставила мебелью весь дом и населила его большой семьей с множеством детей. Ведь у самой Евы-Лотты не было ни братьев, ни сестер, а она обожала маленьких детей.

«Здесь будет столовая, — фантазировала Ева-Лотта. — Вот стол. Семья большая, всем даже тесно за столом. Кристер и Кристина подрались, и их отправляют в детскую. А Бертиль еще маленький, сидит на высоком детском стуле. Мама его кормит. Ой, он же весь вымазался! А вот старшая сестра Лилиан. Она красавица, черноволосая и черноглазая, и вечером она устраивает бал. Здесь, в гостиной, зажгут хрустальную люстру, и Лилиан будет стоять в шелковом платье и сверкать глазами».

И Ева-Лотта засверкала глазами — это она была старшая сестра Лилиан.

Сегодня приезжает из Упсалы, где он учится в университете, старший брат Клас. Глава семьи очень этому рад и стоит у окна, ожидая возвращения сына.

Ева-Лотта важно выпятила живот: теперь она — глава семьи, который стоит у окна в ожидании сына.

Постой-ка, да вон и сын появился вдали! У него очень приятная внешность, хотя он мог быть и немного помоложе.

Прошло несколько секунд, прежде чем Ева-Лотта спустилась из мира фантазий на землю и поняла, что это не братец Клас, а настоящий человек из плоти и крови. Он приближался к Усадьбе большими, быстрыми шагами. Ева-Лотта смущенно посмеялась над собой. Она же чуть не крикнула ему: «Привет, Клас!»

Вот он поднял глаза и увидел ее в окне. Братец Клас вздрогнул. Ему как будто не понравилось, что у окна стоит отец и смотрит на него. Он сразу пошел быстрее. Гораздо быстрее.

Вдруг он остановился и повернул назад. Да-да, повернул назад!

Но Ева-Лотта не хотела больше его смущать. Она вернулась в столовую посмотреть, съел ли Бертиль свою кашу. Оказалось, что нет, и сестрице Лилиан пришлось ему помогать. Она была так поглощена этим, что не слышала, как отворилась дверь. Ева-Лотта тихо вскрикнула от удивления: в комнату входил братец Клас!

— Добрый день, — сказал он.

— Добрый день, — ответила Ева-Лотта.

— Мне показалось, что я увидел в окне одну мою старую знакомую.

— Нет, это вы меня видели.

Братец Клас испытующе посмотрел на нее.

— А разве мы раньше не встречались?

Ева-Лотта покачала головой:

— По-моему, нет. Что-то не припомню.

«Я его узнаю из тысячи», — сказала она однажды. Но Ева-Лотта не знала тогда, что человеку достаточно сбрить усы и постричься ежиком, чтобы совершенно изменить свою внешность. Кроме того, человек, которого она встретила на тропинке и образ которого навсегда запечатлелся в ее памяти, был в зеленых габардиновых брюках и она просто не могла представить себе его одетым по-другому. А братец Клас был в сером, в мелкую клеточку costume. Он с волнением посмотрел на нее и спросил:

— Как же тебя зовут?

— Ева-Лотта Лисандер.

Братец Клас кивнул.

— Ева-Лотта Лисандер, — повторил он.

Ева-Лотта и не подозревала, как ей повезло, что она не узнала братца Класа. Даже преступник избегает напрасно причинять зло ребенку. Но этот человек хотел спастись любой ценой. Он знал, что некто, по имени Ева-Лотта Лисандер, может его погубить, и был готов на все, чтобы помешать ей. И вот она перед ним, эта Ева-Лотта Лисандер!

Он мог бы смело поклясться, что узнал ее в окне, как только увидел эти светлые волосы. А она стоит и совершенно спокойно заявляет, что никогда не видала его раньше! У него такая гора свалилась с плеч, что он чуть не закричал от радости. Ему не надо больше постоянно бояться неожиданной встречи с Евой-Лоттой Лисандер! Она ведь могла приехать в соседний город, где он живет. Она могла показать на него и сказать: «Вот убийца!»

Но она не узнала его — значит, она не свидетель и никогда не сможет на него указать!

Он чувствовал такое огромное облегчение, что был даже рад неудаче покушения с шоколадом, о которой так много писали в газетах.

Братец Клас собрался уходить. Уйти, чтобы больше никогда не возвращаться к этому проклятому месту! Он уже взялся за ручку двери, но тут внезапно в нем проснулось подозрение. А вдруг эта девчонка искусная актриса? Вдруг она только притворяется, что никогда его не видала? Он испытующе взглянул на нее. Но Ева-Лотта стояла, дружелюбно улыбаясь, и открыто глядела на него доверчивыми детскими глазами. В них не было и тени притворства, он это понял, хотя вообще не очень-то хорошо понимал, что такое честность. Но на всякий случай он все-таки спросил:

— Что ты здесь делаешь одна?

— А я не одна, — весело ответила Ева-Лотта. — Андерс и Калле тоже здесь. Это мои друзья, — пояснила она.

— Значит, вы здесь играете, да?

— Нет, мы тут одну бумажку искали.

— Бумагу? — Братец Клас посуровел. — Вы искали бумагу?

— Ага, ужасно долго искали. — Ева-Лотта считала, что потратить на поиски дурацкой карты Алых целый час — это слишком уж много. — Вы себе представить не можете, сколько мы искали. Но мы ее нашли наконец.

У брата Класа перехватило дыхание, и он с такой силой ухватился за ручку двери, что суставы побелели.

Он погиб! Ребята нашли — нашли тот самый вексель, который он сам столько времени искал. Он и сегодня пришел сюда поискать его в последний раз. Попался, и как раз, когда думал, что спасен! О! Его охватило дикое желание истребить и уничтожить все, что стояло ему поперек пути. Кажется, он радовался, что девчонка осталась жива, что она не отравилась шоколадом. Сейчас он чувствовал только холодную ярость, как тогда, в ту последнюю среду

июля!

Но он взял себя в руки. Еще не все потеряно. Ему необходима эта бумага, он должен ее получить!

— А где же Андерс и Калле? — спросил он насколько мог невозмутимо.

— Они сейчас придут.

Ева-Лотта выглянула в окно:

— Да вон они!

Братец Клас стал позади нее, чтобы посмотреть. Он стоял очень близко, Ева-Лотта повернула голову, случайно опустила глаза, увидела его руку... и узнала ее!

Да-да, она узнала его руку! Густо покрытую черными волосами тонкую руку. Так вот кто такой братец Клас; теперь Ева-Лотта узнала его совсем! Ужас пригвоздил ее к месту. Вся кровь отлила от лица, чтобы через секунду прилить обратно с такой силой, что в ушах зазвенело. Хорошо, что она стояла к нему спиной и он не мог видеть ужаса в ее глазах и дрожащего подбородка. И в то же время ей было так страшно оттого, что он стоит позади нее и она не знает, что он там делает...

Но вот идут Андерс и Калле! Все-таки легче, что Ева-Лотта теперь не одна с этим страшным человеком. Две фигурки в выцветших синих штанах и рубашках отнюдь не первой свежести растрепанные и чумадые, явились, словно спасители. Да здравствуют рыцари Белой розы!

Но ведь она тоже рыцарь Белой розы и, следовательно, не имеет права терять самообладание. Мозг Евы-Лотты работал так лихорадочно, что ей казалось, будто человек позади нее должен все слышать. Одно ясно: он не должен подозревать, что она его узнала. Что бы ни произошло — не подавать виду!

Ева-Лотта открыла окно и высунулась. Глаза ее выражали предельное отчаяние, но мальчишки внизу этого не заметили.

— Они идут сюда, слышишь? — крикнул Андерс.

Братец Клас вздрогнул. Неужели полиция уже идет за векселем? У кого же из ребят он сейчас? Надо торопиться, время не ждет, — то, что он задумал, не терпит отлагательства!

Преступник шагнул к окну. Ему очень не хотелось показываться так открыто, но у него не было выбора. Братец Клас дружелюбно улыбнулся ребятам.

— Привет, — сказал он.

Они вопросительно взглянули на него.

— Что же вы оставили свою даму совсем одну, — продолжал он, тщетно пытаясь придать голосу шутливое выражение. — Мне пришлось зайти сюда и поболтать немножко с Евой-Лоттой, пока вы бегаєте и собираете бумагу — или что вы там еще делаете.

На это было трудно что-нибудь ответить. Андерс и Калле выжидающе молчали.

— Заходите, ребята, — позвал братец Клас. — У меня к вам предложение. Хорошее предложение, вы сможете денег подзаработать.

Андерс и Калле сразу оживились. Подзаработать денег они всегда готовы!

Но почему Ева-Лотта смотрит на них так странно? И делает рукой тайные знаки Белой розы, означающие опасность! Андерс и Калле остановились в растерянности.

Тут Ева-Лотта запела:

— «Сияет солнце с высоты...»

Голос у нее чуть-чуть дрожал, но она продолжала тот же веселый мотив, только изменила слова.

— У-боб-и-йой-цоц-а, — пела Ева-Лотта.

Как будто обычная бессмысленная чепуха, которую любят сочинять дети, когда поют, но Андерс и Калле почему-то оцепенели от страха. словно песня пригвоздила их к месту. Впрочем, оба тут же овладели собой и как бы невзначай ущипнули себя за ухо. Это был тайный знак Белой розы, означавший, что они поняли.

— Ну, чего же вы там, — нетерпеливо сказал человек в окне.

Друзья стояли в нерешительности. Вдруг Калле повернулся и побежал в кустарник

неподалеку.

— Куда же ты? — рассердился незнакомец. — Ты что, не хочешь денег заработать?

— Очень даже хочу, но неужели нельзя сходить по естественной надобности?

Незнакомец кусал губы.

— Поторапливайся! — кричал он вдогонку.

— Сейчас, — отозвался Калле.

Немного спустя он вернулся. Андерс стоял на прежнем месте. О том, чтобы оставить Еву-Лотту одну в беде, не могло быть и речи; он должен пойти туда, в дом, где находится убийца, но лучше сделать это вместе с Калле.

И вот они вместе входят в гостиную, где сестрица Лилиан вечером собиралась давать бал.

Андерс подошел к Еве-Лотте и положил ей руку на плечо. Потом взглянул на ее ручные часы и сказал:

— Батюшки, как уже поздно, нам нужно сейчас же домой!

Он взял Еву-Лотту за руку и побежал к двери.

— Да, мы как-нибудь в другой раз подзаработаем, а сейчас нам надо идти, добавил Калле.

Но если они думали, что братец Клас так легко их отпустит, то они ошибались. Одним прыжком он оказался в дверях и загородил им дорогу.

— Минуточку, — сказал он. — Не так уж вы торопитесь!

Преступник сунул руку в задний карман. Вот он — здесь. С той последней июльской среды он всегда носит пистолет с собой. Мало ли что может случиться.

Братец Клас лихорадочно думал. Он обезумел от страха и ярости. Конечно, его страшило то, что предстояло сделать, и он колебался. Но он вел опасную игру и решил довести ее до конца, даже если для этого придется совершить еще не одно преступление.

Он смотрел на ребят и ненавидел их за то, что они вынуждают его на это. Да, он вынужден это сделать, иначе три свидетеля расскажут, как выглядит человек, отобравший у них вексель. Нет, этого он не допустит, будьте уверены, хотя он и помирает со страху.

Но сначала он должен узнать, у кого из них вексель, чтобы не пришлось зря тратить время и рыться в карманах у этих щенков.

— Эй, вы, — заговорил он хриплым и срывающимся голосом. — Давайте сюда бумагу, которую вы нашли. Она мне нужна. Ну, живо!

Ребята разинули рты от удивления. Они были бы менее поражены, если бы он заставил их спеть хором «Серенького козлика». А может быть, им послышалось? Правда, они знали, что среди убийц попадаются просто сумасшедшие, но даже ненормальному вряд ли могла понадобиться карта Алых с надписью «Копайте здесь».

«Что ж, пожалуйста! Почему не отдать карту, если она ему так дозарезу нужна?» — подумал Андерс, у которого карта была в кармане.

Но быстрее всех в самые критические моменты соображал все-таки знаменитый сыщик Блюмквист. Внезапно до него дошло, какую именно бумагу требовал у них этот человек. И в ту же минуту Калле стало ясно многое другое. Он словно читал мысли преступника.

Этот злодей хладнокровно убил человека. Скорей всего, он вооружен и сейчас. От одного свидетеля он уже пытался избавиться с помощью отравленного шоколада. Калле понимал, как мало у них надежд на спасение. Если даже Андерс вытащит карту и они сумеют убедить убийцу, что представления не имеют о его векселе, все равно они пропали. Убийца неизбежно сообразит, что уже разоблачил себя своим вопросом. Если раньше он пытался устранить единственного свидетеля, то тем более не допустит, чтобы оставались трое живых свидетелей, которые могут его опознать.

Конечно, Калле не рассуждал так обстоятельно, однако он понимал, что им грозит, и весь похолодел от страха. Но он сердито сказал себе: "Потом будешь бояться... если будет какое-нибудь «потом»...

А теперь нужно оттянуть время, ох, как нужно! Андерс уже собирался вытащить карту,

но Калле вдруг сильно толкнул его.

— Нон-е нон-а-дод-о! — прошипел он.

— Вы что, не слышите? — сказал братец Клас. — У кого из вас бумага?

— Здесь у нас ее нет, — ответил Калле.

Андерс, конечно, предпочитал отдать этому типу бумагу: может, он их тогда отпустит. Но он понимал, что Калле лучше его знает, как обращаться с уголовными личностями. И Андерс промолчал.

Ответ Калле взбесил убийцу.

— Где она? — крикнул он, — Доставайте ее, живо, живо!

Калле лихорадочно соображал. Если он скажет, что бумага в полицейском участке, или дома у Евы-Лотты, или далеко в Прериях, все будет кончено. Они могут чувствовать себя в безопасности лишь до тех пор, пока этот человек не потерял надежду вскоре получить бумагу.

— Мы ее спрятали наверху, — сказал он, помедлив.

Братец Клас дрожал всем телом. Он вытащил из кармана пистолет; Ева-Лотта зажмурилась.

— Живей, живей! — кричал преступник. — Может, эта штука вас подгонит.

И он погнал их прочь из гостиной, где сестрица Лилиан собиралась вечером давать бал.

— И-дод-и-тот-е мом-е-дод-лол-е-нон-нон-ей, — тихо пробормотал Калле. Сос-кок-о-рор-о поп-рор-и-дод-е-тот поп-о-лол-и-цоц-ия.

Андерс и Ева-Лотта, пораженные, взглянули на него. Каким это образом полиция может скоро прийти? Уж не хочет ли Калле сказать, что умеет передавать мысли на расстояние? Так или иначе они послушно пошли медленнее. Они тащились еле-еле и спотыкались на всех порогах; Андерс даже поскользнулся и слетел с лестницы — как когда-то, тысячу лет назад, когда они воевали с Алыми.

Братец Клас бесился. Его так и подмывало разделаться с этими паршивцами. Но сначала надо получить вексель. О, как он ненавидел этих детей! Можно подумать, что они и сами не знают, в каком углу спрятали бумагу.

А Белые розы медленно бродили из комнаты в комнату и озабоченно повторяли:

— Нет, не здесь!

Легче было бы гнать впереди себя одичавшее стадо коров. Проклятые щенки то и дело останавливались, кто высморкаться, кто почесаться, кто поплакать — то есть в основном плакала, конечно, девчонка.

Наконец они пришли в маленькую комнатку с ободранными обоями XVIII века. Ева-Лотта опять всхлипнула, вспомнив, как однажды их здесь заперли с Калле — давно-давно, когда они были еще молоды и счастливы...

Калле с недоумевающим видом осматривал стены.

— Нет, как будто и не здесь! — сказал он.

— По-моему, тоже не здесь, — подтвердил Андерс.

Но это была последняя комната на верхнем этаже! Братец Клас издал дикий вопль.

— Провести меня вздумали! Думаете, я не понимаю! Вот что — сию же минуту давайте сюда бумагу. А если забыли, где она, пеняйте на себя. Не отдадите бумагу — через пять секунд застрелю всех троих.

Он стал спиной к окну и прицелился. Калле понял, что преступник не шутит и тактика оттяжек больше не годится. Он кивнул Андерсу.

Андерс отошел к стене, где обои свисали клочьями, вынул руку из кармана и сунул ее за обои. Когда он вытащил руку, в ней была бумага.

— Вот она, — сказал он.

— Прекрасно, — произнес братец Клас. — Стойте там, где стойте, а ты протянешь руку и дашь мне бумагу.

— Поп-а-дод-а-йой-тот-е нон-а поп-о-лол, кок-о-гогдод-а я чоч-и-хох-нон-у, — тихо сказал Калле.

Андерс и Ева-Лотта потрогали себя за мочку уха в знак того, что поняли.

Братец Клас слышал, что один из ребят несет какуюто ужасную тарабарщину, но ему было все равно. Теперь осталось уже немного: как только он получит бумагу, все будет кончено!

Убийца протянул руку и взял листок. Пистолет он держал все время наготове. Пальцы дрожали, когда он пытался одной рукой развернуть скомканный вексель.

Вексель? Разве это вексель? «Копайте здесь» — такие надписи на векселях обычно не делают. Мгновение он стоял, ничего не понимая, и в этот момент Калле громко чихнул.

Друзья разом бросились на пол. Калле и Андерс нырнули вперед и схватили братца Класа за ноги. Он закричал и беспомощно хлопнулся на пол. Падая, преступник уронил пистолет, и Калле успел схватить его, опередив братца Класа на какую-то ничтожную долю секунды. Дада, знаменитый сыщик Блюмквист разоружил убийцу! Он ведь часто это делал, и всегда удивительно легко и изящно. Потом обращал оружие против преступника и говорил: «Поосторожнее на поворотах, приятель!»

Наверное, он и сейчас так сделал? Ничуть не бывало. В панике Калле схватил эту ужасную черную штуку и выбросил ее в окно, так что стекло разлетелось вдребезги. Вот что он сделал! А для знаменитого сыщика это не очень-то продуманный поступок. Как раз сейчас было бы совсем неплохо иметь пистолет. Но, по правде говоря, знаменитый сыщик Блюмквист до смерти боялся всего, что стреляло, за исключением своей собственной рогатки. И вообще-то он поступил правильно. Пистолет в руках дрожащего мальчишки вряд ли был бы серьезным оружием против озверевшего бандита. Они бы очень скоро опять обменялись ролями. И поэтому самым лучшим было выбросить пистолет, чтобы никто из них не мог его достать.

Взбешенный братец Клас вскочил и в замешательстве кинулся к окну, чтобы посмотреть, куда упал его пистолет. Это был роковой промах с его стороны, и трое рыцарей Белой розы не преминули им воспользоваться. Они кинулись опрометью к двери, единственной двери во всем доме, которая по-настоящему запиралась, — это они знали по собственному горькому опыту!

Братец Клас метнулся за ними, но друзья успели раньше. Они захлопнули дверь и прижали ее ногами, чтобы Калле мог повернуть ключ. Из комнаты доносился рев, дверь сотрясалась от ударов. Заперев, Калле вынул ключ — на случай, если братец Клас тоже знает, как открывать двери, запертые снаружи.

Друзья стремглав бросились вниз по красивой лестнице XVIII века, все еще задыхаясь от страха и дрожа всем телом. Все трое одновременно протиснулись через входную дверь и помчались дальше без оглядки. Вдруг Калле спохватился и, чуть не плача, сказал:

— Надо пойти взять пистолет.

Орудие убийства нужно было сохранить. Это он понимал. Но в тот момент, когда они заворачивали за угол, что-то грохнулось на землю перед самым их носом. Это выпрыгнул из раскрытого окна братец Клас, прыгнул с высоты пяти метров, — но разве будешь считаться с такими пустяками, когда дело идет о жизни и смерти! Преступник приземлился удачно и поспешно схватил пистолет. На этот раз он будет действовать без рассуждений!

Правда, пока он брал пистолет, ребята успели отпрянуть за угол. Ну ничего! Теперь им несдобровать! Сейчас он...

И вдруг братец Клас услышал голос, в котором смешались слезы и торжество. Кричала девочка:

— Полиция! Вон они! Ой, скорее! Дядя Бьорк, скорее!

Убийца оглянулся. Да, вон они, проклятые, целая свора...

Теперь уже поздно справляться с детьми. Но, может быть, еще не поздно удрать? Убийца всхлипнул от страха. Бежать! К машине! Броситься в машину и мчаться сломя голову далеко-далеко, в другую страну!

Преступник кинулся туда, где оставил машину. Он бежал изо всех сил — ведь за ним гналась полиция, в точности как в его ужасных снах.

Нет, они не догонят. Они еще далеко. Ему бы только добежать до машины, а там ищи-свищи. Вот она, его маленькая славная машина, его спасение! Торжествуя, убийца одолел последние метры. Он же говорил, что вывернется!

Преступник вставил ключ и дал газ. Прощайте все, кто хотел ему помешать, прощайте навсегда.

Но что это — его машина, его славная маленькая машина еле сдвинулась с места и ковыляет, как инвалид! Он выругался сквозь зубы и заплакал от ярости. Потом высунулся из окна и увидел: все четыре шины проколоты!

А преследователи все приближались. Неумолимо, но осторожно, они, очевидно, догадывались, что он вооружен, и поэтому бежали зигзагами, прячась за кустами и камнями. И подбирались все ближе, ближе...

Преступник выскочил из машины. Он мог выпустить в них всю обойму, но не сделал этого. Убийца понимал, что его все равно схватят.

Немного поодаль, за густыми кустарниками, укрылся пруд, полный илистой воды, несмотря на летнюю сушь. Братец Клас знал этот пруд: он ведь часто бывал в этих местах. Теперь он бросился туда и утопил в вязкой тине свой пистолет. Орудие убийства не должно попасть в руки полиции, не должно стать уликой против него.

Затем кружным путем преступник кинулся обратно к дороге. Там он остановился и стал ждать. Он готов. Они могут взять его.

16

Комиссар полиции наклонился вперед, пристально разглядывая бледного молодого человека, ради которого ему пришлось срочно вернуться сюда.

— А не лучше ли сознаться? — сказал он мягко. — Мы же знаем, что это вы убили Грена. Знаем, что это вы послали тот шоколад Еве-Лотте Лисандер. Как было бы хорошо, если бы вы мне все рассказали и кончились бы эти бесконечные допросы.

Но молодой человек очень высокомерно продолжал утверждать, что не имеет ни малейшего отношения к убийству Грена, с которым он даже не был знаком, а уж тем более к шоколаду, посланному какой-то Еве-Лотте Лисандер.

В свою очередь комиссар уже в который раз спрашивал его, почему же, если совесть у него чиста, он бросился бежать, когда в Прериях появилась полиция.

Молодой человек был очень раздражен тем, что ему приходится все объяснять снова и снова. Он побежал потому, что дети так кричали и орали, словно он их чем-то обидел. Они, очевидно, его неправильно поняли, когда он с ними играл. Конечно, бежать было глупо, но комиссар ведь знает, чем грозит человеку обвинение в том, что он нехорошо обошелся с детьми. И, кроме того, он же потом остановился и подождал полицию. Возможно, он затеял глупую игру — этого он не отрицает. Девочка рассказала ему о бумаге, о какой-то карте, которую они разыскивали, и он смеха ради немного попугал их. Притворился, будто он их противник, который тоже хочет завладеть картой и разыскивать зарытые клады, да ведь комиссар сам видел карту и мог убедиться, что он не лжет. Дети сказали правду, он целился в них из пистолета, но ведь пистолет-то был не заряжен, дорогой комиссар!

Комиссар хотел знать, где же пистолет сейчас.

Да, молодой человек тоже хотел бы это знать, потому что это был хороший пистолет, он получил его в наследство от отца. Но один из ребят выбросил его в окно — просто смешно, до чего же они все приняли за чистую монету, — а после этого он его так и не видел. Наверное, другой какой-нибудь паршивый малец его схватил. Скорее всего, тот самый, который изрезал шины.

Комиссар покачал головой.

— Молодой человек, — заметил он, — врать вы умеете. Но вы не должны забывать вот о чем: Ева-Лотта Лисандер категорически утверждает, что вы и есть тот человек, которого она встретила в Прериях через пять минут после того, как был убит Грен.

Молодой человек презрительно рассмеялся.

— В таком случае, — ответил он, — чрезвычайно странно, что она болтала со мной, как с закадычным другом, рассказала и про карту, и про своих приятелей, и про все на свете. Или ей нравится болтать с убийцами?

Комиссар помолчал немного и сказал:

— Ваша прислуга рассказала нам, что вы совсем недавно сбрили усы. Точнее — на следующий день после убийства. Как вы это объясните?

Молодой человек взглянул на гладко выбритое лицо комиссара:

— А разве вы сами для разнообразия никогда не отращивали себе небольшие усы, а потом сбривали, когда они вам надоедали? И я сбрил свои, когда они мне надоели. Я же не виноват, что несчастный старик умудрился умереть как раз накануне.

— Так, — отметил комиссар. — Могу еще сказать, что вчера в вашем доме произвели обыск. И у вас в шкафу, в самом дальнем углу, были обнаружены зеленые габардиновые брюки. А вы, наверное, слышали, что полиция уже две недели ищет человека в зеленых габардиновых брюках?

Молодой человек стал еще бледнее, но ответил все так же надменно:

— Я берусь отыскать по крайней мере пять человек только среди моих знакомых, у которых есть зеленые габардиновые брюки. И я никогда не слышал, что это преследуется.

Комиссар опять покачал головой.

— Молодой человек, как вам только не надоело!

Нет, ему не надоело лгать. И у комиссара даже чуть не лопнуло терпение, которым он так славился среди своих товарищей по службе. Братец Клас был очень упрям. Да-да, по странному стечению обстоятельств его действительно звали Клас! Ева-Лотта окрестила его правильно.

Драматические события в Усадьбе прервали войну Роз. Мамаши опять были охвачены страхом, детям опять было строго-настрого приказано сидеть дома. Да ребята и не сопротивлялись, настолько их потрясло то, что случилось.

Все рыцари Алой и Белой розы собрались в саду булочника и вспоминали те ужасные минуты в Прериях. Все опять хвалили находчивость Калле. Ну разве не здорово он тогда это придумал? Калле и Андерс знали, что Алые близко, видели, как они залегли в кустах; Калле стрелой побежал прямо к ним и отдал четкое и ясное приказание:

— Убийца в Усадьбе. Бегите за полицией! А один пусть пойдет и проколет шины, его машина стоит на дороге у поворота.

Прошли еще сутки с тех пор, как начался допрос братца Класа, и терпение комиссара истощалось все больше.

День выдался дождливый, Бенка был парень тихий и не очень воинственный, зато совсем другими качествами отличался его кумир — боевой и энергичный Сикстен. За него Бенка был готов в огонь и в воду. Пример Сикстена помогал Бенке быть вполне приличным рыцарем Алой розы. Но в такой дождливый день можно со спокойной совестью заняться чем-нибудь дома, и Бенка сел приводить в порядок свои марки, с любовью разглядывая их чуть близорукими глазами.

У него была довольно полная коллекция шведских марок, и он как раз собирался вклеить в альбом несколько новых, когда взгляд его упал на скомканный конверт. Бенка нашел его недавно в канаве около дома Лисандеров. Конверт украшала совсем новая марка; в его коллекции такой еще не было.

И вот Бенка достает конверт из коробки для ненаклеенных марок и разворачивает его. Адрес напечатан на машинке: «Еве-Лотте Лисандер». Ну да, ведь Ева-Лотта последнее время получала столько писем. Бенка заглянул внутрь. Пусто, конечно! Он еще раз полюбовался маркой: красивая... А вот откуда отправлено письмо, не узнаешь, так как его опустили в почтовый ящик поезда и на конверте стоит только штемпель почтового вагона. Зато число видно хорошо.

Вдруг Бенку осенило. А что, если это тот самый конверт, из-за которого столько было

шуму и который полиция уже сколько времени разыскивает? Надо вспомнить — в тот день, когда Белые розы сидели в беседке и Сикстен послал его оскорбить их, кажется, тогда Ева-Лотта и получила шоколад. Ну да, точно, в тот самый день! Тогда он и конверт нашел. Какой же он идиот, что раньше не рассмотрел получше!

Две минуты спустя Бенка был у Сикстена, который сидел дома и играл в шахматы с Йонте. Еще ровно через две минуты они были у Евы-Лотты, которая сидела на чердаке с Калле и Андерсом, читала «Веселые картинки» и слушала, как дождь шумит по крыше. И еще через две минуты все они ввалились в полицию. Однако потребовалось десять минут, прежде чем промокшая до нитки компания сумела объяснить дяде Бьорку и комиссару, что произошло.

Комиссар рассмотрел конверт через лупу. Очевидно, буква "т" на пишущей машинке была с дефектом: на каждом "т" он видел какую-то нашлепку.

— Ребятишки — как собачонки, — заметил комиссар, когда дети ушли. — Во все суют нос и роются во всяком мусоре, а нет-нет, да и принесут что-нибудь полезное.

Да, конверт оказался в высшей степени полезным! У брата Класа и в самом деле нашли машинку, и, когда на букве "т" обнаружили тот же дефект, который был виден на конверте, комиссар решил, что припер преступника к стенке.

Но братец Клас продолжал глупо и упорно отпираться.

Сикстен сделал новую карту с надписью «Копайте здесь» и передал ее однажды вечером рыцарям Белой розы, собравшимся в саду булочника.

— Ага, «копайте здесь»! — сказал Андерс, когда Сикстен сунул карту ему в руку. — А что твой папаша скажет, когда и мы тоже начнем уродовать его газоны?

— Постой, с чего ты взял, что это газон? — спросил Сикстен. — Вы только точно следуйте карте, и я вам ручаюсь, что папка ничего не скажет. А мы с Бенкой и Йонте пока сбегаете искупаемся.

Белые розы отправились в сад почтмейстера. Здесь они отмерили ровно столько шагов, сколько полагалось по карте, и очутились на старом, заброшенном огороде.

Друзья с жаром, принялись за работу и радостно вопили всякий раз, когда лопата стучалась о камень. Но каждый раз их ждало разочарование, и приходилось копать снова и снова. Наконец, когда почти весь участок был перекопан, Калле вдруг воскликнул:

— Есть, вот она!

И он вытащил облепленную землей коробку, которую Алые вероломно спрятали в самом дальнем углу.

Андерс и Ева-Лотта побросали свои лопаты и кинулись к Калле. Ева-Лотта заботливо вытерла коробку носовым платком, а Андерс достал ключ, висящий у него на груди. Коробка показалась им странно легкой. А вдруг Алые подобрали ключ и сперли часть их сокровищ? Чтобы проверить это, они открыли коробку.

Но никаких тайных бумаг и сокровищ там не оказалось. В коробке лежала только бумажка, на которой было написано мерзким почерком Сикстена:

«Копайте, копайте! Продолжайте в том же духе! Вам осталось прорыть всего лишь несколько тысяч километров, и вы попадете в Новую Зеландию. Можете там и оставаться!»

Белые розы задыхались от ярости. А за кустами послышался восторженный хохот, и из-за кустов появились Сикстен, Бенка и Йонте.

— Негодяи, куда вы дели наши бумаги? — крикнул Андерс.

Сикстен хлопнул себя по коленкам и долго еще хохотал, прежде чем ответить.

— Слепые курицы! — сказал он. — Сдались нам ваши паршивые бумажонки. Да они лежат у вас в комодке вместе с прочим хламом. Эх, вы, ничего не слышите и не видите!

— Куда им, они ведь копают, — заметил Йонте с довольным видом.

— Ну и здорово же вы копаете! — восхищался Сикстен. — Вот папка обрадуется, что ему не надо больше на меня ворчать за этот старый огород! Мне что-то неохота было приниматься за это дело в такую жару.

— Где уж, ты ведь так усердно Мумрика откапывал, что у тебя, наверное, до сих пор

пузыри на руках не прошли, — предположил Калле.

— Это вам даром не пройдет, господа, — посулил Андерс.

— Да уж будьте уверены! — подхватила Ева-Лотта.

Она встряхнула испачканный носовой платок и сунула его обратно в карман.

Но что это — на самом дне кармана лежало что-то еще. Какая-то бумага... Ева-Лотта вынула ее и посмотрела. Вверху стояла надпись: «Вексель». Ева-Лотта рассмеялась.

— Нет, вы видали что-нибудь подобное, — воскликнула она. — Вот он, этот самый вексель! Выходит, он был у меня в шкафу все время, пока они там в Прериях ползали за ним по кустам! Ну, что я говорила — есть что-то в этих векселях ужасно глупое.

Она рассмотрела бумагу поближе.

— «Клас», — прочла она. — Совершенно верно. А он, кстати, очень красиво расписывается.

После чего Ева-Лотта скомкала вексель и бросила его в траву, где бумагу подхватил легкий летний ветерок.

— Теперь уж его арестовали, так что все равно, какая у него подпись.

Калле ахнул и бросился сломя голову за драгоценной бумажкой. Он с упреком посмотрел на Еву-Лотту.

— Вот что я тебе скажу, Ева-Лотта, — сказал он, — ты плохо кончишь, если будешь вот так вот кидаться бумагами!

— Дод-а зоз-дод-рор-а-вов-сос-тот-вов-уе-тот. А-лол-а-я Рор-о-зоз-а, неуверенно произнес Сикстен. — Ведь до чего простой язык, если разобраться!

— Да, это ты теперь говоришь, когда знаешь, в чем дело, — возразил Андерс.

— И вам еще надо научиться говорить во сто раз быстрее, — добавил Калле.

— А не то чтобы сегодня один слог, а завтра другой, — сказала Ева-Лотта. Надо тархтеть, как из пулемета.

Все рыцари Белой и Алой розы собрались на чердаке, где Алые только что прослушали первый урок разбойничьего языка. Дело в том, что, поразмыслив хорошенько, Белые розы поняли, что посвятить Алых в тайну этого языка — их гражданский долг. Учителя в школе всегда проповедовали, как важно знать языки. Как же они были правы! Что бы делали Андерс, Калле и Ева-Лотта тогда в Усадьбе, если бы они не знали разбойничьего языка? Калле думал над этим несколько дней и наконец сказал Андерсу и Еве-Лотте:

— Мы не имеем права допускать, чтобы Алые прозябали в таком ужасающем невежестве. Они же пропадут ни за грош, если когда-нибудь столкнутся с убийцей!

И Белые розы открыли у себя на чердаке курсы по изучению разбойничьего языка.

Сикстен имел устойчивую двойку по английскому, ему бы день и ночь зубрить английскую грамматику — до переэкзаменовки оставались считанные дни, — но он считал разбойничий язык куда более важным.

— Английский язык почти все убийцы знают, — заявил он, — от него большой пользы не получишь, а без разбойничьего языка капут.

Вот почему трое Алых часами сидели среди мусора на чердаке и упражнялись с трогательным усердием.

Урок был прерван приходом булочника Лисандера. Он держал в руке тарелку со свежими булками. Отдав их Еве-Лотте, он сообщил ребятам:

— Недавно звонил дядя Бьорк и сказал, что Мумрик вернулся.

— Кок-рор-а-сос-о-тот-а! — восторженно произнесла Ева-Лотта и впилась зубами в булку. — Пошли в полицейский участок!

— Кок-рор-а-сос-о-тот-а! Так-то так, — сказал булочник. — Только вы теперь поосторожнее с этим Мумриком, слышите?

Все рыцари Алой и Белой розы заверили, что будут просто ужас до чего осторожны. И булочник медленно направился вниз.

— Кстати, могу вам сообщить, что этот самый Клас сознался, — добавил он, прежде чем уйти.

Рыцари Белой и Алой розы побежали в полицейский участок за Мумриком.

— Мумрик... — Бьорк медлил с ответом. — А Мумрика здесь нет.

Друзья вытаращили глаза от удивления. Как же так?

Он ведь сам позвонил и сказал, что Мумрик вернулся. Дядя Бьорк серьезно посмотрел на них.

— Ищите высоко над землей, — провозгласил он торжественно. — Пусть птицы небесные укажут вам дорогу! Спросите галок, не видели ли они достопочтенного Мумрика.

Юные лица роз так и расплылись в улыбке. Йонте воскликнул, захлебываясь от восторга:

— Кок-рор-а-сос-о-тот-а! Борьба продолжается!

— Борьба продолжается, — решительно заявил Бенка.

Ева-Лотта одобрительно посмотрела на Бьорка: о, форма ужасно шла ему! Полицейский Бьорк напустил важность на свое мальчишески задорное лицо.

— Дядя Бьорк, — сказала Ева-Лотта, — не будь вы такой ужасно старый, вы могли бы тоже участвовать в войне Роз.

— Ага. И вы бы тогда стали Алой розой! — подхватил Сикстен.

— Ну уж нет — Белой! — возразил Андерс.

— Избави бог, — отозвался Бьорк. — Где уж мне такими опасными делами заниматься. Тихая, спокойная работав полиции больше всего подходит такому старикану, как я.

— Что вы, иногда надо и рисковать! — сказал Калле и выпятил грудь.

Через пару часов Калле развалился в своей любимой позе под грушей и принялся размышлять над тем, что такое рисковать. Он так усердно размышлял и разглядывал летние облака, что почти не заметил, как воображаемый собеседник тихонечко подошел к нему и сел рядом.

«Я слышал, господин Блюмквист опять поймал преступника», — льстиво произнес он.

Калле Блюмквиста вдруг взорвало.

«Неужели? — сказал он и сердито уставился на назойливого собеседника, от которого никак не мог избавиться. — Не болтайте ерунды! Никого я не поймал. Все это сделала полиция, потому что это ее дело. Никаких убийц я не ловил и ловить не собираюсь. И вообще я бросаю все это дело, одни только неприятности себе наживаешь!»

«Но я думал, что господину Блюмквисту нравится рисковать», — сказал воображаемый собеседник, и, если говорить правду, в голосе его звучала обида.

«А я и без того сколько угодно рискую, — возразил знаменитый сыщик. — Если бы вы только знали, молодой человек, что такое война Роз!»

Внезапно размышления его были прерваны — твердое недозрелое яблоко треснуло его по голове. Со свойственной знаменитому сыщику сметливостью Калле мигом сообразил, что недозрелое яблоко вряд ли могло упасть с грушевого дерева, и огляделезг вокруг, чтобы обнаружить виновника.

Возле забора стояли Андерс и Ева-Лотта.

— Проснись, о спящий! — крикнул Андерс. — Мы идем искать Мумрика!

— Знаешь, что мы думаем? — сказала Ева-Лотта. — Наверное, дядя Бьорк спрятал его на вышке в городском саду. Там же всегда полно галок!

— Кок-рор-а-сос-о-тот-и-щощ-а! — восхищенно воскликнул Калле.

— Алые нас убьют, если мы его первые найдем, — предупредил Андерс.

— Ничего! — ответил Калле. — Иногда надо рисковать!

Он многозначительно взглянул на своего воображаемого собеседника. Понял ли тот теперь, что можно не быть знаменитым сыщиком и все-таки рисковать? И Калле украдкой помахал на прощание рукой симпатичному молодому человеку, который теперь смотрел на него более восхищенно, чем когда-либо.

Калле помчался к Андерсу и Еве-Лотте, бодро стуча голыми загорелыми ногами по садовой тропинке. А воображаемый собеседник исчез. Исчез тихо и незаметно, словно унесенный легким летним ветерком.